

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

147

**АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ
И СИБИРИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

147

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ
И СИБИРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1976

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь),
Н. Н. Гурина, И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарера, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов (зам. ответственного редактора), Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

УКРЕПЛЕНИЯ ЧУСТСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ИХ МЕСТО
В ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ ФОРТИФИКАЦИИ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

Укрепленные поселения чустской культуры Ферганы позднего бронзового века — одни из наиболее древних на территории Средней Азии. Крепостные стены были открыты в 1956 г. на Дальверзинском¹, а затем на Чустском поселениях. Результаты изучения этих оборонительных сооружений получили отражение в ряде исследований². Помимо этих работ, ферганские укрепления рассматривались в некоторых общих трудах, где они получили самое противоречивое толкование³.

Противоречивые суждения, высказанные в литературе, побуждают вновь вернуться к чустским укреплениям, тем более что материалы, добытые на Дальверзине на протяжении 14 лет раскопок, до сих пор еще не систематизированы и не обобщены.

Дальверзинское поселение занимает овальный холм, вытянутый с запада на восток (560×360 м), общей площадью 25 га. По размерам оно является самым большим среди памятников чустской культуры. На поселении выделено три части, каждая из которых огорожена особой оборонительной стеной (рис. 1). Основная часть древнего поселка (в дальнейшем это будет Дальверзин I-Д1) имеет площадь около 18 га. Периметр ее составляет 1500 м. Остатки стены в виде земляного вала прослежены на всех краях холма, за исключением западного, где они были позднее разрушены. Стена тянется вдоль края холма, следуя его конфигурации. Восточный участок разделен промоиной на месте, очевидно, бывших Главных ворот на два отрезка: северный — более длинный — и южный — короткий. Последний почти полностью вскрыт (раскоп II). Оборонительная стена расчищена на участке длиной более 120 м. Удалось проследить место поворота и продолжение стены в юго-восточной части поселения. Для изучения конструкции стены она разрезана тремя траншеями. Установлено, что основание стены лежит на нижнем культурном слое, который перекрыт глинобитной платформой. На нее положен мощный слой утрамбованной земли с отдельными камнями и кирпичами. Все это сверху перекрыто панцирной кладкой из сырцового кирпича толщиной до 60 см. Толщина стены в среднем равна 4—6 м, высота сохранившейся части 2,5 м (рис. 2).

Северный отрезок восточной стены имеет примерно те же пропорции. Стена северного края поселения выделяется наибольшей толщиной и высотой вала. Она также построена на нижнем культурном слое (раскоп XI), но если под восточной стеной толщина этого слоя не превышала

Рис. 1. План Дальверзинского поселения

1 — засеянные поля; 2 — улицы; 3 — голые деревянные; 4 — столбы; 5 — ямы; 6 — современные кладбища

50—80 см, то на вскрытом участке она достигает 1,75 м. Северная стена отличается и по устройству — она сложена из паховых блоков (50×50; 40×30 см). Толщина ее равна в среднем 4 м. Сохранилось только основание на высоту 0,90—1,25 м. К северу от этой стены на расстоянии примерно 2 м обнаружена вторая параллельная ей стена толщиной 1,2 м. Установлено, что основание второй стены залегает на одном уровне с первой. Очевидно, она построена для усиления укреплений. Обе стены составляют единое целое, а пространство между ними забутовано лёссовидным суглинком с мелкой галькой. В результате общая толщина северной стены равна 8 м.

С внешней стороны ко второй стене примыкает участок глинобитной платформы со сплошной выкладкой из мелкой гальки на уровне основания стены. Эта выкладка предназначалась для укрепления склона холма и предупреждения его оползания.

Таким образом, северная стена в отличие от восточной сложена из паховых блоков; она состоит из двух объединенных параллельных стен толщиной 8 м; подстилающий ее нижний культурный слой имеет значительную толщину; стена сохранилась на небольшую высоту. Наиболее интересную особенность выявили при изучении рельефа северного вала.

На исследуемом участке вал имел с внешней (северной) стороны выступ, представляющий подобие траверса, который в фортификации предназначался для защиты уязвимых мест в системе обороны. Дело в том, что к западу от раскопа XI поперек северного вала, на месте предполагаемого второго входа на поселение проходит лощина. Эта лощина ведет непосредственно ко входу в цитадель, и, вероятно, с целью усиления обороны входа на поселение с восточной стороны его был построен на северной стене дополнительный выступ (траверс). Возможно, что он выполнял функции башни, которые пока не обнаружены на Дальверзине. Необходимо оговорить, что устройство выступа-траверса надлежит еще исследовать.

На восточном краю поселения, к востоку от первой стены, на расстоянии 220 м проходит вторая стена. Она в виде дуги охватывает восточный участок поселения — ДII — площадью около 5 га. Концами вторая стена примыкает к первой. Периметр ее составляет около 600 м. Северный отрезок стены разрушен при проведении современного арыка. Восточный участок изучен в раскопе III. Совершенно неожиданно в раскопе X на южном краю ДII открыт участок мощной стены, окружавшей эту часть поселения с юга. Толщина ее 4 м. Она сохранилась на высоту 1 м. Очищена стена на протяжении 10 м, но проследить кладку кирпичей или блоков было невозможно, поскольку вся толща прорезана многочисленными корнями растений, в результате чего структура земли сильно изменилась (рис. 3). Судя по направлению южной стены, она примыкает к первой стене в месте ее поворота на юго-запад. Вторая стена построена также на нижнем культурном слое. По размерам и устройству она сходна с первой. Обе внешние стены, следовательно, сооружены одновременно, в один и тот же период существования поселения. Имеющиеся данные дают основания предполагать, что окруженный второй стеной участок ДII, на котором не обнаружено остатков жилищ и культурный слой которого по мощности и содержанию отличается от слоя на участке ДI, использовался в качестве загона для скота и как убежище для окрестного населения в случае опасности⁴.

Своим устройством выделяется третья, внутренняя стена, ограждавшая северо-западную часть — ДIII (цитадель), площадью 2,2 га (¹/₁₀ всей площади Дальверзинского поселения). Стена в плане имела форму дуги, концы которой соединялись с внешней стеной поселения. Периметр цитадели около 500 м. Нами полностью вскрыт восточный отрезок стены длиной 130 м, начиная от арыка на юге до места соединения с северной

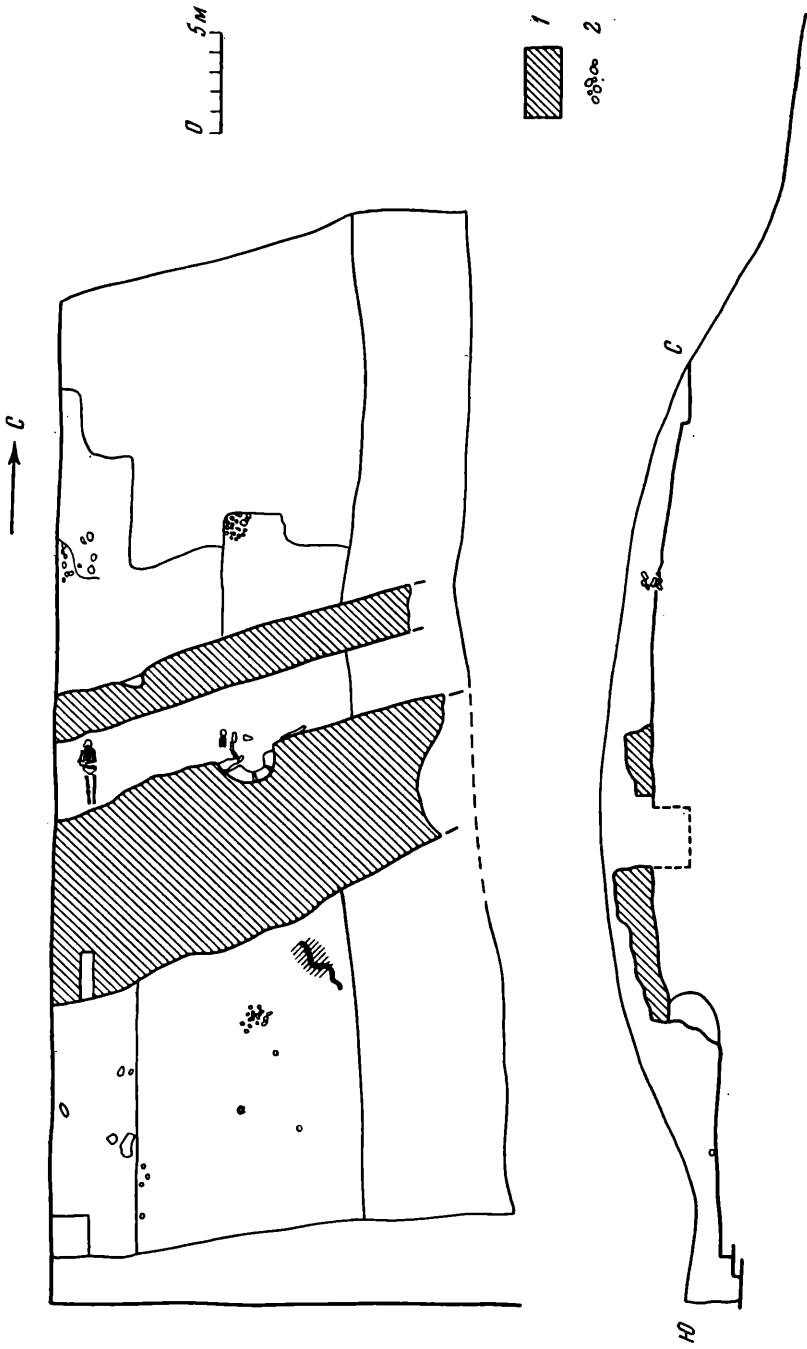

Рис. 2. Северный участок оборонительной стены
 1 — оборонительная стена; 2 — отдельные камни и скопления камней

крепостной стеной. На всем протяжении стена расчищена с внешней (восточной) стороны и только в южном конце оконтурена с обеих сторон. На небольшом участке она была разрезана траншеей и при этом выявлено, что стена построена на нижнем культурном слое толщиной 60—80 см. Сложена она целиком из крупных сырцовых кирпичей черного и зеленого цвета. Толщина стены 2,5 м, высота 2,6 м. Вскрытый участок крепостной стены, с которым соединялась внутренняя стена, сооружен из крупных пахсовых блоков, как на исследованном участке в раскопе XI, и имеет толщину 5,4 м. Примерно в 20 м к югу от северной крепостной стены во внутренней стене находился упоминавшийся вход в цитадель (раскоп IX).

Южный отрезок внутренней стены вскрыт в раскопе VII на всем сохранившемся участке длиной 40 м. Таким образом, нами раскопана вся сохранившаяся часть внутренней стены длиной более 170 м. Детально изучено устройство южной части стены в небольшой траншее. На дне ее на материковом грунте залегал нижний культурный слой толщиной 50 см. Поверхность его была выровнена слоем глины с обломками кирпича. На эту глиняную подушку положен слой из семи рядов кирпича в широтном направлении (вдоль стены). Он перекрыт выравнивающим слоем глины, на который уложено четыре ряда кирпича в меридиональном направлении (поперек стены). Этот слой в свою очередь перекрыт выравнивающим слоем и т. д. Отмечается довольно регулярная кладка кирпича вперевязку. Всего удалось выявить 37 таких слоев. Толщина кирпичной кладки стены 2,5 м. Она сохранилась на высоту 3 м (рис. 4). Внутренний (северный) край стены вертикально-ровный, а с южной стороны, обращенной внутрь поселения, к основанию стены пристроена глинобитная платформа толщиной 5 м и высотой 1 м. В основании стена, следовательно, достигает 8 м, как и на северном участке крепостной стены.

К южной стене непосредственно примыкают 11 помещений, которые скомпонованы по несколько комнат вместе. Лучше всего сохранился комплекс помещений 7—10, ориентированных длинной осью с севера на юг. В середине его находится большой зал—комната 8 (размерами 7,2×7,0 м, площадью около 50 кв. м), по краям его располагаются две узкие комнаты, а с северной стороны ко всем трем комнатам примыкает большое помещение 10—нечто вроде айвана. Другой комплекс также состоит из четырех помещений, но ориентированы они иначе—по направлению запад—восток.

Кроме того, имеются остатки стен от помещений третьего комплекса. Следует обратить внимание на правильную планировку этих помещений и на относительно большие размеры их. Все постройки на участке ДIII располагались вдоль периметра оборонительной стены, на полосе шириной 20—40 м, а в центре построек не было, и здесь, по всей вероятности, была Главная площадь.

Внутренняя стена по устройству отличается от внешних тем, что она целиком сложена из сырцового кирпича. Это было обусловлено, вероятно, особым назначением ее.

Оборонительные укрепления Дальверзина в целом составляют сложную систему, как было уже сказано, из двух внешних стен и одной внутренней.

Здесь представлены три разновидности конструкции—стена из сплошной кирпичной кладки, стена из насыпной земляной основы с панцирной кладкой из кирпича и стена, сложенная из пахсовых блоков. Такое разнообразие несомненно свидетельствует о значительном развитии фортификационного строительства в Фергане, но в настоящее время трудно сказать, чем конкретно было обусловлено применение того или иного строительного материала и определенных приемов строительства. Следует полностью исключить хронологические различия, поскольку

стратиграфическое положение всех трех открытых стен одинаково — все они построены на нижнем культурном слое. Следовательно, все три стены Дальверзина возникли в один период (в широких хронологических рамках). Это подтверждается и однородностью всего большого комплекса находок. Об этом же позволяют говорить и некоторые расчеты.

Попробуем представить более конкретно, сколько времени и труда необходимо было затратить на сооружение укрепления Дальверзина. Периметр стены Дальверзина I составлял примерно 1500 м, а если исключить западный отрезок, где остатки ее не прослежены, то — 1200 м. Толщина стены в среднем равна 4—6 м. Вероятная высота — не менее 5—6 м. Условный объем стены в первом случае составит: $1500 \times 4 - 6 \times 5 - 6 \text{ м} = 30000 - 54000 \text{ куб. м}$; во втором случае: $1200 \times 4 - 6 \times 5 - 6 \text{ м} = 24000 - 43200 \text{ куб. м}$. Допустим, что в строительстве было занято 100 человек и каждый древний строитель мог выработать (на изготовлении и кладке кирпича и т. п.) в день в среднем 2 куб. м. При определении этой нормы мы опирались на имеющиеся в литературе данные. Так, в статье В. М. Массона⁵ приведены шумерские нормы кладки кирпича — 1,5 куб. м на человека в день, норма переноса кирпича на расстояние 360 м — около 1 куб. м. В работе К. Х. Кушнаревой⁶ указаны шумерские нормы землекопа — 3 куб. м, переноски земли в корзинах на расстояние 6 м — 30 куб. м, а норма насыпки земли — 6 куб. м⁷. По среднеазиатским этнографическим данным один рабочий за 6—8 часов мог изготовить 500—800 кирпичей размером $8 \times 4 \times 2$ вершка, что при перерасчете составляет 3—4,5 куб. м⁸. Учитывая приведенные данные, приходится признать, что принятая нами норма является минимальной. Разделим общий объем стен на указанное число строителей и дневную норму и получим, что в первом случае стена могла быть построена в течение 150—

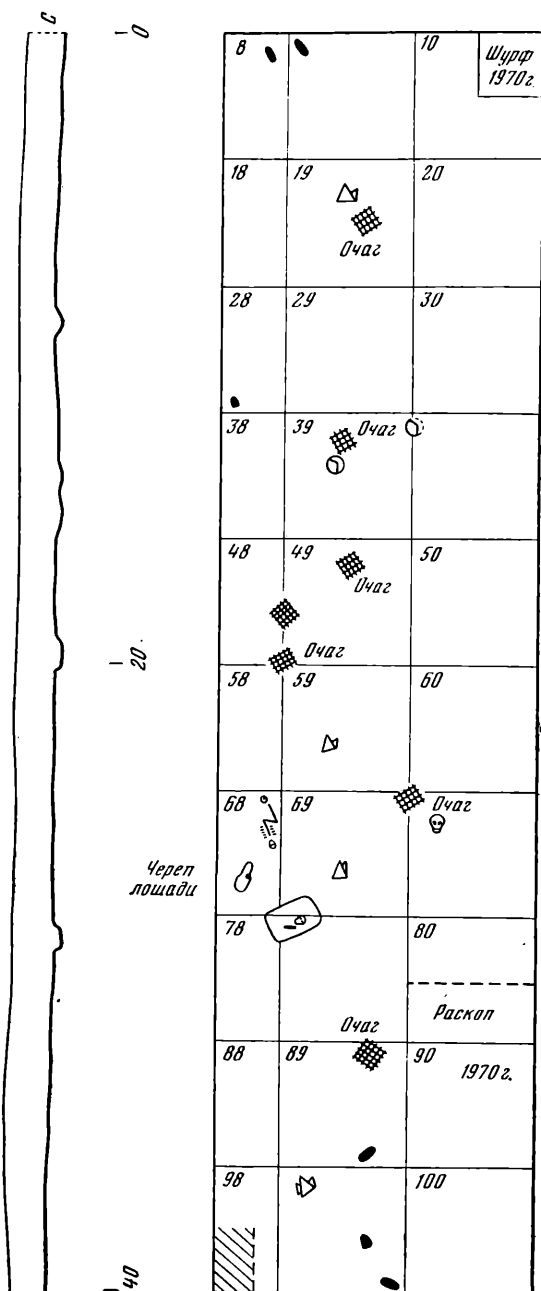

Рис. 3. Участок оборонительной стены поселения Дальверзин II

- 1 — фрагменты керамики;
- 2 — зернотерка;
- 3 — жилая поверхность;

270 дней, а во втором случае — за 120—216 дней, т. е. практически основная работа по возведению стены, окружавшей все поселение, могла быть закончена в течение одного года, исключая дождливый сезон, общинные праздники, дни уборки урожая и т. п. И если даже допустить, что объем стены был значительно больше, или производительность труда была в два-три раза меньше, или количество самих строителей было меньше,

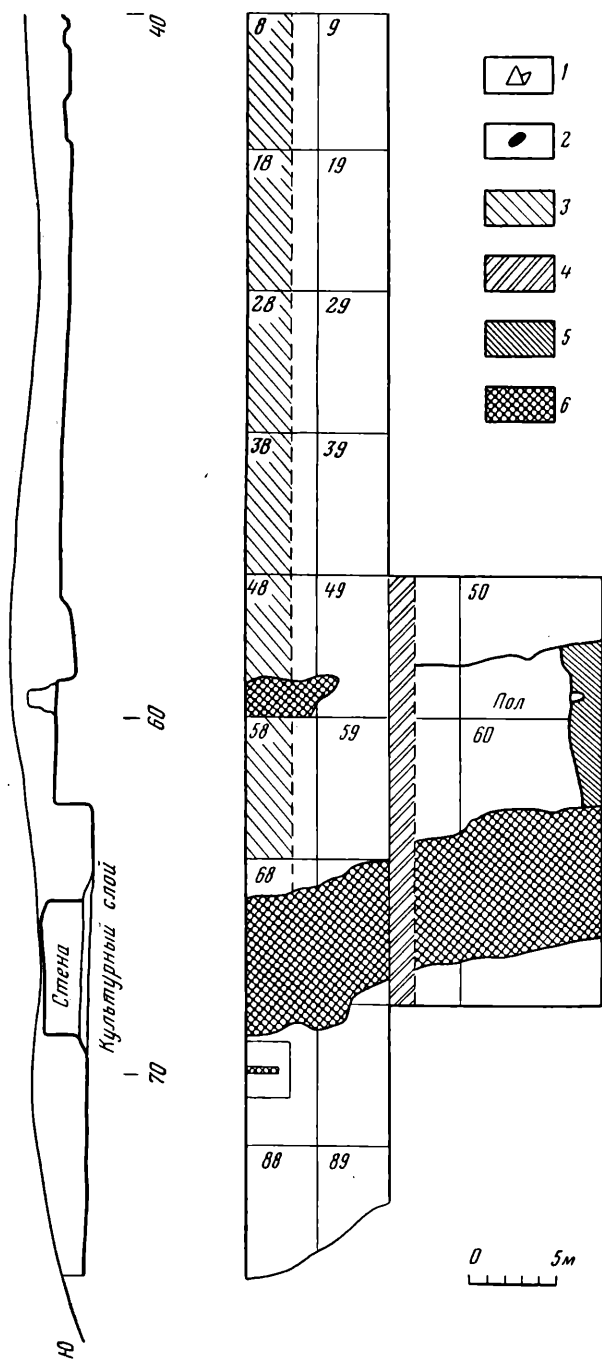

Рис. 3 (окончание)

- 4 — бровка;
- 5 — второй пол;
- 6 — стена

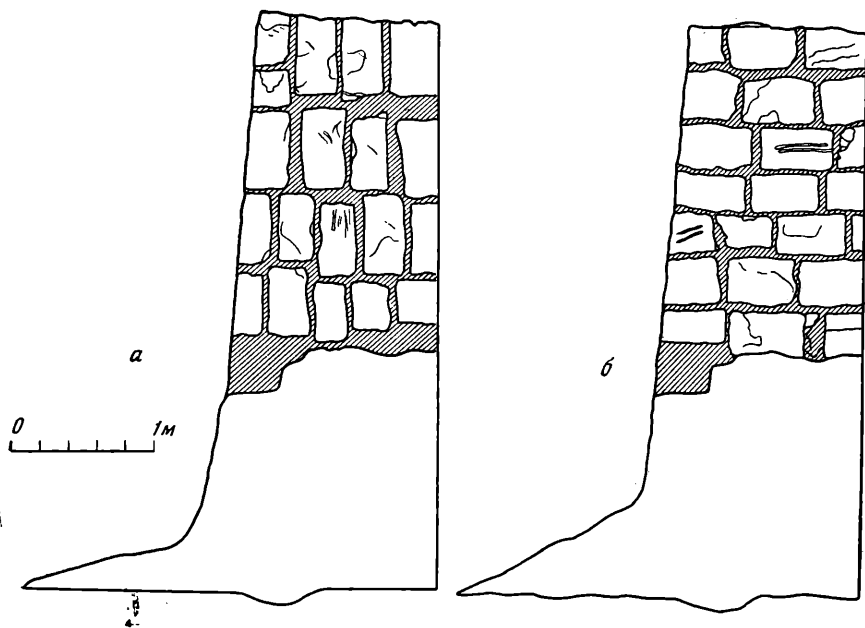

Рис. 4. Разрез южной стены цитадели
 а — кладка кирпича ряда 13; б — кладка кирпича ряда 15

чем условно принято в нашем расчете, то и в таком случае оборонительная стена могла быть построена за два-три года, максимум за пять лет. Приведенные цифры, разумеется, условны и весьма приблизительны, но они все же позволяют сделать вывод о реальной возможности построить за сравнительно короткий срок, а с точки зрения археолога — практически одновременно, все три стены Дальверзина.

Изучение оборонительных укреплений Дальверзина прежде всего позволило наметить периоды существования поселения, и следует подчеркнуть, что новые данные подкрепляют предложенную периодизацию:

I — период существования открытого поселения, без оборонительных стен, когда отложился нижний культурный слой. Эти отложения выявлены в основании стен на всех частях поселения. Первый период, судя по незначительной толщине слоя — 50—80 см, был непродолжительным.

II — период постройки и функционирования мощных фортификационных сооружений. Ему соответствует основная толща культурных наслоений — 2,5—4 м. Судя по толщине культурного слоя, основным был именно второй период — время существования Дальверзина как сильно укрепленного поселения.

III — период упадка и разрушения стен в конце существования поселения, когда их не ремонтировали и когда образовался верхний культурный слой, перекрывающий развалины укреплений (толщиной до 60 м). В это время лишь в цитадели производится частичная перестройка. Здесь к кирпичной кладке южной стены добавлена пристройка из паховых блоков. Весьма вероятно, что в этот период сохраняют свое фортификационное значение только укрепления цитадели.

Выделенные три периода по материалам изучения укреплений находят полное соответствие в трех строительных горизонтах, прослеженных во всех раскопах, и в совокупности эти наблюдения составляют твердое основание периодизации истории Дальверзинского поселения.

Из заключения об одновременности сооружения трех стен во втором периоде следует, что одновременно возникло и разделение поселка на три

части, т. е. оно появилось сразу же и было, если можно так сказать, запланировано, а не сложилось стихийным образом. Подобное членение представляет большую редкость на первобытных поселениях Средней Азии, и поэтому изучение его приобретает не локальное ферганское, а более широкое общесреднеазиатское значение. Указанная особенность исторической топографии Дальверзина, очевидно, обусловлена социально-экономическими причинами, которые могут быть в какой-то мере выявлены и объяснены только при установлении назначения отдельных частей древнего поселка. В этой связи особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о назначении северо-западной части, которая, по нашему мнению, являлась цитаделью. Этот участок мало выделялся в рельефе, и каких-либо внешних признаков обособления его как цитадели до проведения раскопок нельзя было заметить. Поэтому ранее я пришел к выводу об отсутствии цитадели на поселениях чустской культуры. Однако результаты работ последних лет заставляют теперь пересмотреть это заключение.

Прежде всего рассмотрим содержание понятия «цитадель». В археологии цитаделью принято называть обособленную часть внутри поселения, обычно возвышенную и господствующую над ним, обязательно окруженную особой стеной и служившую местом пребывания правителя и правящей верхушки. В таком определении можно выделить три критерия: 1) цитадель как топографически обособленная часть поселения; 2) цитадель как сильно укрепленная часть поселения и важное звено в фортификационной системе и 3) цитадель как место обитания правящей верхушки общины и место сосредоточения зданий общественного назначения, что обусловлено социальной структурой общества.

В ходе раскопок Дальверзина и более тщательного изучения рельефа установлен факт топографического выделения участка ДIII, окруженного мощной стеной. Следовательно, два критерия определения цитадели вполне применимы к Дальверзину. Что касается последнего критерия, то несмотря на отсутствие прямых данных можно предположить высокий уровень социально-экономического развития чустских племен, который только и мог предопределить возможность появления крупных поселений такой сложной структуры, как Дальверзин. Имеющиеся материалы в совокупности дают основания считать северо-западный участок Дальверзина цитаделью. Она является одной из древнейших в Средней Азии.

Интересные данные, дополняющие наши представления о фортификации эпохи бронзы Ферганы, получены многолетними исследованиями В. И. Спришевского на Чустском поселении. Оно относится к группе поселений среднего размера — площадь его всего 4 га. Кирпичная оборонительная стена имеет в плане форму ломаной кривой и обособляет северо-западную часть поселка площадью около 1,5 га, что составляет около $\frac{1}{3}$ всей территории поселения. Стена вокруг самого поселения не обнаружена. Периметр сохранившихся укреплений равен 286 м. Отдельные участки их неодинаковы и различаются по особенностям конструкции, размерам кирпича и прежде всего по толщине. Северный дуговидный участок сохранился лучше всего. Здесь толщина стены равна 3 м, наибольшая высота — 4—5 м. Стена сложена из крупного сырцового кирпича и возведена на подстилающем (нижнем) культурном слое. С внешней стороны к ней пристроена небольшая глинобитная платформа с узкими помещениями, представляющая собой подобие бастиона с башнеобразным сооружением. Юго-восточный участок резко отличается от предыдущего меньшей толщиной стены (1,5 м) при высоте не более 2 м.

Четко обособленное укрепление Чустского поселения, как полагает исследователь, «служило загоном для домашнего скота в ночное время и как укрытие во время нападения врагов»⁹.

Таким образом, оборонительное сооружение в Чусте в отличие от Дальверзина ограждало не все поселение, а только северо-западную часть его. Наибольшее сходство по устройству отмечается с кирпичной стеной цитадели Дальверзина. Совпадают даже размеры кирпича. В то же время стены Чуста резко отличаются от обеих внешних стен Дальверзинского поселения. Исходя из всего этого, можно по аналогии с Дальверзином допустить, что укрепленная часть в Чусте также служила цитаделью. Объективности ради следует напомнить, что в тексте диссертационной работы В. И. Спришевский высказал более определенное предположение — он считал укрепления Чуста прототипом цитадели.

Особо надо отметить, что Чустское поселение, как и Дальверзинское, первоначально также не имело укреплений. Вероятно, не случайно, что и здесь они появились во втором периоде существования поселка и, следовательно, имеются основания считать, что укрепления возникли одновременно в разных частях Ферганской долины. Свообразие фортификации Чуста более всего сказалось в дополнительной пристройке с внешней стороны. Эти укрепления отличаются также более сложной конфигурацией.

Открытие цитадели на двух поселениях чустской культуры не только свидетельствует об усложнении приемов первобытной фортификации, но и служит указанием на развитие процессов социальной дифференциации в обществе. В целом же оборонительные укрепления этих поселений отражают сравнительно высокий уровень фортификационного строительства в Фергане на рубеже II—I тысячелетий до н. э. Появление их в тот период несомненно следует увязать с ростом богатства населения и с потребностями охраны, а также с усилением опасности военных столкновений. Общеизвестно, что рассматриваемый период был временем значительных передвижений населения на территории Средней Азии.

Для определения места ферганских укреплений в истории первобытной фортификации Средней Азии обратимся к рассмотрению имеющихся по этому вопросу материалов. Раньше всего оборонительные сооружения появились в южных районах Средней Азии. Если исключить обводные стены энеолитических поселков Южной Туркмении, которые только условно можно назвать оборонительными и которые ввиду незначительной толщины стен (50—60 см) скорее всего, как правильно заключает В. М. Массон, представляли собой заборы-дувалы¹⁰, то впервые об укреплениях можно говорить для периода Намазга IV (III тысячелетие до н. э.). Стены, относящиеся к этому периоду, открыты на поселении эпохи бронзы Алтын-депе. Они сложены из сырцового кирпича. Толщина их равна 2—4 м. По предположению А. Ф. Ганялина, стены, возможно, ограждали отдельные массивы, а не все поселение¹¹.

Своеобразны укрепления в виде системы «жилых стен», выявленные в последние годы А. А. Аскарковым на древнеземледельческом поселении Сапали-тепе в долине Сурхандарьи¹². Оно относится к культурному комплексу периода развитой бронзы Намазга V—VI и датируется второй четвертью II тысячелетия до н. э.

Укрепления известны также на ряде памятников Южной Туркмении эпохи варварской оккупации рубежа II—I тысячелетий до н. э. (Елькен-депе и др.). Однако следует признать, что оборонительные сооружения на поселениях в южных районах Средней Азии (как более ранние, так и синхронные ферганским) исследованы еще недостаточно. Несмотря на это, сравнительное изучение укреплений чустских и южнотуркменистанских поселений, таких как Яз-депе и Елькен-депе, позволяет заключить, что по степени развития фортификации и по мощности крепостных стен Дальверзин выделяется среди всех известных в настоящее время укрепленных первобытных поселений Средней Азии. Это, пожалуй, наиболее сильно укрепленная крепость с хорошо продуманной и развитой оборонительной системой.

- ¹ *Заднепровский Ю. А.* Земледельческие поселения Ферганы и Южной Киргизии (периода поздней бронзы и железа). — МВСАЭСА.
- ² *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, № 118, 1962; он же. Чустская культура в Ферганской долине. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Л., 1966; он же. Работы в Узбекистане. — АО 1965 г. М., 1966; он же. Десятый сезон раскопок на Дальверзинском поселении. — АО 1968 г. М., 1969; он же. Цитадель Дальверзина. — АО 1969 г. М., 1970; он же. Раскопки на Дальверзинском поселении. — АО 1970 г. М., 1971; он же. Поселение Дальверзин. — АО 1971 г. М., 1972; *Спришевский В. И.* Чустское поселение (к истории Ферганы в эпоху бронзы). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1963; он же. Оборонительное сооружение эпохи бронзы на территории Узбекистана. — СА, 1972, № 3.
- ³ *Массон В. М.* К эволюции оборонительных стен оседлых поселений. — КСИА, 108, 1966, с. 44; *Грязнов М. П.* Бронзовый век. — В кн.: История Киргизии, т. I. Фрунзе, 1963, с. 64.
- ⁴ *Заднепровский Ю. А.* Поселение Дальверзин, с. 511—512.
- ⁵ *Массон В. М.* Метод палеоэкономического анализа в археологии. — КСИА, 127, 1971.
- ⁶ *Кушнарева К. Х.* К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа. — КСИА, 134, 1973.
- ⁷ *Вайман А. А.* Шуверо-вавилонская математика III—I тысячелетий до н. э. М., 1961.
- ⁸ Сартовское хозяйство в Чимкентском уезде Сырдарьинской области. Ташкент, 1912, с. 141—142.
- ⁹ *Спришевский В. И.* Оборонительное сооружение... с. 230.
- ¹⁰ *Массон В. М.* К эволюции оборонительных стен... с. 43.
- ¹¹ *Ганялин А. Ф.* Раскопки в 1959—1966 гг. на Алтын-Тепе. — СА, 1967, № 4, с. 208—209. Разрез этих стен и дополнительные данные приведены в статье В. М. Массона «Протогородская цивилизация на юге Средней Азии» (СА, 1967, № 3, рис. 4).
- ¹² *Аскарлов А.* Поселение древних земледельцев на юге Узбекистана. — ОНУ, 1971, 8, с. 41. Автор имел возможность ознакомиться с укреплениями в процессе раскопок. Приношу глубокую благодарность А. Аскарлову за ознакомление с неопубликованными материалами.

Л. И. ХЛОПИНА, И. Н. ХЛОПИН

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА СУМБАР I В 1972—1973 ГГ.

Осенью 1972 г. на левом, коренном берегу р. Сумбар, в 3 км к югу от пос. Кара-Кала (Южный Туркменистан) был обнаружен могильник эпохи бронзы, названный Сумбар I. Он расположен на гребнях нескольких увалов, сложенных лёссовидным суглинком. Основное ядро могильника составляют увалы Главный, Северный и Дальний; Главный увал имеет высоту от уреза воды в Сумбаре более 80 м, остальные — несколько ниже.

Раскопки 1972 г. носили разведочный характер: за 10 дней было вскрыто 18 погребений на Главном и Северном увалах. Большинство погребений было в разной степени нарушено, и только четыре могилы содержали неповрежденные погребения¹. В каждой могиле находились сосуды и бронзовые украшения.

В 1973 г. раскопки могильника проводились сплошной площадью на Главном и Северном увалах с оставлением поперечных бровок для выяснения конструкции могильных сооружений. Общая вскрытая площадь 700—800 кв. м. За второй полевой сезон раскопано 49 погребений², причем 8 были неповрежденными, а остальные в различной степени ограблены. Как удалось установить, грабителей интересовал металл. Встречены могилы (32), где скелет и сосуды не потревожены, но отсутствуют металлические предметы, которые есть во всех нетронутых могилах. В данном случае трудно, однако, определить, является ли могила 32 ограбленной или нетронутой. Есть могилы (57), в которых нарушена лишь верхняя часть скелета, включая плечевой и грудной пояс; сосуды, неметаллические украшения и вещи остались в могиле. Имеются могилы (47), в которых кости скелета и разбитые сосуды сложены аккуратной кучкой у стенки. Наконец, встречена могила (30), в которой стоит нетронутая группа сосудов, а следов покойника нет. Все это может свидетельствовать о том, что ограбление могил производилось разнообразными методами. Есть даже случай, когда найдены выброшенные из могилы черепки: они подошли к черепкам, найденным на дне могилы (51). Из 61 могилы эпохи бронзы всего 12 оказались нетронутыми. Это составляет 20%, т. е. процент сохранности могильника весьма велик.

Конструкцию могильных сооружений удастся проследить не во всех случаях. Трудность создается естественным разрушением могил, а также тем, что в лёссе не всегда можно различить могильное пятно по цвету земли и по плотности заполнения могильной ямы. Однако можно утверждать, что могилы здесь были катакомбами. Наиболее ярким доказательством служит могила 30. При ее раскопках была сохранена бровка, на которой хорошо видно, как слои лёссовидного материкового суглинка нарушены сводом катакомбы.

Если могила была расположена на склоне увала, то в нее вел узкий (до 0,5 м) коридор-дромос, вырытый горизонтально от края склона в глубину увала, где находилась овальная камера (могила 47). Обычно дромос слегка суживался у входа в камеру, и уровень его дна на 0,2—

0,4 м выше уровня дна ямы. Длинная ось овальной могильной камеры перпендикулярна длинной оси дромоса. Дромосы удалось обнаружить лишь в нескольких случаях, поскольку они выходили уже в дерновый слой и стали видны только благодаря их расчистке изнутри камеры.

После совершения захоронения вход в камеру закладывали сырцовыми кирпичами крупных размеров, затем сам дромос заполняли большими камнями, специально принесенными снизу. Грабили могилы еще до обрушения их сводов. Часть камней и кирпичный заклад проталкивали внутрь камеры; камни раскатывались, иногда разбивая сосуды, поставленные близко к входному отверстию.

Если захоронение производилось сверху, т. е. с гребня увала (или близко к нему), то вначале рыли колодез (глубиной до 1,5 м), а затем сбоку от него — камеру. Соотношение уровней дна колодца и дна могильной ямы проследить не удалось. После захоронения вход в камеру тоже иногда закладывали сырцовыми кирпичами, а колодез обязательно заваливали большими камнями. Именно эти камни, поскольку они расположены значительно выше уровня дна могилы, при раскопках широкой площадью являлись поисковыми признаками могил. При ограблении такой могилы камни иногда не проталкивали в камеру, а выбрасывали наружу.

Кроме катакомб перечисленных двух видов, имеются могилы, конструкцию которых установить трудно. Так, северная стенка почти полностью разрушившейся могилы 31 была сложена из сырцовых кирпичей зеленоватого цвета (60×35×8 см) с толстыми слоями саманной промазки между ними. Роль этой стенки в конструкции могилы пока установить трудно.

Ориентировка погребенных различна, но совершенно не зависит от стран света. Она зависит от положения камеры катакомбы относительно длинной оси увала. Если могила расположена на склоне (южном или северном), то покойника укладывали лицом к входу и спиной соответственно к задней стенке камеры. Если могила расположена по гребню увала, то погребенного также укладывали лицом к входному отверстию. Покойника клали на левый или правый бок, реже на спину, с подогнутыми ногами. Руки согнуты в локтях, кисти рук положены перед лицом. Иногда встречаются отклонения. Так, в могиле 20 была похоронена женщина 30—40 лет, положенная на живот головой на север—северо-восток (но параллельно гребню увала) лицом в землю; ноги согнуты в коленях и вывернуты пятками вверх, руки согнуты в локтях и пальцы сжаты в кулаки³. Погребение такого рода единственное.

Приводим описание одной из сохранившихся, неограбленных могил.

Могила 49. Расположена на северном склоне Главного увала. Никаких внешних признаков не обнаружено, но по плотности заполнение могильной ямы отличается от материкового лёсса. Могильная яма овальная (1,85×1,3 м) и хорошо прослеживается в нижней части. Скелет женщины 18—20 лет лежит на правом боку головой на север. Руки согнуты в локтях, кисти рук находятся перед лицом. Ноги в скорченном положении (рис. 1, 1).

В головах погребенной находилось три сосуда: серая чаша с вертикальной ручкой у дна (рис. 2, 6), маленький горшочек с петельчатой ручкой (рис. 2, 3) и такой же по форме закопченный котелок больших размеров (рис. 2, 5). В ногах было еще три сосуда: опрокинутая на бок и разбитая в древности хумча (рис. 2, 2), осколки которой разлетелись по всей могиле вплоть до черепа, одноручный кувшин из кухонного теста (рис. 2, 1) и маленький кувшинчик (рис. 2, 4). У затылка лежала бронзовая пластинчатая диадема, в свое время украшавшая голову погребенной, покрытая рядом пунсонных выпуклостей. Длина диадемы 25 см, ширина 1,2 см, на ее закругленных концах проделано по сквозному отверстию (рис. 3, 5). На черепе у слуховых отверстий найдены серьги из

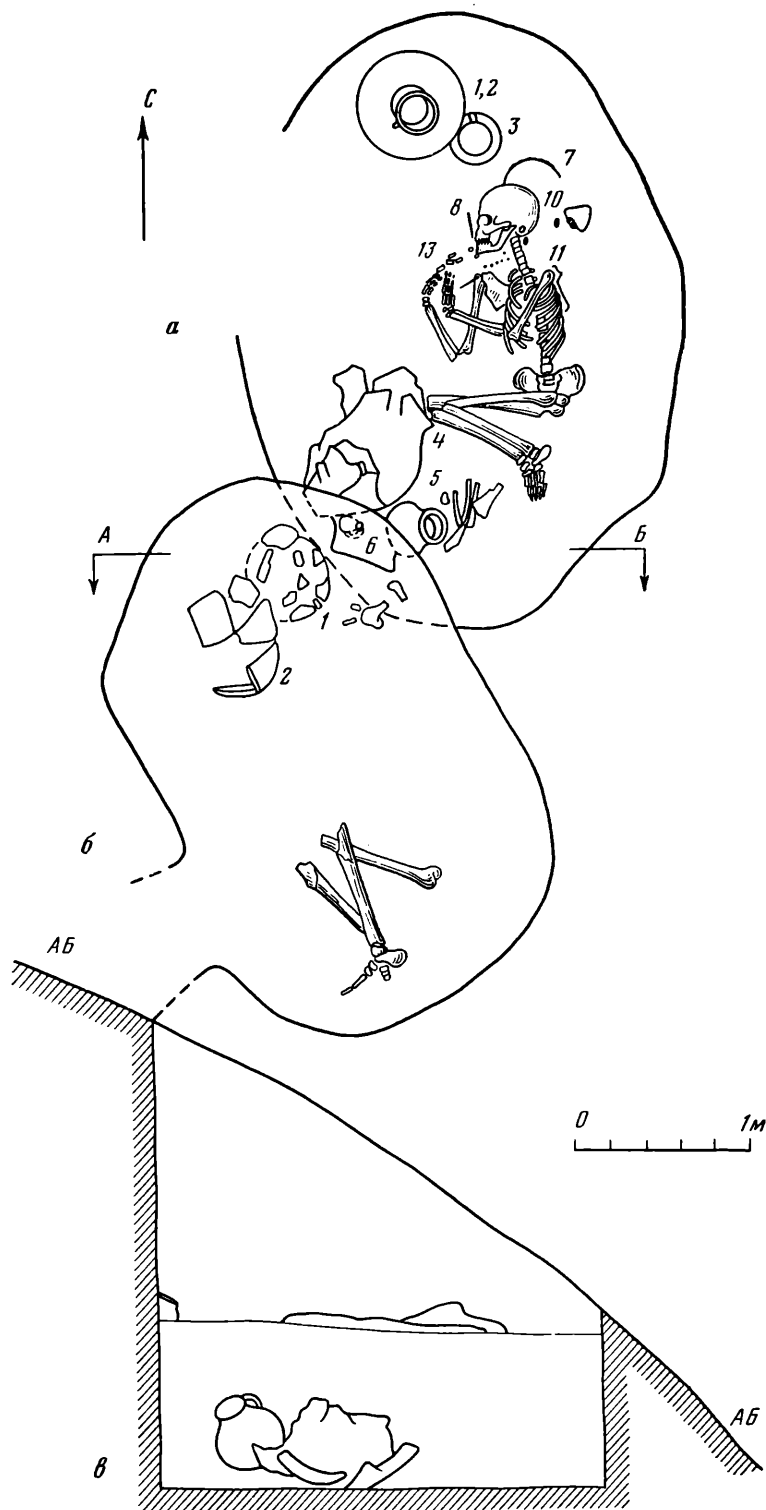

Рис. 1. Могильник Сумбар I
 а — могила 49; б — могила 50; в — разрез могила 49 и 50 по линии А — Б

двух концентрических колец (рис. 3, 1, 2), а на висках — по три спиральных бронзовых кольца из двойной проволоки в два оборота: это — украшения для волос (рис. 3, 8—12). Перед лицом лежали бронзовые булавка длиной 8 см и иголка с ушком (рис. 3, 6, 7), кучка из пяти бараньих альчиков и большая биконическая бусина из мраморовидного камня. Под подбородком находились бусы: семь маленьких лазуритовых, одна сердоликовая, одна бирюзовая, сильно сношенная (рис. 3, 4), и одно бронзовое колечко (рис. 3, 3). В ногах найдены остатки мясной пищи: девять ребер, лопатка и передняя нога с копытцем, принадлежавшие молодому барашку.

Интерес к погребению 49 может быть еще больше, если учесть, что оно частично нарушено могилой 50, которая в культурном отношении относится к тому же времени. Это сочетание дает возможность наметить микрохронологию могильника и определить ориентировочный диапазон времени его существования. Могила 50 сохранилась значительно хуже, так как залегает в дерновом слое и уровень ее дна выше уровня дна могилы 49 на 0,5 м; яма не прослеживается, кости ног и обломок тазовой кости говорят о скорченной позе взрослого погребенного, уложенного на правый бок. В головной части могилы найдены обломки двух сосудов — чаши с вертикальной ручкой у дна и чаши с профилированным венчиком (рис. 4), две бронзовые полулунные пластинки и обломок фаянсового цилиндра с нарезным орнаментом.

Совместное рассмотрение этих могил показывает, что последнее погребение было совершено через значительный промежуток времени после первого, когда полностью исчезли наземные следы могилы 49. Обряд тот же, но при рытье могилы был нарушен свод камеры погребения 49. Он частично упал на хумчу, которую повалил набок и разбил в еще не обрушенной камере. Возможно, выкиды земли из могилы 50 покрыли собой полностью какие-то следы могилы 49 и тем самым спасли ее от разграбления. Интересно, что найденная в погребении чаша с профилированным венчиком имеет лишь одно соответствие среди керамического материала могильника: в могиле 40, расположенной по гребню Главного увала на глубине 50 см, найдена чаша с отогнутым венчиком и ручкой. Не исключено, что и это погребение надо рассматривать как более позднее. В то же время стандартная чаша с вертикальной ручкой у дна полностью подтверждает однокультурность погребений 49 и 50.

Несмотря на нарушение или ограбленность большинства (80%) могил, погребальный инвентарь в целом богат и разнообразен. Найдено сравнительно много бронзовых изделий двух категорий: оружие (наконечники копий и стрел) и украшения (диадема, браслет, серьги, спирали для волос, булавки, пронизки и бусы). Из камня изготовлена грушевидная булава, крупные биконические бусы, которые вполне могли употребляться как пряслица. Встречены бусы из сердолика, лазурита, агата и бирюзы. Бусы изготавливались также из стекловидной пасты золотисто-желтого цвета с темными и светлыми прожилками. Следует отметить небольшие цилиндрические обоймочки из фаянса, покрытые различным нарезным орнаментом.

Коллекция керамики насчитывает более 210 единиц. Большинство (около 75%) сосудов изготовлено ручной лепкой, почти все из грубого кухонного теста с добавлением толченого кварца и песка. Предварительный анализ керамического комплекса позволяет предположить, что древнее население могло изготавливать специальную погребальную керамику, но бытовых привычных форм, и одним из свидетельств этого являются слабообожженные или совсем необожженные сосуды. Кроме того, в могилы ставили и сосуды, применение которых в быту не вызывает сомнения. Предварительно всю керамику по цвету и излому черепка можно разделить на пять групп, причем в каждой есть сосуды как лепные, так и сделанные на круге.

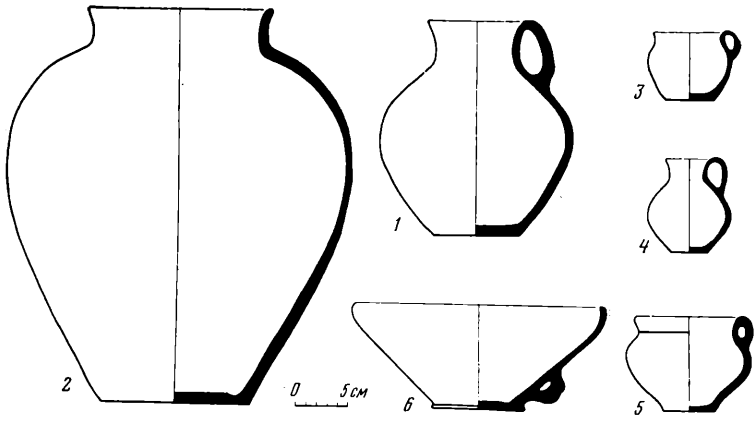

Рис. 2. Керамика из могилы 49 (1—6)

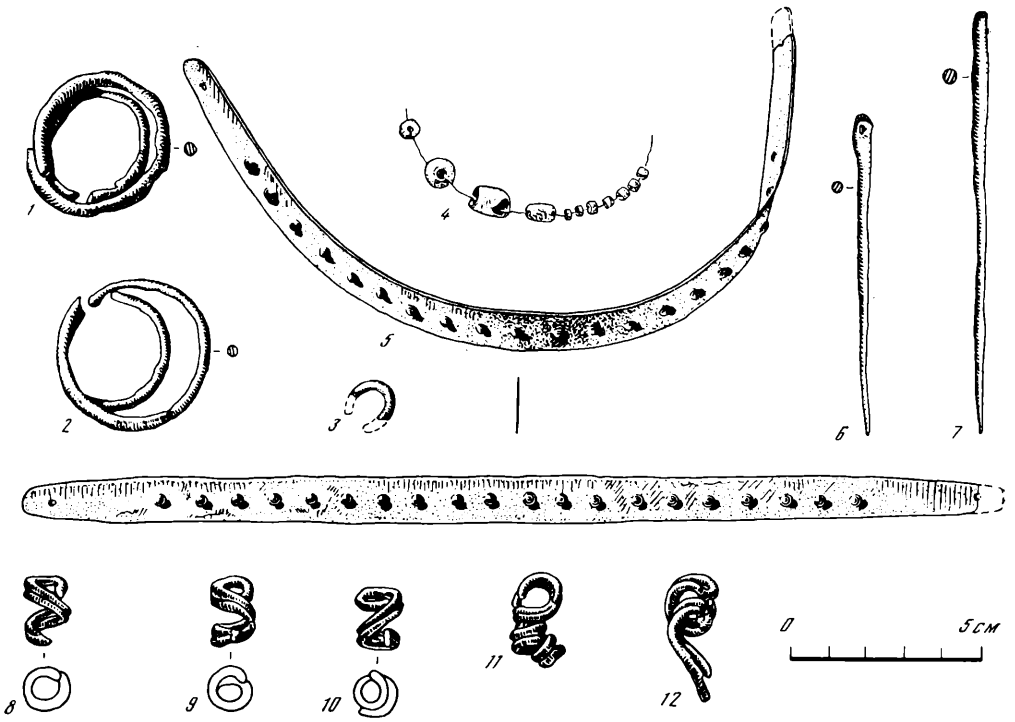

Рис. 3. Украшения из могилы 49

1, 2 — серьги; 3 — колечко; 4 — бусы; 5 — диадема; 6, 7 — булавки; 8—12 — спиралевидные украшения для волос

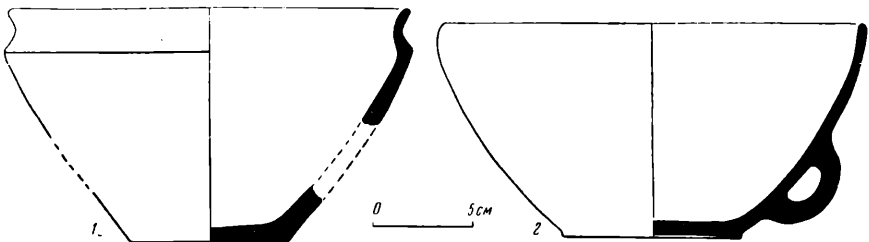

Рис. 4. Керамика из могилы 50 (1, 2)

1. Керамика серого цвета и «звонкого» обжига, цвет поверхности варьирует от стального до черного.

2. Керамика с поверхностью розовато-желтых тонов, черепок в изломе серый.

3. Керамика с поверхностью коричневого цвета, черепок в изломе коричневатый, тесто хорошо отмучено. Эта посуда плохой сохранности, так как обожжена слабо или вовсе не обожжена; не исключено, что после хорошего обжига посуда этой группы приобрела бы серый цвет и вошла в первую группу.

4. Единичные сосуды красного цвета.

5. Особое место занимает группа привозной посуды, пока весьма мало-численной. Поверхность сосудов зеленовато-белого цвета, черепок в изломе бледно-розовый или светло-зеленый. Такая посуда типична для поселений эпохи бронзы подгорной равнины Копет-Дага и в дальнейшем может послужить надежной опорой для синхронизации памятников двух культурных областей, не имевших до сего времени никаких точек соприкосновения.

В могилы помещен определенный набор посуды — от трех до семи сосудов, причем можно определить минимальный стандартный комплекс, который в отдельных случаях имеет существенные отличия. К стандартному набору относится крупный сосуд для воды — хумча, сосуд для питья — горшочек с открытым носиком, горшочек с ручкой или серый сосуд со сливом и чаша с вертикальной ручкой у дна. Именно этот комплекс был найден в детском погребении 37, причем все названные сосуды были в миниатюрном, детском, варианте. Кроме упомянутых форм, в могилах встречены кувшины, чайники, вазы, горшочки, котелки, графины и несколько сосудов с не встречавшимися до сих пор конструктивными особенностями.

В некоторых могилах сложены кучки бараньих альчиков (по три или пять штук), имевшие какое-то символическое значение, поскольку рядом с ними находилась большая биконическая бусина. Кроме того, в могилах часты находки костей от различных частей туши барана. Они лежат всегда в анатомическом порядке. Местоположение этих костей в могилах также различно: в головах, в ногах, на кистях рук перед лицом, за спиной. Не исключено, что в будущем эти находки позволят судить о социальной структуре древнего населения долины Сумбара, так как у более поздних народов Средней Азии отмечается определенная связь частей туши барана с социальным положением погребенного.

Кому же принадлежало это кладбище? Пока можно с уверенностью говорить о том, что могильник оставили местные оседлые земледельцы, в хозяйстве которых не последнее место занимало скотоводство, в частности разведение мелкого рогатого скота. Употребление для закупорки могильных камер сырцовых кирпичей большого формата, характерных для земледельческих поселений астрабадского бронзового века⁴, отрицает принадлежность катакомбы как погребального памятника населению со скотоводческой экономикой. В долине Сумбара в окрестностях пос. Кара-Кала имеется несколько поселений эпохи бронзы. Помимо изучавшегося Пархай-депе⁵ и нескольких других⁶, сейчас открыто поселение Сумбар в непосредственной близости от могильника. Заложенный на нем шурф вскрыл часть помещения, стены которого сложены из крупных кирпичей зеленовато-го цвета, точно таких же, какими закладывались входы в катакомбы. Керамика из шурфа представлена формами, типичными для поселений эпохи бронзы Мешед-Мисрианской равнины.

Вопрос о хронологических рамках могильника, как впрочем и многие другие, пока не рассматривается в должном объеме, поскольку он требует специального исследования, в котором должны быть связаны в одну систему памятники Северного Ирана, Юго-Восточного Закаспия и северной подгорной равнины Копет-Дага. В настоящее время хронологические ко-

лонки названных областей не всегда сопоставимы. Можно лишь сказать, что традиционная датировка памятников такого типа в диапазоне XIV—XI вв. до н. э. не вызывает протеста.

- ¹ Хлопин И. Н. Древности долины Сумбара. — Сб.: Памятники Туркменистана, 1. Ашхабад, 1973; он же. Раскопки в долине Сумбара. — В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973, с. 232—234.
- ² Четыре могилы (39, 43, 61, 62) относятся к середине I тысячелетия до н. э., нарушают погребения эпохи бронзы и содержат инвентарь скифского типа.
- ³ Все антропологические определения принадлежат Т. П. Кияткиной.
- ⁴ Размеры кирпичей: Тюрнг-тепе — 68×38×15 см; Мадау — 64×45×8 см; Пархай-депе — 70×38×9 см. На памятниках эпохи бронзы подгорной равнины Копет-Дага кирпичи имеют строгие и традиционные пропорции 4 : 2 : 1.
- ⁵ Хлопин И. Н. Поселение эпохи бронзы Пархай-депе. — КСИА, 142, 1975.
- ⁶ Хлопин И. Н. Разведка памятников эпохи бронзы в долине Сумбара. — АО 1968 г. М., 1969, с. 431.

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПАМЯТНИКОВ
РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЗАКАСПИЯ

Обширные полупустынные пространства, тянущиеся вдоль восточного побережья Каспийского моря, до настоящего времени остаются одной из наименее исследованных в археологическом отношении частей Средней Азии. Результаты разведок и пробных раскопок, проведенных здесь в прошлом А. А. Марущенко, к сожалению, не нашли отражения в печати. Работы Хорезмской экспедиции, внесшие в целом значительный вклад в разработку многих вопросов исторического прошлого северо-западной части Туркменистана, были ограничены преимущественно районами по Узбою¹. Систематическое обследование территории Закаспия, в частности выявление и предварительное изучение памятников кочевого населения, было начато лишь в 1962 г. Специфика природных условий ограничивает здесь масштабы и темпы работ. Поэтому накопление фактов, разработка классификации и хронологической периодизации материалов находятся еще только в начальной стадии.

С достаточной определенностью выявлены погребения, относящиеся к позднему периоду бронзового века: они известны сейчас у северных склонов Больших Балхан, а также в подгорной полосе Копет-Дага². Для понимания прошлого рассматриваемой территории существенна значительная близость населения, оставившего эти погребения, к носителям срубной культуры. Очевидно, сюда продвинулись какие-то племена, обитавшие первоначально на юго-восточной окраине ареала срубной культуры. Через территорию Закаспия скотоводы проходили уже в отдаленные времена, и связи с более северными степными областями, видимо, носили впоследствии постоянный характер.

Вопрос о времени и конкретных путях появления кочевого скотоводства на территории между Эмбой и Узбоем не может быть еще решен: фактических материалов пока нет. Но есть основания предполагать, что значительную, если не решающую роль сыграли упомянутые выше пришельцы с севера, вещественные свидетельства обитания которых встречаются также около многих старых колодцев. Возможно, именно они были основой, на которой сложились известные позднее по сообщениям античных авторов массагеты³.

Погребения, которые можно было бы относить к первой половине I тысячелетия до н. э., на территории Закаспия не найдены, но это, по-видимому, следует объяснять прежде всего ограниченностью районов, где ведутся исследования, и трудностями датировки из-за разграбления большинства памятников. Наиболее ранние захоронения кочевников были обнаружены в двух могильниках: Гек-Даг II, расположенном недалеко от колодцев Кошоба южнее Кара-Бугаза, и Джанак II, находящемся вблизи восточного побережья Кара-Бугаза. Погребальные сооружения сильно разрушены, и мы имеем неполное представление об их конструкции. Кроме того, они, несомненно, подверглись ограблению, и это не позволяет точно установить обряд погребения и состав сопровождающего инвентаря.

Сооружение 2 в могильнике Гек-Даг II (рис. 1) еще до расчистки имело вид четко выраженной круглой ограды. При этом во внутреннем пространстве камней не было, а развал снаружи был невелик. Расчистка выявила очень правильное по очертаниям кольцо диаметром 6,4 м и высотой до 0,45 м. Оно сложено из плоских обломков плитняка, на некоторых участках очень тщательно. Кладка имела два обвода — внутренний и внешний, а пространство между ними было заполнено мелкими камнями.

Во внутреннем пространстве на разных уровнях обнаружено значительное количество обломков человеческих костей, в том числе не менее

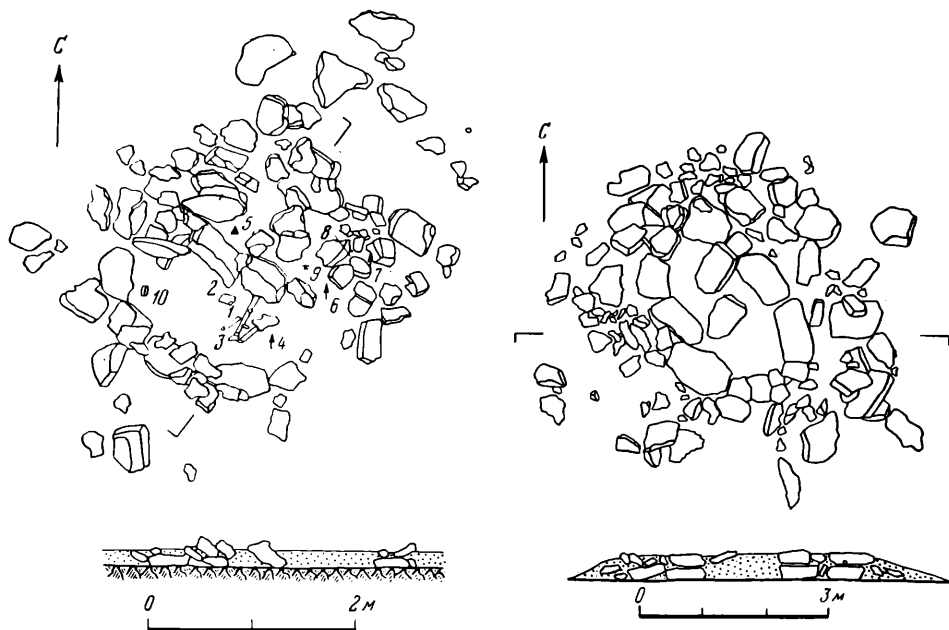

Рис. 1. Могильник Гек-Даг II. Сооружение 2. План

1 — обломок черепа; 2 — обломок венчика сосуда; 3 — длинные кости; 4—7 — накопечники стрел; 8 — бусина; 9 — железный предмет; 10 — обломки каменного сосуда

12 черепов взрослых и детей. Преимущественно в северной половине найдены обломки керамики и немного каменных и металлических предметов. На уровне древнего горизонта ни костей, ни находок не было. Здесь залегал слой отложений, образовавшийся в результате систематического заполнения сооружения дождевыми водами и наносами. Очевидно, процесс накопления этих отложений вызвал поднятие остатков погребений над дном⁴.

Вся найденная в сооружении керамика лепная. Это обломки 12 сосудов, из которых удалось полностью реставрировать только три. По-видимому, здесь представлены три типа сосудов. Первый объединяет горшки, различающиеся по форме тулова, но всегда имеющие широкую, очень низкую горловину (рис. 2, 1—3, 5, 6). Среди них есть один яйцевидный, два — почти полушаровидных и один — близкий к шаровидному. Второй тип включает сосуды, которые условно можно назвать высокими мисками (рис. 2, 4, 8, 10). Один из этих сосудов полушаровидный, два имеют вытянутые пропорции, сближающие их с кубками. К третьему типу отнесен сосуд, очень близкий к горшкам, но отличающийся от них массивной ручкой в верхней части тулова и очень слабо выраженной горловиной (рис. 2, 11). Все реконструированные сосуды круглодонны, такую же конфигурацию нижней части имеют сосуды, представленные крупными обломками. Поскольку мелкие фрагменты, очевидно, принадлежат таким же горшкам

Рис. 2. Могильник
Гек-Даг II. Сооружение 2.
Керамика (1—11)

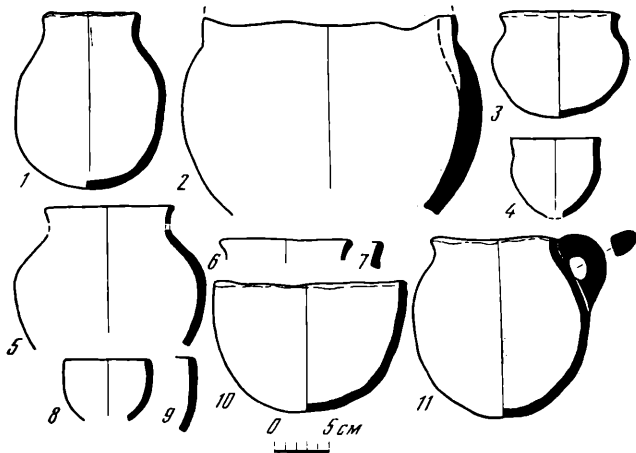
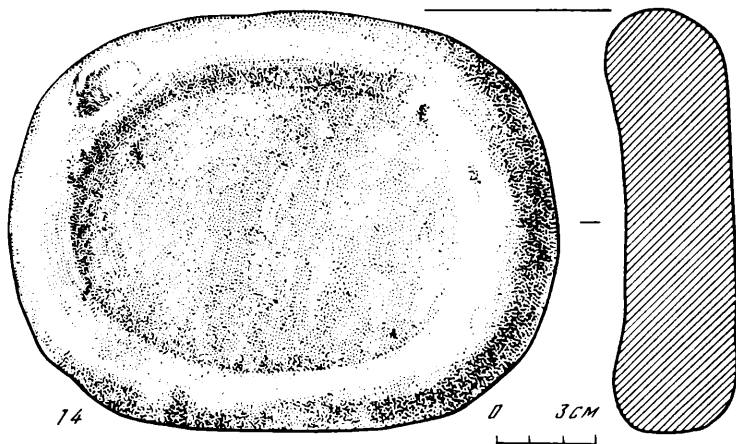
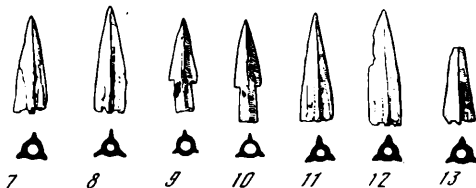
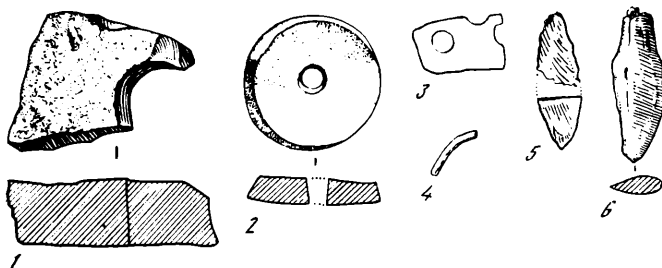

Рис. 3. Могильник
Гек-Даг II. Сооружение 2.
Каменные (1—6, 14) и ме-
таллические (7—13) предметы

и мискам, можно полагать, что круглое дно характерно для всего найденного здесь керамического комплекса.

В состав сопровождающего инвентаря входят семь бронзовых трехперых втульчатых наконечников стрел: пять из них со скрытой втулкой, два — с выступающей (рис. 3, 7—13). Наблюдаются некоторые вариации в форме перьев, носящие, однако, второстепенный характер: К бронзовым

изделиям относятся также фрагмент прямоугольной пластины с круглыми отверстиями (рис. 3, 3) и обломок неопределенного предмета из круглой в сечении проволоки — возможно, браслета (рис. 3, 4).

Железные изделия представлены двумя ножами (рис. 3, 5, 6): оба очень небольших размеров, один — в обломках. Обращают на себя внимание явственные признаки длительного употребления обоих ножей: они сточены до того предела, когда реальное использование их стало уже затруднительно. Это свидетельство особой ценности железа в тот период, к которому принадлежит рассматриваемое погребальное сооружение.

В этом сооружении найдены также круглое пряслице, вырезанное из обломка изготовленного на круге сосуда (рис. 3, 2), обломок плоского каменного предмета с круглым отверстием (рис. 3, 1) и овальная каменная краскостерка с сильно сработанной рабочей поверхностью (рис. 3, 14). Назначение ее установлено специальным исследованием Г. Ф. Коробковой.

Для датировки сооружения могут быть использованы только наконечники стрел. Они находят достаточно близкие аналогии в предметах этой категории из более северных областей. Хронологическая классификация, детальное разобранная К. Ф. Смирновым, обычно используется для установления времени памятников Средней Азии. Оба варианта втульчатых наконечников стрел, по данным К. Ф. Смирнова, имели наибольшее распространение в Приуралье и Поволжье на протяжении V—III вв. до н. э.⁵ Такая датировка в данном случае находит подтверждение в определенном сходстве краскостерки с каменными «алтарями» из погребений сакского периода Приаралья⁶ и Центрального Казахстана⁷. Большая точность ввиду отсутствия твердо датированных параллелей в Средней Азии невозможна.

Могильник Джанак II состоит из 12 небольших наземных каменных сооружений, образующих вытянутую с юго-востока на северо-запад цепочку. Все они сильно разрушены, по-видимому, главным образом в результате деятельности грабителей. Некоторые имели вид беспорядочных скоплений обломков плит. Раскопки, производившиеся с расчисткой и последующей разборкой развала, показали, что это остатки округлых, чаще всего овальных оград диаметром от 2 до 4 м (рис. 4). Часть оград имела два кольца кладки из обломков плитняка; часть (малые по размерам) — только одно; в наиболее сохранившихся прослеживалось четыре ряда кладки.

Погребения во всех сооружениях находились на уровне древнего горизонта, однако остатки их в виде смещенных обломков костей обнаружены только в трех. Размеры внутренних пространств оград и некоторые наблюдения над расположением костей позволяют полагать, что скелеты были скорченны. Данных для определения ориентировки не имеется, хотя наиболее вероятной следует считать северную.

Сопровождающий инвентарь в этом могильнике очень невелик. Это обломок каменного «блюда», украшенного снаружи насечками, образующими ряды незамкнутых углов (рис. 5, 1); фрагмент венчика сосуда, изготовленного на круге (рис. 5, 2); четыре бронзовых трехперых втульчатых наконечника стрел (рис. 5, 3—6); обломок концевой части железного ножа (рис. 5, 7) и небольшая дисковидная каменная бусина (рис. 5, 8). В некоторых оградах обнаружены истлевшие кости барана.

Из наконечников стрел три имеют выступающую втулку, один — скрытую. Наблюдаются заметные вариации формы перьев и пропорций головки. В целом наконечники стрел очень близки к найденным в сооружении 2 могильника Гек-Даг II. Это позволяет датировать могильник Джанак II примерно в тех же пределах, которые установлены для могильника Гек-Даг II. Датировку подтверждает находка каменного изделия, сходного с распространенными в близкое время на соседних территориях.

Синхронность или во всяком случае значительная близость по времени сочетается с большим сходством конструкции. Сооружение 2 в могильнике Гек-Даг II является лишь более крупной по размерам оградой, круглая форма которой, очевидно, была обусловлена многочисленностью совершен-

Рис. 4. Могильник Джанак II. Сооружение 1. План

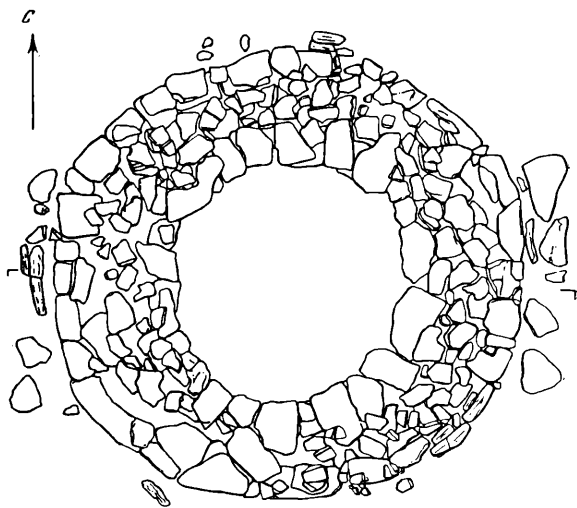
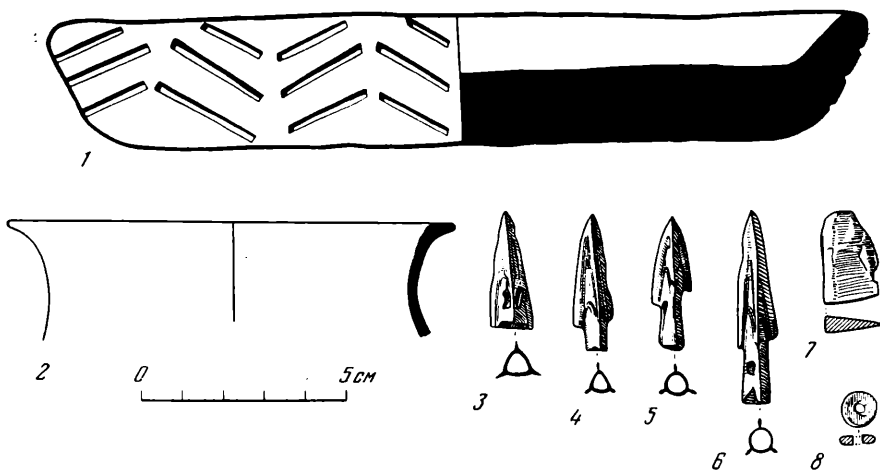
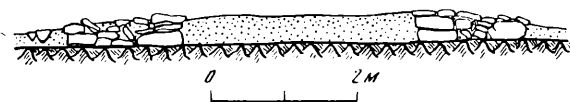

Рис. 5. Могильник Джанак II. Сооружение 1. Различные предметы (7-8)

ных в ней захоронений. В обоих памятниках прослеживаются двурядная кладка оград и отсутствие углублений в почву. И тут и там не обнаружены остатки перекрытия, но учитывая расположение плит в развале некоторых оград в могильнике Джанак II, можно предполагать, что камеры их были закрыты подобием ложного свода. По-видимому, сходное перекрытие имелось и в могильнике Гек-Даг II; составлявшие его плиты могли быть сняты при возведении находящихся в непосредственной близости более поздних погребальных сооружений.

Существенное различие наблюдается только в характере захоронения: в одном случае оно, по всей видимости, было многократным (менее вероятно, коллективным), в других — однократным. Причины этого установить еще невозможно: здесь могут быть отражены отличия локального, этнографического порядка или какие-то социальные моменты.

Указанная выше дата при современном уровне изученности западных областей Средней Азии может рассматриваться только как приблизительная. Но тем не менее она дает надежную базу для атрибуции описанных памятников. При всех возможных уточнениях ее в будущем мы имеем

весьма веские основания видеть здесь погребения, принадлежавшие массагетам или той их группе (согласно подразделению, приводимому Страбон⁸), которая обитала на равнинах. Локализация этой группы именно на территории севернее Больших Балхан вытекает из самой характеристики занятых ею земель и, главное, находит подтверждение в дошедших до нас сообщениях о ландшафте местностей, где происходила борьба между войсками Кира и массагетами.

Трудно установить, в какой мере деление Страбона соответствовало реально существовавшему положению. Особенно неясно, где надлежит искать те группы массагетов, которые, по словам Страбона, обитали на болотах и островах. Хотя из контекста можно было бы сделать вывод, что речь идет о территории древних дельт Амударьи при впадении ее в Аральское море, известные здесь археологические памятники заставляют сомневаться в том, что здесь жило население, родственное обитателям закаспийских равнин. Дальнейшие исследования, возможно, позволят решить этот вопрос, имеющий существенное значение для уточнения наших представлений об этнической и политической карте западной части Средней Азии во второй половине I тысячелетия до н. э.⁹

Согласно сообщениям Геродота¹⁰, у массагетов предел жизни человека не устанавливался, однако если кто-то достигал глубокой старости, родственники закалывали его, принося в жертву (вероятно, верховному боже-ству — солнцу?). Мясо убитого варили вместе с мясом жертвенных животных и затем съедали. Такая смерть считалась наиболее почетной. Когда человек умирал ранее возраста, позволявшего принести его в жертву, это рассматривалось как несчастье. Далее Геродот указывает, что умерших от болезней «предавали земле».

Те же сведения повторяются позднее у Страбона¹¹, но с некоторыми отличиями. Во-первых, он называет жертвенных животных — это были бараны; во-вторых, умерших от болезней, по его словам, выбрасывали, так как считали нечестивыми и «достойными съедания зверями».

Таким образом, письменные источники вполне четко выделяют связанные с двумя особыми вариантами смерти специфические погребальные обы-чай, отличавшиеся от общепринятых норм. Мы не знаем, каковы были эти нормы, но отнесение Геродотом захоронений в земле к особой категории позволяет считать, что им соответствуют именно наземные сооружения, в которых умерших помещали непосредственно на поверхности почвы. Та-кой обряд сохранялся в Закаспии и позднее — до первых веков н. э.

¹ Низовья Амударьи, Сырдыкмыш, Узбой. История формирования и заселе-ния. — Материалы Хорезмской экс-педиции, вып. 3. М., 1960.

² Мандельштам А. М. Погребения сруб-ной культуры в Южной Туркмении. — КСИА, 108, 1966; он же. Новые по-гребения «срубного» типа в Южной Туркмении. — КСИА, 112, 1967.

³ Исследование палеоантропологических материалов из погребальных сооруже-ний, относящихся к последним векам до н. э.—первым векам н. э., показало, что треть из найденных здесь черепов сходны с черепами из погребений брон-зового века в Нижнем Поволжье. Ср: Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 168.

⁴ Аналогичное явление наблюдается почти во всех наземных погребальных сооруже-ниях более позднего времени.

⁵ Смирнов К. Ф. Вооружение саврома-тов. — МИА, № 101, 1961, с. 49—50.

⁶ Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. по материалам Уйга-рака. — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, VIII. М., 1973, с. 86—87, табл. XXIV.

⁷ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Ка-дырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древ-няя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 318, рис. 10; с. 337, рис. 30; с. 354, рис. 47.

⁸ Страбон, XI, 8, 6—7.

⁹ Решение этого вопроса, в частности, по-кажет, можно ли рассматривать сооб-щение Страбона как свидетельство су-ществования крупного политического объе-динения, включавшего в свой со-став Хорезм.

¹⁰ Геродот, V, 216.

¹¹ Страбон, XI, 8, 6.

Е. Е. КУЗЬМИНА

ГРЕЧЕСКИЙ КУРОС В БАКТРИИ

В состав Амударьинского клада, найденного на берегу Амударьи в окрестностях Кобадияна, входит серебряная фигурка юноши, укрепленная на подставке (рис. 1). Юноша представлен обнаженным. Плечи широкие, торс короткий, сомкнутые ноги непропорционально длинные с прямыми пальцами одинаковой длины, руки согнуты в локтях, пальцы сжаты в кулак так, что остается отверстие, в которое вставлялся какой-то предмет, шея очень короткая и массивная, голова круглая, лицо широкое с длинным прямым носом, маленьким пухлым ртом, глаза большие, овальные, трактованные в виде выпуклин, обведенных по всему контуру валиком, брови изогнуты, уши большие, моделированы в виде «улитки», в мочках — отверстия для серег. На голове — очень высокая остроконечная шапка.

По наблюдению О. М. Дальтона, голова отлита отдельно¹. В комплексе клада есть еще две аналогичные головки. Одна из них золотая². Лицо более широкое, чем у предыдущей, глаза, нос и уши трактованы так же, рот — углубленная прямая линия, брови подчеркнуты резкой штриховкой в «елочку», волосы изображены углубленными волнистыми линиями, расходящимися от макушки (рис. 2).

Третья головка тоже золотая, но гораздо более миниатюрная³. Нос более короткий, а подбородок — более тяжелый, рот небольшой и пухлый, волосы изображены так же, как у предыдущей. Траковка глаз и ушей совпадает у всех трех экземпляров.

Можно полагать, что две последние головки крепились к таким же торсам, как и первая, и представляют собой части статуэток. О. М. Дальтон считал все три предмета изделиями персидских мастеров и датировал первую статуэтку V в. до н. э., обратив внимание на сходство ее с ручками зеркал греческой работы. Обе головки он отнес к IV в. до н. э., поскольку волосы у них трактованы так же, как у греческих статуй того времени. За 70 лет, прошедших после выхода в свет исследования О. М. Дальтона, появилось много работ, которые позволяют несколько уточнить вопрос об этих изображениях.

Достаточно полные аналогии статуэтке обнаженного юноши многочисленны в греческом искусстве — это архаические курорсы, передающие идеализированный образ юноши. Греческих курорсов роднят с бактрийской статуэткой статичность позы, вытянутые пропорции обнаженной фигуры со слабой моделировкой торса, непропорционально длинными ногами с прямыми пальцами и руками, сжатыми в кулак. Важнейшее значение имеет сходная трактовка уха в виде «улитки» и глаза в виде вытянутого овала, подчеркнутого выпуклым валиком, иногда с кружком в центре⁴. Сходны размеры греческих статуэток и материал многих из них (золото, бронза)⁵. Среди греческих образцов есть экземпляры, у которых рука согнута в локте и имеет отверстие для укрепления какого-то предмета⁶. Есть и курорсы в остроконечном шлеме⁷ или головном уборе⁸.

Большая часть курорсов датируется VII—VI вв. до н. э. У всех ранних греческих статуэток волосы длинные. В группе, датирующейся Г. Рихтер

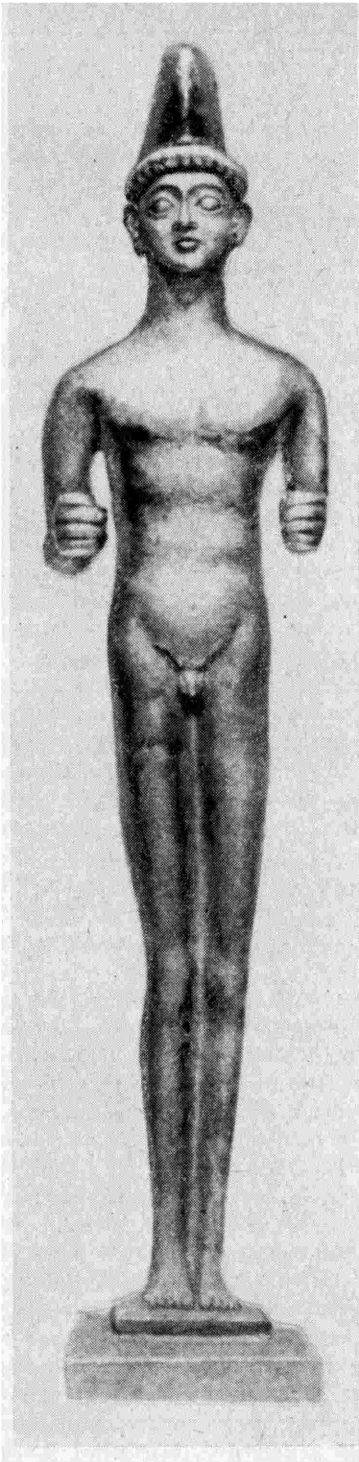

Рис. 1. Серебряная статуэтка юноши

540—520 гг. до н. э., появляются курорсы с коротко остриженными волосами, трактованными резными волнистыми линиями, как у головок из клада, а в самой поздней группе (485—460 гг. до н.э.) — головки всех стриженные. Таким образом, по прическе бактрийские юноши должны быть отнесены к поздней группе. Однако самые поздние греческие курорсы изображены менее схематично, торс более проработан, поза не так статична. Но условность и схематизм фигурки клада могут быть не хронологическим признаком, а следствием недостаточного профессионализма мастера провинциальной школы. Поэтому наиболее вероятной датой статуэтки представляется конец VI — начало V в. до н. э.⁹

Курорсы, наиболее близкие амударьинскому, происходят не из материковой Греции, а из провинциальных областей: с Крита¹⁰, из герейона на Самосе¹¹, из Ионии¹², из Лидии¹³. У лидийской головки VI в. до н. э., хранящейся в Стамбульском музее, в ушах вставлены серьги, как и у трех бактрийских. Стилистическое сходство с малоазийскими экземплярами позволяет полагать, что образ греческого курорсы попал в Бактрию через посредство малоазийских центров.

Является ли амударьинский курорсы импортной вещью или изделием местного мастера? Ответ на этот вопрос, как и на вопрос о месте производства всех других предметов Амударьинского клада, весьма затруднителен. Стилистически бактрийская статуэтка достаточно близка аналогичным малоазийским. В пользу местного производства, может быть, говорит лишь антропологический тип изображенного юноши. Однотипные во всех других отношениях курорсы довольно существенно различаются по антропологическому облику изображенных: наряду с греческим типом представлены и другие. Амударьинский юноша по форме и размерам головы может быть отнесен к тому антропологическому типу, который был распространен в древности в Бактрии¹⁴.

На возможное местное изготовление амударьинского курорсы, во вся-

ком случае на его не чисто греческое происхождение, указывает и наличие отверстий для серег. На процессии в Персеполе представители XV делегации — бактрийцы — изображены с серьгами в ушах¹⁵, хотя, как говорилось, серьги были и у лидийцев.

Важно, что серебряная статуэтка — не единственная вещь такого типа в комплексе клада. Две упомянутые головки, видимо также принадлежавшие фигуркам куросов, тоже украшены серьгами и относятся к тому же брахицефальному антропологическому типу, причем у них он выражен еще более четко, что уже отмечал О. М. Дальтон.

Все это дает основание предполагать, что греческий канон, попав в Бактрию из малоазийских центров, получил здесь распространение и вызвал местные подражания. Когда и как проник в Бактрию греческий курос?

Связи греческого мира с Востоком были традиционны. В городах Персидской империи проживало множество греков¹⁶, которых Ахемениды использовали как опытных мастеров. На строительстве дворца Кира в Пасаргадах работали каменщики из Сард и Эфеса¹⁷, в Сузах широко применяли труд иноземных мастеров, в том числе лидийцев и ионян¹⁸. Судя по греческой надписи в каменоломнях и закладным табличкам крепостной стены, в Персеполе трудились ремесленники из всех областей империи. Среди ювелиров были и выходцы из Малой Азии¹⁹. Таким образом, в империи Ахеменидов изделия греческих и малоазийских ремесленников появлялись не только в результате торговли и военного грабежа, но и как продукт деятельности мастеров, работавших при ахеменидском дворе. Но и этим не ограничивались связи Востока с Западом. По свидетельству древних писателей, далеко на Востоке находились греческие поселения. По Панини, в VI в. до н. э. греки жили по соседству с областью Камбоджа, которую Э. А. Грантовский помещает в районе Кандагара²⁰. Ксеркс переселил греческую общину в Согдиану, потомков этих греков застал в Согде Александр Македонский (*Квинт Курций*, VII, 5, 28—35). Еще более интересно, что Дарий переселил группу ионийских греков в Бактрию²¹.

Можно думать, что греческие куросы появились в Бактрии вместе с этими первыми греческими переселенцами. Античный канон получил популярность в Бактрии, здесь по греческому образцу стали создавать местные изделия, сохранившие исходный статуарный тип, но приобретшие некоторые локальные черты и передающие местный антропологический тип и варварские украшения.

Так задолго до Александра закладывались основы формирования эллинистического искусства, впитавшего лучшие достижения художников Эллады, но в переработанном в соответствии с местными вкусами и древними традициями виде. Амударьинский курос — одно из самых ранних свидетельств этого процесса, важного в истории изобразительного творчества древнего мира.

Кого же изображал бактрийский курос? В Греции, по мнению некоторых исследователей, этот образ символизировал Аполлона. Относительно ахеменидского Ирана есть свидетельство Геродота (I, 131), что персы не

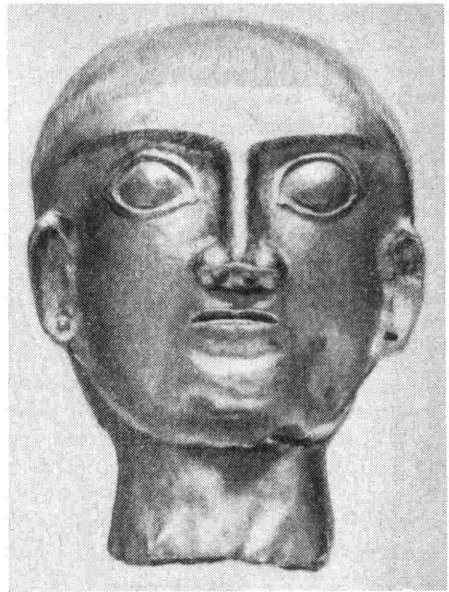

Рис. 2. Золотая голова юноши

представляют своих богов человекоподобными, как это делают эллины. О том, были ли антропоморфные божества в древней Бактрии, нет никаких данных, как нет бесспорных сведений и о религии этой области. Авестийская традиция связывает с Бактрией деятельность пророка Заратуштры, обратившего в свою веру царя Виштаспу. Но монотеистическая религия, проповедовавшаяся Заратуштрой, полная философских абстракций и морально-этических концепций, — неблагоприятная почва для художественного творчества.

Исследователи Авесты полагают, что среднеазиатские и восточноиранские провинции, в том числе Бактрия, были той областью, где сформировались религиозно-мифологические образы и представления, которые легли в основу яштов — гимнов богам. Они были включены в Авесту позднее Гат, составленных Заратуштрой, но донесли очень архаичные верования, сохранявшиеся в восточноиранской среде с глубокой древности и во многом близкие пантеистической религии ведических ариев²².

В яштах боги предстают в абстрактном, зооморфном и антропоморфном обликах. Однако в Авесте нет детального описания ни одного божества, за исключением Анахиты (Арвдисур яшт), но и оно скорее всего — более поздняя интерполяция. Атрибуты богов, упоминаемые в Авесте, немногочисленны, и к тому же один и тот же предмет часто ассоциируется с несколькими персонажами.

Все это делает почти безнадежной попытку связать изображения на памятниках искусства с конкретными богами или героями авестийского пантеона. Поэтому крупнейший знаток Авесты Ж. Дюшень-Гийемин пришел к пессимистическому заключению, что большинство предлагавшихся отождествлений не удовлетворительно²³. Немного дает и попытка спроецировать в древность образы авестийских богов, известные по более поздним изображениям. Число поздних подписных статуй невелико. Это Анахита, представленная в костюме и короне сасанидской царицы, Ахурамазда в костюме сасанидского царя, Митра²⁴ и статуи четырех главных иранских богов, воздвигнутые Антиохом I Коммогеном с посвятельными надписями, в которых авестийские боги отождествлены с греческими²⁵. Ни одна из статуй не имеет полного иконографического сходства с бактрийским курсом, но близкий головной убор венчает статую бога, названного в надписи Митрой и соотнесенного с греческими Аполлоном и Гераклом. Это служит основанием, правда довольно шатким, рассматривать статуэтку Амударьинского клада как эллинизированное изображение Митры. Отождествление Митры с Аполлоном и Гелиосом относится еще к ахеменидской эпохе, что подтверждается votивной надписью, открытой в Персеполе.

Митра — не только бог договора и бог солнца, но и бог плодородия вообще. В Михр яште он назван подателем жизни, дающим сыновей, заставляющим растения расти, дружественным к людям²⁶. Культ этого щедрого светлого бога был очень популярен в восточноиранских областях, в частности в Бактрии, о чем свидетельствуют теофорные имена и календарь²⁷.

О. М. Дальтон по аналогии с изображением на плакетке клада 86, где представлен обнаженный молодой человек с птицей в руках, считал, что в руках у юноши был цветок или птица. Если предположение верно, то это служит дополнительным аргументом в пользу связи бактрийского курса с культом Митры, поскольку цветок и куропатка были посвящены празднику Михраган. Бактрийскую статуэтку можно трактовать как изображение или самого бога, или одного из участников праздника в честь Митры — Михрагана (Мехракана). Михраган — праздник жатвы и осеннего плодородия природы — начинается в день осеннего равноденствия²⁸. Судя по более поздним описаниям, на этом празднике, очень популярном в восточноиранских областях, устраивались народные гулянья, сопровождавшиеся пением и танцами, возлияниями вина и воды, для чего приме-

нялись специальные чаши и кувшины. Большую роль в церемонии играли венки из цветов и трав, плоды граната — символ плодородия.

В Иране культ Митры расцвел при Сасанидах под влиянием восточно-иранских областей, в первую очередь — Бактрии. В сасанидской Персии этот культ слился с заимствованным в античном мире культом Диониса²⁹.

Однако анализ вещей Амударьинского клада позволяет думать, что в Бактрии этот синтез произошел на много веков раньше. Фигурки танцовщиц и женщин с цветами в руках иконографически напоминают менад и других участниц греческих дионисий. В греческой мифологии Дионис связывался с Азией: он воспитывался в мидийской Нисе, а потом совершил путешествие на восток и посетил Бактрию (*Еврипид. Вакханки*, 13). Культ Диониса распространился в Азии задолго до Александра. По словам Арриана (*Анабасис*, V, 1—2) и Квинта Курция Руфа (*История Александра Македонского*, VIII, X, 7, 13), во время похода из Бактрии в Индию Александр принес в городе Нисе у горы Меру жертвы Дионису, статуя которого представляла бога в образе индийского юноши. Культ Диониса получил популярность на Востоке, так как был близок культу Митры и многие ритуалы и атрибуты обоих богов были сходны.

Не исключено, что с празднованием Михрагана, кроме куроса, связаны и некоторые другие вещи в составе Амударьинского клада. Это кувшин с ручкой в виде головы льва — символа Митры, чаши и фиалы с крылатыми львами или солярными розетками на дне. И не на этот ли праздник несут жрецы, изображенные на плакетках, сосуды для возлияний? И не Митру ли символизируют изображения колесниц, коней и орлов? Ведь в Авесте Митра представлен едущим на колеснице, запряженной четверкой коней. Золотое колесо его колесницы — это солнце, развевающиеся гривы его коней — солнечные лучи³⁰, а бег коней сравнивается с полетом орла. В Михр яште (X) солнце называется «быстроконным»³¹, а уподобление «птица — конь» повторяется как устойчивая формула — словосочетание³².

Если верна гипотеза, что бактрийцы видели в статуэтке серебряного куроса изображение бога Митры, то эта статуэтка могла быть votivным предметом, пожалованным в святилище. На некоторых греческих куросах есть посвятельные надписи, указывающие, что эти вещи подносили храмам³³. Тогда курос служит подтверждением гипотезы Р. Гиршмана о том, что Амударьинский клад представляет храмовое сокровище³⁴. Однако весь набор предметов клада делает более вероятной другую трактовку: судя по обилию личных украшений, инсигний власти, предметов с изображением генетической легенды, более вероятно видеть в кладах собственность рода бактрийского правителя³⁵. В таком случае курос может трактоваться как идеализированный портрет правителя, представленного в облике бога. Уподобление царя богу, изображение царя в облике бога и с его атрибутами вообще характерно для всех ираноязычных народов и основано на представлении о том, что царь служит земным воплощением бога. Эта концепция, восходящая к индоиранской древности³⁶, в Иране прослеживается с ахеменидского времени (на рельефах Персеполя Дарий в своей короне изображен в роли бога-змеборца)³⁷ и вплоть до средневековья.

Подводя итог, можно констатировать, что попытка выяснить семантическое значение серебряной статуэтки Амударьинского клада остается все же в области гипотез, хотя и увлекательных, но покоящихся пока на довольно шатких основаниях. Значение же бактрийского куроса как важнейшего историко-культурного памятника состоит в том, что это одно из самых ранних изделий, свидетельствующих о влиянии греческого искусства на Востоке. Он показывает, что истоки синкретического эллинистического искусства восходят к эпохе, значительно более древней, чем поход Александра Македонского, и что эллинизм был подготовлен всем ходом предшествующего исторического и культурного развития.

Вероятно, в Бактрии греческая культура была воспринята глубже, чем в других областях Азии. Этим можно объяснить стремление Александра

Македонского перенести столицу своей огромной державы именно в эту область. Принять такое решение полководца, вероятно, побудили не столько чары бактрийской царицы Роксаны, сколько политические соображения и уверенность, что здесь будет легче осуществлять его мечту о создании единой мировой культуры.

- ¹ *Dalton O. M. The Treasure of the Oxus.* London, 1964, p. 3, pl. II, 4. Этого изображения касался также Р. Барнетт, признавший статуэтку вещью греческой работы позднего времени (*Barnett R. The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus.* — *Iranica Antiqua*, v. 8, 1968, p. 37).
- ² *Dalton O. M. The Treasure of the Oxus,* pl. III, 5.
- ³ *Dalton O. M. The Treasure of the Oxus,* pl. II, 6.
- ⁴ Такая трактовка глаза очень характерна для всех греческих курсов, но была присуща не только греческому искусству; она наблюдается и в ассирийском искусстве VII в. до н. э. (*Barnett R. Assyrische Palastrelief.* Prague, 1960, Taf. 52) и на ахеменидских статуях, например на бюсте мидийца V в. до н. э. (7000 ans d'art en Iran. Paris, 1962, pl. XLIX, 659).
- ⁵ *Demargne P. Naissance de l'art grec.* Paris, 1964, fig. 476; *Richter G. M. Kouros.* Archaic greek Jouths. London — N. Y., 1970.
- ⁶ *Ibid.*, fig. 14—16, 196—197.
- ⁷ *Ibidem.*
- ⁸ *Etienne H. The Chisel in Greek Sculpture.* Leiden, 1968, p. 50.
- ⁹ Две головки, подражающие курсу и еще более грубые, могли быть изготовлены позднее.
- ¹⁰ *Etienne H. The Chisel in Greek Sculpture,* pl. 51. Около 485 г. до н. э.
- ¹¹ *Korpeke G. Heraion von Samos, Südtemenos (8—6 Jh. v. Chr.)* — *Asia Minor*, 83, 1968, S. 250 ff.; *U. Jantzen. Ägyptische und Orientalische Bronzen aus dem Heraion von Samos.* — *Samos*, VIII, 1972, Taf. 1—7.
- ¹² Античные художественные бронзы. Каталог выставки Эрмитажа. Л., 1973, илл. 2.
- ¹³ *E. Akurgal. Die Kunst Anatoliens vom Homer bis Alexander.* [West] Berlin, 1961, S. 151, Taf.
- ¹⁴ *Кияткина Т. П. Краниология населения эпохи поздней бронзы (Таджикистан).* — В кн.: Доклады советской делегации на IX международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Чикаго, 1973, с. 4.
- ¹⁵ *Dutz W. Das Gebet des Königs.* Teheran, 1971, Taf. 15.
- ¹⁶ *Дандамаев М. А. Ахеменидское государство и его значение в истории Древнего Востока.* — Сб.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 98—103.
- ¹⁷ *Nylander C. Jonians in Pasargadae.* — *Studies in Old Persian Architecture.* Uppsala, 1970.
- ¹⁸ *Kent R. Old Persian Grammar.* New Haven, 1953, p. 110.
- ¹⁹ *Hallock R. Persepolis Foundation Tablets.* Chicago, 1969.
- ²⁰ *Грантовский Э. А. Племенное объединение у Панини.* — В кн.: История культуры древней Индии. М., 1963.
- ²¹ *Фрай Р. Н. Наследие Ирана.* М., 1972, с. 225.
- ²² *Duchesne-Guillemain J. La religion de l'Iran ancien.* Paris, 1962.
- ²³ *Duchesne-Guillemain J. A la recherche d'un art mazdeen.* — In: V Congress of Iranian Art and Archaeology. Teheran, 1969, p. 265—270.
- ²⁴ *Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана.* М., 1969, с. 194; *он же. Искусство древнего Ирана.* — Сб.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 118.
- ²⁵ *Humann, Puchstein. Reisen in Kleinasien und Nordsyrien.* Berlin, 1890; *Ghirshman R. Iran Parthes et Sassanides.* Paris, 1962, fig. 74.
- ²⁶ *Gershevitch J. The Avestian Hymn to Mithra.* Cambridge, 1959, p. 52; *Thieme P. Mitra and Aryaman.* — *Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences*, 1957, 41; *Cambell L. Mithraic Iconography and Ideology.* Leiden, 1968.
- ²⁷ *Justi F. Iranische Namenbuch.* Marburg, 1895; *Лившиц В. А. Зороастрийский календарь.* — В кн.: *Бикерман Э. Хронология древнего мира.* М., 1975, стр. 320 сл.
- ²⁸ *Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии.* М., 1956, с. 97; *Кисляков Н. А. Некоторые иранские поверья и праздники в описаниях западноевропейских путешественников XVII в.* — Сб.: Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973, с. 187—188.
- ²⁹ *Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана,* с. 92—94, 97.
- ³⁰ *Roes A. L'animal au signe solaire.* — *Revue archéologique*, 1938, 12 (164); *Pettazoni R. L'onnisienza di Dio.* Torino, 1959; *Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев.* — Сб.: Скифский звериный стиль в искусстве Евразии. М., 1976.
- ³¹ *Gershevitch J. The Avestian Hymn...; Иванов В. В. Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках.* — Сб.: Этимология 1967. М., 1969, с. 54.
- ³² *Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древнеиранских языках.* Л., 1972, с. 117.

- ³³ Античные художественные бронзы, с. 11.
- ³⁴ *Chirshman R.* Iran Parthians and Sassanians. London, 1962, p. 244—250. Эту точку зрения разделяет Р. Барнетт (*Barnett R.* The Art of Bactria..., p. 36—37).
- ³⁵ *Кузьмина Е. Е.* Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада. — Сборник памяти В. В. Павлова. М., 1976.
- ³⁶ *Widengren G.* The Sacral Kingship of Iran. — *La Regalia Sacra.* Leiden, 1959, p. 242—258.
- ³⁷ *Deshayes J.* Origine et signification des representations symboliques à Persepolis. — *Majalla-e deneskade-e adabiyat va ulum-e insani.* Tehran, 14 annee, № 4 (1965); *Duchesne-Guillemin J.* A la recherche..., p. 268. См. также ряд докладов на VI Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии (VI International Congress of Iranian Art and Archaeology. Cambridge, 1972).

А. В. ПАЙКОВА, Б. И. МАРШАК

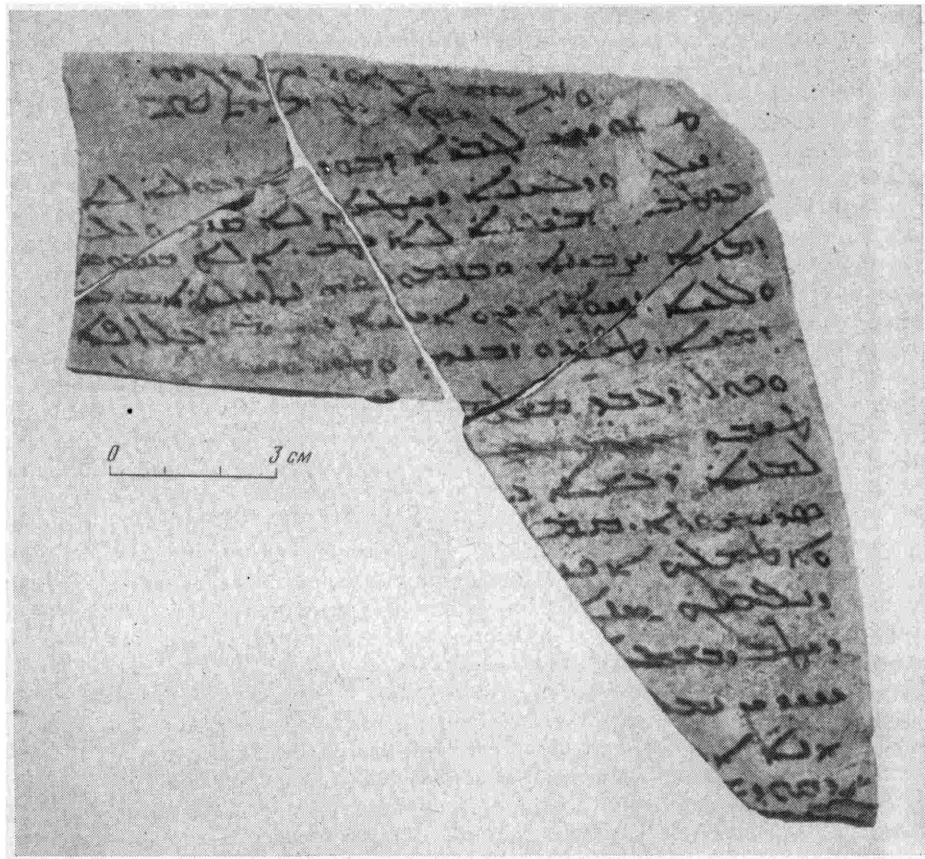
СИРИЙСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА

В 1973 г. под руководством А. М. Беленицкого продолжала свои работы Пенджикентская экспедиция. Наиболее примечательной находкой сезона стала сирийская надпись на обломке боковины местного водоносного кувшина, наибольшие размеры сохранившейся части которого 12×13 см. Поверхность черепка почти плоская. Черепок был расколот еще в древности на несколько кусочков, четыре из которых, составляющие находку, легко собираются в один. Эти четыре обломка черепка были втоптаны в мягкие прослойки пола второго этажа (помещение 16) одного из жилых домов, входящих в квартал сплошной застройки, получившей условное наименование объект XXIV¹.

Надпись нанесена кисточкой или каламом чернилами черного цвета. Текст состоит из 18 строк, 16 из которых содержат первые три стиха первого псалма и фрагменты шести стихов второго. Из второго псалма в каждой строке сохранилось по несколько слов, попавших на правую сторону черепка. Весь нижний левый угол, составляющий около $\frac{1}{3}$ надписи, отсутствует. Однако и эта часть текста легко восстанавливается, поскольку надпись удалось отождествить с текстом Пешитты — сирийской версии Библии.

Две строки, написанные другой рукой в обратном направлении по отношению к основному тексту, содержат евлогию — одну из формул прославления бога. Есть основания предполагать, что надпись имеет отношение к деятельности одной из сирийских христианских школ, которые были широко распространены во времена средневековья². Сведения об этих школах имеются в сирийской литературе в большом количестве, они содержатся преимущественно в агиографических сочинениях, посвященных жизнеописанию деятелей сирийской культуры: писателей, ученых, «отцов церкви». Повествуя о детстве того или иного лица, источник, как правило, сообщает сведения о школах, которые, судя по описаниям, были устроены по типу монастырских или церковно-приходских школ, известных всему христианскому миру. В основу учебного процесса было положено усвоение Псалтыря, причем методика обучения состояла в заучивании наизусть. Как гласит источник: «Псалмы должны выходить из уст».

Не только содержание говорит о том, что перед нами учебный текст, написанный для овладения сирийским письмом и грамотой. Ведь Псалтырь могли переписывать и в других целях. Характер письма нашей надписи, особенности некоторых орфографических и грамматических ошибок со всей убедительностью свидетельствуют о том, что писавший не копировал написанное, а воспроизводил текст на слух, под диктовку. Как правило, пропущены знаки, несущие лишь графическую нагрузку, не отражающиеся в произношении. В одном случае имеет место оглушение звонкого под влиянием последующего глухого, т. е. звук воспроизведен на письме так, как был произнесен в потоке речи, что и породило очень характерную ошибку.

Сирийский документ

Другие ошибки, свидетельствуя о том, что текст был написан под диктовку, говорят нам и о личности писавшего: по-видимому, это был не сириец, а согдиец. Так, вместо сирийских *gof*, *teth* и *heth* он писал *kaf*, *tau*, *he* и наоборот. Эта замена одних знаков другими, близкими по качеству звука, может быть объяснена лишь исходя из системы письма, принятой в согдийско-христианских текстах, переведенных с сирийского и написанных сирийскими буквами³. Фонема «к» передается то через сирийское *kaf*, то через эмфатическое *gof*; согдийское «т» — через сирийское *tau*, но также нередко и через *teth*. Фонемы «h» в согдийском вообще не было, поэтому в нашей надписи *heth* и *he* не дифференцированы. Влиянием системы согдийско-христианского письма может быть объяснена также замена в одном слове нашего текста *gamal'a ajin'om*. По-видимому, писавший или, скорее, его учитель знали это письмо и испытывали на себе его влияние.

Среди согдийцев была широко распространена грамотность⁴. Существовали школы, о чем свидетельствуют как нарративные источники, так и черепки с алфавитом и упражнениями на согдийском языке⁵. А. М. Беленицкий высказал предположение, что согдийцев в Пенджикенте учили не только согдийскому, но и иностранным языкам. В частности, в Пенджикенте найдена надпись на двух языках — согдийском и арабском, сделанная одним лицом⁶.

Надпись представляет большой научный интерес для истории изучения сирийской культуры как уникальный документ о деятельности сирийской

средневековой школы. До сих пор мы располагали лишь данными нарративных источников.

Большое научное значение имеет надпись и для освещения роли сирийской традиции в Средней Азии и на Дальнем Востоке, составляя одно из существенных звеньев в цепи драгоценных находок и открытий, — таких, как знаменитая сиро-китайская билингва Сиань-фу, сиро-тюркские и сиро-иранские фрагменты из Хара-Хото и Турфана, несторианские надгробия из Киргизии и др.

Несомненно важность этой надписи и для изучения библейской рукописной традиции, поскольку она содержит фрагменты псалмов, записанных сравнительно рано (VIII в.). Количество ранних списков сирийской Псалтири невелико, и поэтому вновь открытые фрагменты представляют определенную ценность для этой отрасли науки.

Сирийская эпиграфика представлена вообще очень скромно, если говорить не о количестве, а о разнообразии эпиграфических материалов. Появление каждой новой надписи расценивается поэтому как большое событие. Это событие становится особенно важным, если речь идет о надписи на черепке, поскольку это первый и пока единственный в мире сирийский остракон.

Чтобы охарактеризовать место находки, необходимо дать краткое описание не только помещения 16, но и всех помещений этого во многих отношениях необычного дома, исследование которого началось в 1972 г. с раскопок парадного зала на втором этаже (помещение 13). Как удалось выяснить, зал горел, но был восстановлен и расписан после пожара. Тогда же был устроен пристенный очаг-алтарь. Дата восстановления зала, судя по монетам согдийского царя Тургара, около 740 г. Позднее алтарь был уничтожен и превращен в бытовую очаг. В 770-х годах жизнь в зале (как и во всем городе) прекратилась. Напротив очага были изображены бог и богиня на троне с протомами верблюда (со стороны бога) и горного барана (со стороны богини). Не останавливаясь здесь на подробной характеристике росписей, отметим только, что эти божества хорошо известны по ряду согдийских памятников и безусловно относятся к местному пантеону.

Первый этаж под залом 13 был исследован уже в 1973 г. Тут находились две темные сводчатые комнаты высотой 2,2 м. Между ними и улицей на первом и втором этажах было по два помещения. В первом этаже — небольшой вестибюль с суфой и плоским перекрытием (помещение 15) и низкая сводчатая кладовая (помещение 14). Их пол был выше, чем в помещениях под залом, а выход на улицу шел с подъемом через ступеньку и высокий порог, за которым снаружи был маленький пандус. Низкие помещения 14 и 15 высотой в момент постройки всего 1,7 м не могли служить парадным входом дома с росписью. К тому же высота наружной двери до сохранившейся притолки была около 1 м. Проход напоминал скорее лаз, чем вход в жилище. В обеих небрежно содержавшихся комнатах на полу narossa толща гумированных прослоек мощностью до 0,45 м. В последние десятилетия жизни дома ходить здесь можно было только сильно согнувшись.

Зато во втором этаже обе проходные комнаты были тщательно обмазаны и окрашены красным по черному грунту. Характерно, что если в первом этаже все проходы лежали по одной стороне, образуя анфиладу, то во втором этаже они находились в противоположных углах, так что при открытой двери из помещения 15 в помещение 14 второго этажа видна была только стена, а не зал 13. Помещение 14 служило своего рода преградой между залом и помещением 15, в которое можно было заглянуть с улицы, поскольку снаружи рядом с пандусом, спускающимся к порогу двери первого этажа, находился ступенчатый подъем на уровень пола второго этажа, где прослеживается щека прохода. В то же время внутри дома нет лестницы или пандуса. Поэтому можно думать, что в данном жилище входы были устроены

на двух уровнях в верхней жилой и нижней полуподвальный хозяйственный этажи. Такое устройство встречается в горных кишлаках, но в древнем поселении оно обнаружено впервые.

Обычно пенджикентские дома с росписями были достаточно обширны и имели, кроме зала и кладовых, еще какие-то жилые комнаты. Здесь также из помещения 15 по первому этажу и, как можно предполагать, соответственно по второму этажу шел проход не только на юг, в сторону зала 13, но и на запад, в почти квадратное помещение 16. При этом пол в проходе первого этажа поднимался на высокую ступеньку. Еще больший подъем должен был быть на втором этаже.

Роль и судьба помещения 16 для нас особенно интересны, поскольку именно в нем была найдена надпись. Пол почти квадратного зала второго этажа опирался не на своды, а на плоское балочное перекрытие, подпиравшееся шестью деревянными столбами. Такая оригинальная конструкция объясняется необычным для Пенджикента назначением нижнего помещения, служившего местом содержания животных, скорее всего ослов.

Часть помещения была отгорожена линией из трех столбов со стенкой в полкирпича между ними. При этом пол и стены, обмазанные алебастром, образовали обширное хранилище для корма. По другую сторону стенки была выгорожена длинная и узкая кормушка. Пол остальной части неровный, но очень плотный, в углу — заполненное галькой углубление для стока. В другом углу намечается широкий выход на улицу. Таким образом, было два прохода: наружу для людей и животных и в хозяйственную часть дома (помещение 15) для людей. Помещение 16 показывает нам малоизученную сторону быта древнего города. В Пенджикенте лишь очень немногие домовладельцы имели при своих домах специальные помещения для верховых или вьючных животных, которых, по видимому, в случае надобности нанимали у их хозяев. Об этой практике как будто сообщает прочтенный В. А. Лившицем согдийский документ из Шахристана⁷. Таким образом, вьючные животные были источником дохода.

Стены второго этажа прослеживаются довольно плохо, несмотря на прекрасную сохранность двух прогонов и нескольких поперечных балок перекрытия. Пол второго этажа сильно просел, хотя почти нигде не провалился вниз. Стены здесь были расписаны, но фрагменты росписи попадают только в завале. Из мотивов опознается кайма из узорного шелка с круглыми медальонами, шедшая по краю красного ковра. На росписях такие ковры обычно украшали троны божеств. Кроме того можно опознать фрагмент венка с подвеской. Подобный венок в клюве птицы известен по росписям многих залов Пенджикента. В конце своего существования (очевидно, тогда же, когда был разрушен пристенный алтарь в помещении 13) эта комната полностью изменила свое назначение. Здесь была устроена какая-то мастерская с производственной печью обычного типа из перевернутого хума с сырцовым футляром. С печью был, видимо, связан обломок керамического двухканального сопла. Уровень второго этажа заметно поднялся за время существования мастерской.

В нижнем помещении перестройки менее существенные. Здесь был удален один из столбов и заменен колонной с базой, но без капители. Следов огня здесь нет, хотя дерева много, а входивший в тот же дом зал 13 сгорел во время пожара. Такое избирательное поведение огня маловероятно. Поэтому необходимо другое объяснение. Проход между помещениями 15 и 16 с их разными уровнями пола производит впечатление не выложенного во время постройки, но прорубленного. Помещение 16 первого этажа могло быть во время пожара изолированным от помещения 15 и иметь только уличный выход, тогда как сохранность стен второго этажа заставляет допускать возможность существования прохода из зала второго этажа не только на восток (к помещению 16), но и на запад. Отметим при этом, что восточный проход не сохранился и его наличие в древности лишь пред-

полагается на основании связи помещений 15 и 16 по первому этажу. Без помещения 16 Г-образный участок жилища, состоявшего из помещений 13, 14, 15, приобрел бы типичные прямоугольные очертания. Площадь этого прямоугольника (85 кв. м при площади помещений первого этажа 40 кв. м) мала для дома с живописью, но надо учесть, что роспись была нанесена после пожара, когда к жилищу присоединили помещение 16, роспись которого, вероятно, синхронна живописи помещения 13.

Итак, помещение 16 второго этажа пережило три периода. Во втором периоде (после 740 г.) оно входило в дом с «языческой» живописью (в помещении 13), а в третьем периоде (760—770-е годы) было ремесленной мастерской.

Все четыре фрагмента сирийского текста найдены в прослойках пола выше уровня балок. Прослойки при проседании сместились, что мешает стратиграфическому датированию. Если обратиться к характеру самого текста, то станет очевидным, что связь этого христианского документа с «языческим» вторым периодом маловероятна. Немного вероятнее связь школьного текста с «горячей» ремесленной мастерской третьего периода. Таким образом, следует полагать, что сирийский документ попал в помещение в течение первого периода, т. е. в начале VIII в. Но этот период как раз наименее ясен. Можно только сказать, что помещение с кормушкой явно входило в тот же комплекс, что и зал второго этажа, в котором найден текст. К югу от помещения 16 начато исследование двух сводчатых помещений (17 и 18), в завале одного из которых был обломок кружки с процарапанным после обжига знаком креста с расширяющимися концами (так называемый несторианский крест). Помещения 16 и 17 разделяет весьма массивная стена, что как будто заставляет относить их к разным домам, но пока рано делать окончательный вывод, поскольку в толщу стены включен остеец более ранней постройки.

Находка сирийского документа доказывает, что в Пенджикенте жили согдийцы-христиане. Весьма вероятно, что здесь существовала христианская, скорее всего несторианская школа.

Археологический комментарий этой замечательной находки остается пока довольно фрагментарным, однако продолжение работ на объекте XXIV, по-видимому, позволит уточнить характеристику жилища, в котором был найден первый сирийский остракон.

¹ Результаты работ на объекте XXIV в 1969—1971 г. см.: *Беленицкий А. М.* Раскопки на городище древнего Пенджикента (1970 г. — Сб.: Археологические работы в Таджикистане, 10 (1970). М., 1973, с. 111—116; *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Пенджикент. — Наука и жизнь, 1971, № 8, рис. на с. 4 и на обложке; *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1970 г. — СГЭ, 36, 1972; *они же.* Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 г. — СГЭ, 37, 1973.

² Сирийской школе посвящена специальная статья Н. В. Пигулевской «Сирийская средневековая школа» (ПС, 15, 1966, с. 130—140).

³ Описанию и характеристике этой литературы посвящена статья Олафа Хансена. См.: *Christliche Literatur der Sogdier.* — *Handbuch der Orientalistik*, Bd. IV, Abt. 1, Abschn. 2, 1968, S. 91—99.

⁴ См.: *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 118—120.

⁵ Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перев. и коммент. В. А. Лившица. М., 1962, с. 68.

⁶ *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... с. 120.

⁷ *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, с. 292.

В. И. РАСПОПОВА

ОТЛИВКА МОНЕТ В МАСТЕРСКИХ ПЕНДЖИКЕНТА
РУБЕЖА VII—VIII ВВ.

Раскопки Пенджикента показали, что раннесредневековый город Средней Азии являлся средоточием ремесла и торговли¹. Поэтому неудивительно, что бронзовые литые монеты — почти обязательная находка при раскопках поселений Согда VII—VIII вв. Изучение нумизматических коллекций, полученных при археологических работах, особенно пенджикентской, позволило О. И. Смирновой создать новую отрасль нумизматики — согдийскую². Она определила типы монет, выделила территориальные и хронологические группы.

На основании данных нумизматики с привлечением письменных источников О. И. Смирнова сделала попытку воссоздать картину денежного хозяйства Согда. Один из важных аспектов этой большой темы — вопрос об организации выпуска монет. Некоторые данные появились лишь в последние годы в результате раскопок ремесленных мастерских, о которых здесь и пойдет речь.

В 1972—1973 гг. на городище древнего Пенджикента продолжались раскопки в юго-восточной части, где в предыдущие годы был открыт торгово-ремесленный центр древнего города. На улице 2, окаймляющей с юга этот участок, для исследования ее наслоений был заложен шурф напротив мастерской 68 объекта XVI³. На поверхности улицы, продолжающей поверхность пола помещения 68, были зафиксированы отходы плавки железа. Здесь собрано около 9 кг железистых шлаков, а также некоторое количество ошлакованных до стекловидного состояния обломков стенок домиц, на которых кое-где видны припекшиеся кусочки железа (рис. 1, 1). Ниже улицы первой четверти VIII в. было обнаружено небольшое (площадь 12 кв. м) изолированное помещение (72 объекта XVI), занятое кузнечной мастерской. С востока в помещение вел проход шириной 1,75 м. Стены сложены небрежно, в сырцовую кладку включены комки земли.

Из оборудования мастерской сохранился горн обычной для Пенджикента конструкции: футляр из сырцового кирпича охватывает хум со срезынным дном, поставленный на устье. Прямоугольный футляр сложен из рыхлых сырцовых кирпичей, в некоторые из них включены угольки, обгоревшая земля и даже черепки хума. При сооружении футляра этого горна, вероятно, были использованы остатки аналогичного предыдущего горна. Хум поставлен с наклоном в сторону поддувала, которое находится в северо-восточном углу футляра. Поддувало (диаметр 10 см) находится на одном уровне с подом и выше пола помещения на 10 см. Под плотный, покрыт золой. Верх горна частично сохранился *in situ*. Видно, что дно хума, формованное на песчаной подсыпке, аккуратно отбито. Хум сильно растрескался. Высота горна была около 80 см.

Вдоль южной стены с обеих сторон горна шло небольшое сырцовое возвышение. Пол помещения ровный, в нем зачищена яма от деревянного столба (сохранился тлен), опиравшегося на жернов. Перекрытие помещения, видимо, было плоским.

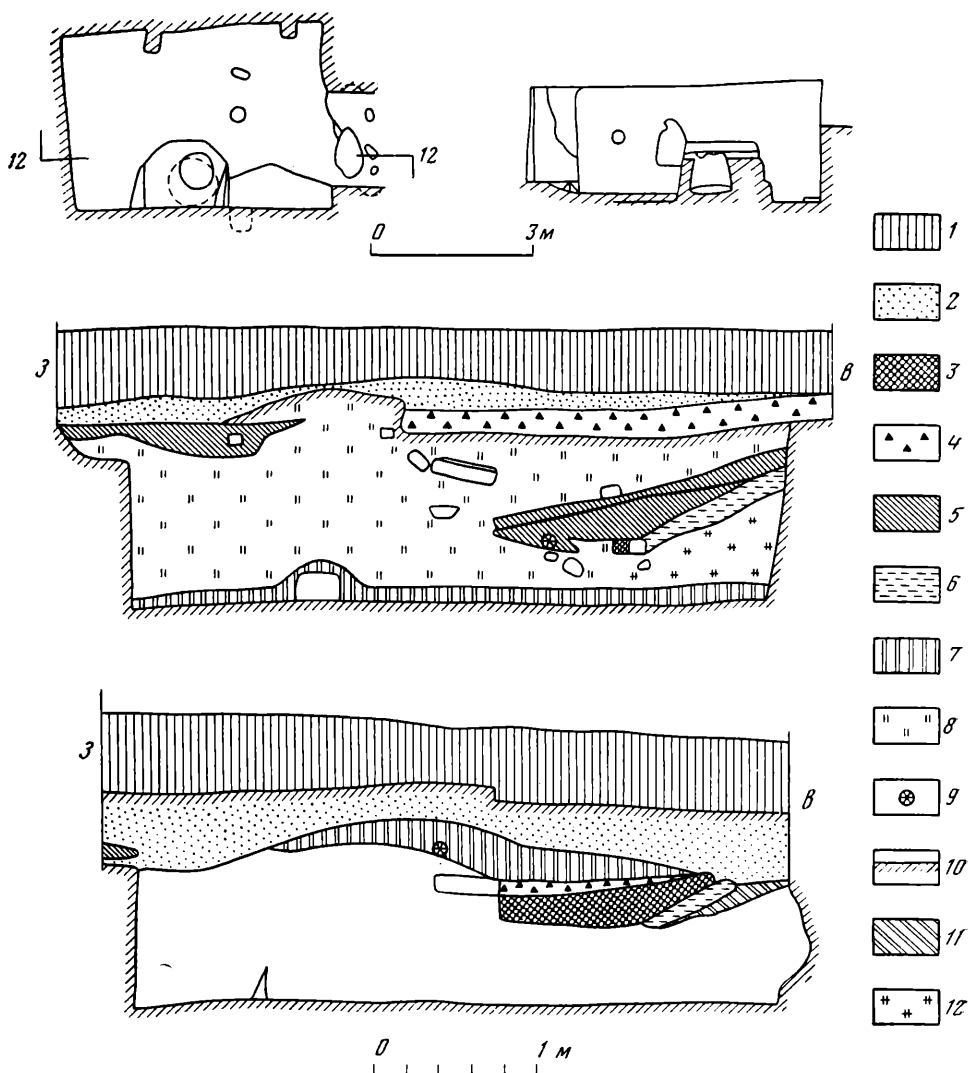

Рис. 1. Пенджикент. Объект XVI. План и разрезы мастерской (помещение 72)

1 — серая земля;	8 — серая рыхлая гумусированная земля;
2 — голубоватая вольная земля;	9 — клады монет;
3 — уголь с золой, кусками керамики и железистыми шлаками;	10 — стены и полы;
4 — лёсс с угольками;	11 — гумусированная земля;
5 — черная земля (выброс из кузницы?);	12 — плотная комковатая земля;
6 — обожженная земля;	на нижнем разрезе невазстрихованным оставлен останец стены ранней мастерской
7 — темный гумусированный завал;	

В южной стене помещения около горна с восточной стороны имеется ниша с овальным верхом. На полу мастерской была найдена каменная гиря весом 158 г с выбитым обозначением веса.

Как установил В. А. Лившиц, на гире в две строки написано: 35 с половиной, т. е. 35 драхм с половиной. Вес драхмы получается 4,45 г, т. е. тот вес, который наиболее часто обозначается на согдийских гирях.

Интересен состав монет, найденных в мастерской. Из ниши в южной стене происходят следующие монеты: Вархуман — 2; Вархуман (?) — 2; Мастан-Навйан — 2; Бидйан — 3; неопределенная согдийская с квадратным отверстием — 1. На полу помещения найдены монеты: Вархуман — 1; Вархуман (?) — ?; Мастан-Навйан — 1; Бидйан — 1; Бидйан (?) — 3;

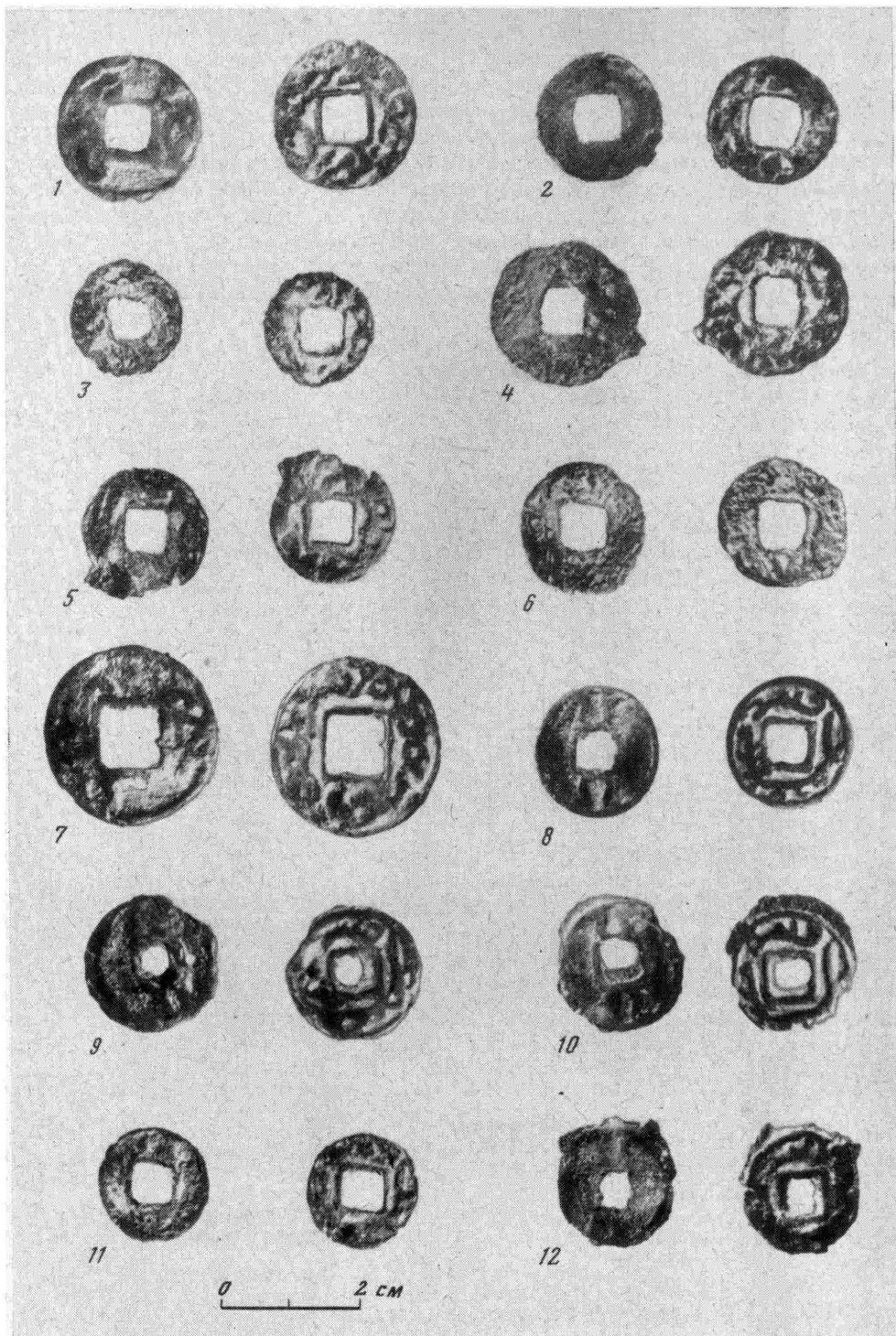

Рис. 2. Монеты из пенджикентского клада в помещении 72 объекта XVI
 1 — № 1 по таблице в тексте на стр. 42; 2—3; 3—4; 4—5; 5—6; 6—7; 7—10; 8—11; 9—14; 10—18;
 11—19; 12—24

неопределенная согдийская с квадратным отверстием — 1⁴. Под полом мастерской найдена монета Рамчитака. Керамика с пола и из завала над полом аналогична керамике из комплексов VII в.⁵ Монетные находки не противоречат этой дате. Учитывая все эти данные, а также то, что какое-то время мастерская служила местом свалки черепков сосудов и шлаков, можно время заупустения мастерской датировать рубежом VII—VIII вв.

При раскопках северной части мастерской в разрезах напластований были прослежены остатки другой мастерской, перекрывавшие мастерскую конца VII в. К моменту сооружения новой мастерской северная часть восточной стены и западная стена развалились (а, может быть, были намеренно снесены). В северо-восточном углу над остатками северной стены конца VII в. и к югу от нее прослеживался слой обожженной земли с черепками хума. Вероятно, это остатки горна. С этой мастерской связаны два клада монет.

Места находок кладов отмечены на разрезах (рис. 1; 2). Один из них состоит из 24 монет только пенджикентского литья:

№ № п/п	Определение	Вес в г	Диаметр в мм	Примечания
1	Бидйан	2,20	19	Остаток литника, литье с дефектом
2	»	1,85	18	Остаток литника
3	»	1,70	18	То же
4	»	1,70	18	»
5	»	1,70	19	»
6	»	1,65	18	
7	»	1,60	17	Литье с дефектом
8	»	1,55	18	
9	»	1,45	18	
10	»	1,45	21	
11	»	0,90	19	Остаток литника
12	»	1,10	18	
13	»	1,60	18	
14	»	1,35	18	
15	»	1,25	18	Остаток литника
16	»	1,50	18	То же
17	Пенджикентская царица типа 361	1,65	16	Отверстие запол- нено металлом
18	То же	1,45	17	
19	Пенджикентская царица типа 415	1,60	18	Отверстие запол- нено металлом
20	То же	1,35	18	Монета фрагменти- рована
21	»	1,35	18	
22	»	1,30	18	
23	»	1,25	18	
24	Монета пенджи- кентской царицы с легендой	1,55	18	Новый тип; остаток литника

Состав другого клада следующий:

№ № п/п	Определение	Вес в г	Диаметр в мм	Примечания
1	Вархуман	1,55	21—22	Определена по знакам, фраг- ментирована
2	Тукаспадак	1,55	20	
3	»	0,90	13	Ав. гладкий
4	»	0,85	12	То же
5	»	0,90	18—19	»
6	»	0,85	19	»
7	»	0,75	16	»
8	»	0,65	16	Монета фрагменти- рована
9	»	0,55	16	Остаток литника
10	»	1,55	20	Ав. гладкий, остаток литника

№ № п/п	Определение	Вес в г	Диаметр в мм	Примечания
11	»	1,05	19	Ав. гладкий
12	»	0,90	18	Остаток литника
13	»	1,00	18	
14	Монета типа 301	2,40	24	
15	Рамчитак	2,00	17	
16	»	1,85	16	Остаток литника
17	»	1,70	18	Дефектный эк-земпляр
18	»	1,70	17	Отверстие напо- вину заполнено металлом
19	»	1,65	17	
20	»	1,60	17	Сдвиг матриц при литье
21	»	1,60	17	
22	»	1,45	15	Ав. гладкий, оста- ток литника
23	»	1,30	16	Отверстие напо- вину заполнено металлом
24	»	0,90	15	
25	»	0,90	16—17	Дефекты литья
26	»	0,80	16	
27	Самитан	1,15	18	
28	Неопределенная согдийская монета с квадратным отверстием	0,80	18	
29	То же	0,45	15	
30	»	1,05	17	
31	»	0,70	17	

Монеты из клада пенджикентского литья все хорошей сохранности. Среди монет Бидяна наряду с полноценными экземплярами с четкой надписью и знаком имеются монеты, знаки и надписи которых как бы стерты, однако не от длительного употребления (на многих из них сохранились «заусеницы» от литья), а от того, что они отлиты в формах, изготовленных путем оттискивания монеты в сырой глине или алебастре⁶. Вес таких монет меньше. Это связано с усушкой глиняной формы и усадкой металла при литье. То же самое мы наблюдаем при рассмотрении монет Тукаспадака из клада смешанных монет. Из 12 монет этого правителя в клада имеется лишь один полноценный экземпляр с четко отлитыми знаком и легендой (рис. 3, 1). На остальных знаки очень нечетки или вовсе отсутствуют, надписи плохо различимы и читаются с трудом. По весу эти монеты меньше, наблюдается также и уменьшение диаметра. Эти монеты, если и были в употреблении, то недолгое время. Монеты Рамчитака из клада дают такую же картину. Монеты Вархумана, происходящие из помещения 72, также деградировали.

Нумизматический материал из помещения 72 позволяет поставить ряд вопросов, связанных с изготовлением монет и датами некоторых типов.

Отметим, что монеты пенджикентского литья и других центров чаще подбирались в клады отдельно, что, может быть, свидетельствует о каком-то различии курса этих двух групп монет.

Вероятно, какое-то количество мелкой разменной монеты, ходившей на рынке Пенджикента, изготовлено не на монетном дворе, а в литейных мастерских. Подтверждением этому служит находка двух монет Бидяна, соединенных между собой литником (рис. 4), в бронзолитейной мастерской на объекте XIII древнего Пенджикента⁷. Около ямки со стенками, ошлакованными до стекловидного состояния, были найдены обломки тиглей: 29 — от верхних частей, 65 — от стенок и 3 — от придонных частей. Эти

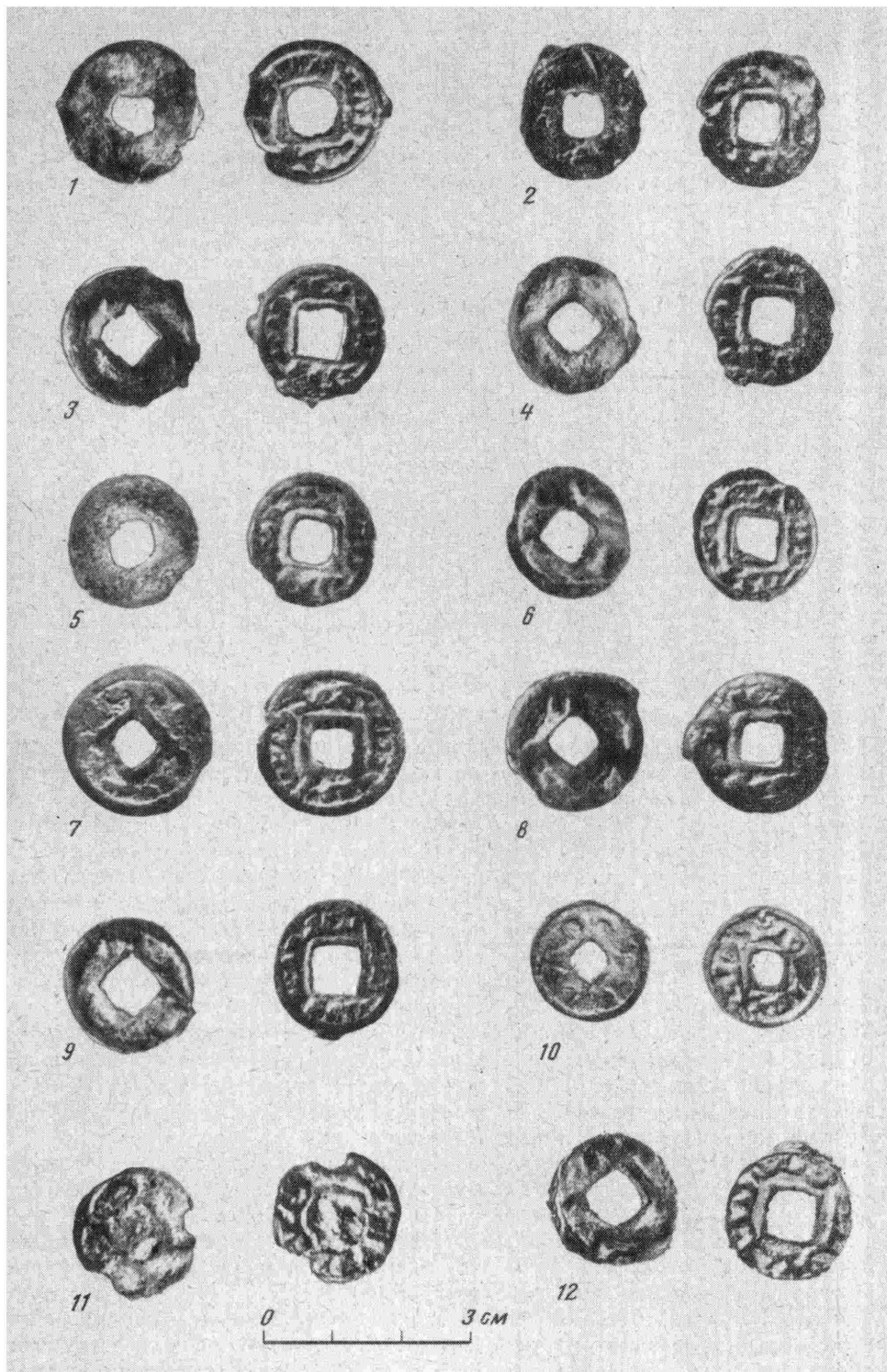

Рис. 3. Монеты из клада в помещении 72 объекта XVI

1 — № 2 по таблице в тексте на стр. 42 2—3; 3—7; 4—10; 5—12; 6—13; 7—14; 8—15; 9—17
10—20; 11—26; 12—16

фрагменты друг с другом не склеиваются. Вполне возможно, что все они принадлежали разным тиглям. Два тигля сохранились почти наполовину. Они округлодонны, с примятыми сливами, высотой 5,2 и 6,4 см, диаметром около 4 см. Объем тиглей был небольшим, что связано, видимо, с отливкой в них мелких предметов. Единственная заготовка металла — треугольный в сечении слиток бронзы — также небольших размеров. Его вес 30,7 г при длине 4,3 см.

Мастерская находилась в квартале, состоявшем из рядовых жилищ и торгово-ремесленных построек. Она перекрыта помещениями, погибшими от пожара. В слое пожара найдены монеты: Вархумана — 1; thwkk — 1; типа 301—3; Рамчитака — 2; серебряная монета типа 8—1; серебряная сасанидская с эфталитским надчеканом — 1; согдийская неопределенная с квадратным отверстием — 1. Здесь нет монет моложе первой четверти VIII в. Скорее всего этот пожар связан с разгромом Пенджикента арабами около 722 г. Таким образом, бронзолитейная мастерская существовала недолгий срок и прекращение ее функционирования не связано с какой-либо катастрофой. Все это как будто позволяет утверждать, что мастерская не могла быть монетным двором Пенджикента. Однако весь приведенный материал показывает, что здесь происходила отливка монет. А. М. Беленицкий, опубликовавший мастерскую, предположил, что «мастер-литейщик изготовлял монеты в порядке заказа, полученного им от дворцовой администрации»⁸.

Деградировавшие экземпляры монет из помещения 72 изготовлены, вероятно, также в какой-то бронзолитейной мастерской. Здесь важно отметить, что матрицами при их изготовлении могли быть оттиски монет, не только выпущенных монетным двором, но и второго и третьего «поколения», настолько эти монеты имеют деградировавший вид. В связи с этим встает вопрос, имеем ли мы здесь дело с фальшивомонетчиками или монеты изготовлялись по заказу государства? Скорее всего изготовление таких монет, как найденные в этих кладах, было делом «частной инициативы». В противном случае литейщик вместе с заказом получил бы хорошие, стандартизированные матрицы для форм.

В письменных источниках не содержится никаких данных об организации выпуска монет на территории Средней Азии, в частности в Согде⁹⁻¹⁰.

О существовании казенного ремесла в Согде данных нет. Как показали раскопки Пенджикента и анализ документов с горы Муг, согдийский ремесленник был лично свободным, хотя часто работал в помещениях, снимаемых в аренду. Правитель Пенджикента Деваштич покупал необходимые ему предметы ремесленной продукции за деньги. В условиях развитого ремесла и торговли, в городе, где каждая улица была базаром, требовалось большое количество разменной монеты. Такими и были бронзовые монеты, которых особенно много мы находим в лавках и мастерских. Письменные источники донесли до нас только наименование этих монет — «фань» (phu). В архиве документов с горы Муг сохранился обрывок записей расходов по дням: «...седьмой (день) — 26 фаней, восьмой — ... фаней, девятый — 40 фаней, десятый — 30 фаней...»¹¹ и т. д. Самый большой расход приходится на 15-й день, когда было учтено 130 или

Рис. 4. Монеты Бидяна из помещения 74 объекта XIII

150 фаней. В надписи на черепке, найденном в Пенджикенте, упоминаются одновременно драхмы и фани¹².

Какова была покупательная способность «фаня», мы не знаем. Все цены и расчеты в Согде велись на серебряные деньги — драхмы.

Однако сведения по этому вопросу мы можем получить по материалам времени арабского завоевания Средней Азии.

Группа бронзовых монет, две из которых найдены на городище Пенджикент, позволяет установить курс мелкой монеты в середине VIII в. На этих бронзовых без отверстия монетах имеется арабская надпись «шестьдесят за дирхем»¹³. О. Г. Большаков на основании анализа письменных источников пришел к выводу, что в VIII в. заработок хорошего ремесленника составлял 10—15 дирхемов в месяц¹⁴. Если считать, что клады бронзовых монет, найденные в ремесленных мастерских Пенджикента, были дневной выручкой мастера, что весьма вероятно, так как их нельзя считать кладами в полном смысле слова, то выходит, что заработок пенджикентского ремесленника был того же порядка.

В кладах из мастерских Пенджикента содержится от 21 до 86 бронзовых монет. Серебряной монеты в кладах ремесленников пока не обнаружено.

Серебряную монету от своего имени выпускал лишь один согдийский правитель — самаркандский государь Тургар. Медную монету выпускал каждый центр. В Пенджикенте известна мелкая монета трех правителей. Но наряду с пенджикентскими ходили монеты самаркандские, чачские, усрушанские и других центров.

При обилии литейных мастерских (а их в Пенджикенте начала VIII в. было не менее пяти) государственный контроль над отливкой был очень затруднителен¹⁵. Практически монету мог отливать каждый литейщик. Но для создания полноценных экземпляров нужны были формы, бывшие, видимо, в ведении государства, которое могло на определенных условиях давать их мастерам. Как мы видели, в мастерской на объекте XIII отливались полноценные экземпляры монет местного правителя. Каждый ремесленник мог сделать новую форму путем оттискивания монеты в глине, но тогда, как показывают материалы помещения 72 объекта XVI, получались плохие отливки, заметно отличавшиеся от выпускаемых правителями монет.

Судя по обилию находок таких дефектных монет, их хождение было допущено в Пенджикенте, но курс их, как можно предполагать, был ниже курса полноценной монеты. Монеты пенджикентских правителей имели обращение только в Пенджикентском владении (за пределами его найдена только одна такая монета)¹⁶. Это обстоятельство может быть объяснено тем, что здесь они ходили по повышенному курсу, что и препятствовало вывозу монеты. Не случайно плохие отливки сделаны по большей части с «иноземных» монет.

В нашей статье только ставится вопрос об особенностях выпуска и обращения медной монеты в Согде. Решение его — дело будущего, поскольку материалов еще очень мало.

Монетные находки из помещения 72 в сочетании с керамическим комплексом и стратиграфическими наблюдениями позволяют уточнить дату монет Рамчитака, Бидяна и пенджикентских цариц. Монета Рамчитака найдена под полом мастерской рубежа VII—VIII вв. Следовательно, эти монеты были выпущены никак не позже этой даты. В мастерской рубежа VII—VIII вв. из монет пенджикентского литья найдены только монеты Бидяна. В кладе монет пенджикентского литья из мастерской, перекрывающей остаток мастерской рубежа VII—VIII вв., наряду с монетами Бидяна есть монеты безымянной пенджикентской царицы с обеими легендами.

Остатки мастерской, из которой происходит клад монет пенджикентского литья, перекрыты поверхностью, соответствующей поверхности пола базарной площади и полам помещений, прилегающих к базару с юга.

На полах всех этих построек лежит слой пожарища, связанного, по всем данным, с большим разгромом Пенджикента около 722 г.¹⁷

На основании всего вышеизложенного можно утверждать, что монеты Бидяна предшествуют монетам пенджикентских цариц. В. А. Лившиц вместо чтения «Бидйан» на этих монетах предложил читать «Бильга», что позволяет отождествить правителя, выпускавшего эти монеты, с упоминаемым в документе В-8 царем Чакин Чур Бильга, правившим до Деваштича¹⁸. Все это хорошо согласуется с находками из помещения 72. Монеты пенджикентских цариц, таким образом, приходятся на время правления Деваштича, и, учитывая условия находки клада монет пенджикентского литья, приходится отбросить предположение О. И. Смирновой о возможном выпуске монет пенджикентской царицы после 722 г.¹⁹

Итак, материалы из помещения 72 объекта XVI показывают, что вопросы о датировке и особенностях обращения монет согдийских правителей, имена которых не отождествлены с именами, известными по письменным источникам, могут решаться только в связи с данными археологии.

Таким образом, зарождается новая отрасль согдийской нумизматики — археологическая нумизматика.

- ¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- ² Вопросам согдийской нумизматики О. И. Смирнова посвятила большое количество статей и две книги. См.: Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963; она же. Очерки из истории Согда. М., 1970.
- ³ План городища древнего Пенджикента см.: Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город..., рис. 4 (план объекта XVI); Распопова В. И. Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда. — СА, 1972, № 4, рис. 3.
- ⁴ Чтения многих легенд на согдийских монетах за последние годы уточнены. Здесь и далее мы приводим их так, как они вошли в практику Пенджикентской экспедиции. См.: Смирнова О. И. Каталог монет... По этой же работе даются ссылки на типы монет.
- ⁵ Маршак Б. И. Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник. Автореф. канд. дисс. Л., 1965, с. 19, 20; Распопова В. И. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв. — СА, 1969, № 1, с. 170, рис. 5, 37—43.
- ⁶ Технике изготовления монет Бидяна посвящен специальный раздел в статье О. И. Смирновой «Первый клад согдийских монет» (ЭВ, X, 1955, с. 9—13). Предположение О. И. Смирновой о том, что формы для монет не могли вырезаться в мягком камне, неубедительно. Ср.: Быков А. А. Монеты Китая. Л., 1969, с. 9.
- ⁷ Беленицкий А. М. Раскопки на городище древнего Пенджикента (1970 г.). — Сб.: Археологические работы в Таджикистане, 10 (1970 г.). М., 1973, с. 108—109. Раскопки мастерской производила И. Б. Бентович.
- ⁸ Беленицкий А. М. Раскопки на городище древнего Пенджикента, с. 109. В литературе нам удалось найти только одно указание на то, что монеты в эпоху средневековья изготавливались в ювелирной мастерской. Р. Э. Бурнашева на основании изучения материалов XI в. городища Талгар на территории Семиречья высказала предположение, «что в эпоху раннего средневековья ювелирная мастерская служила местом чеканки монет, так как оба эти ремесла имеют дело с драгоценными металлами и требуют высокого мастерства. Чеканка монет могла производиться эпизодически, когда появлялась необходимость в денежных знаках, и, возможно, что ювелирная мастерская в таком случае на некоторое время превращалась в монетную» (Бурнашева Р. Э. Монета Сулеймана б. Дауда с городища Талгар. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 186).
- ⁹⁻¹⁰ Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перев. и коммент. В. А. Лившица. М., 1962, с. 182—183.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же, с. 183, примеч. 7.
- ¹³ Смирнова О. И. К истории денежного обращения в Средней Азии середины VIII в. — ОНУ, 11, 1971, с. 46—50. К сожалению, в статье нет воспроизведенный монет; упоминание таких же монет см.: Смирнова О. И. Очерки из истории Согда, с. 193. Полевой шифр пенджикентских монет $\frac{\text{Т-II-70}}{\text{МХИ-28}}$; $\frac{\text{Т-II-61}}{\text{МИ-7}}$.
- ¹⁴ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город..., с. 306.

- ¹⁵ Монахи использовали монастырские мастерские по изготовлению храмовой утвари и статуй для отливки фальшивых монет. «При отливке (статуй монахи) тайком выплавляют (фальшивые) деньги. Новые (фальшивые) деньги и старые (законные) деньги перемешиваются так, что выпущенные казной и частными лицами деньги не отличишь. Закон в этом случае не имеет силы. Сфера распространения фальшивых денег широка и прибыль от них велика» (Стужина Э. П. Городской монастырь и средневековый город в Китае. — В кн.: История и культура Китая. М., 1974, с. 283). В I в. н. э. фальшивомонетчиков не останавливали даже отрубание рук и смертная казнь (Быков А. А. Монеты Китая, с. 13).
- ¹⁶ Зеймаль Т. И. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореф. канд. дисс. Л., 1969, с. 5.
- ¹⁷ Распопова В. И. Один из базаров Пенджикента VII—VIII вв. — Страны и народы Востока, X, 1971, с. 73—74.
- ¹⁸ Livshitz V. A. A Sogdian Alphabet from Panjikant. — Henning Memorial Volume. London, p. 257, footnote 5.
- ¹⁹ Смирнова О. И. Каталог монет... с. 16—17.

А. АНАРБАЕВ

К ВОПРОСУ О ВОДОСНАБЖЕНИИ И ОЗЕЛЕНЕНИИ ГОРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПРЕДАРАБСКОЕ ВРЕМЯ (по материалам Пенджикента)

Вопрос о водоснабжении и озеленении городов в предарабское время почти не разработан. В письменных источниках сведений об этом в рассматриваемый период нет. Имеющиеся данные относятся к более позднему периоду (IX—X вв.). Например, ал-Истахри сообщает, что в Мерве были древесные насаждения¹. Ибн-Хаукаль пишет о Самарканде: «Если направить взор в сторону цитадели в городе, то взгляд не различит ее, так как он скрыт садами и деревьями, что возле домов и по берегам каналов»². Ал-Макдиси пишет о Нисе: «Ниса — город (балад) обширный, здоровый и красивый, изобилующий водой и жизненными благами; (в нем) деревья переплетаются друг с другом»³. О водоснабжении и озеленении городов в V—VIII вв. мы можем судить только по археологическому материалу. До 1970 г. представление о характере водоснабжения давали лишь найденные еще в 1950 г. в древнем Пенджикенте отрезки подземного кубурного водопровода⁴. А об озеленении городской территории вообще не имелось данных. Поэтому предполагалось, что зеленых насаждений в городе не было⁵. Однако в последние годы в Пенджикенте были открыты остатки наземного арыка и углубления от корней деревьев⁶, и это позволило начать исследование. В течение двух сезонов (1972—1973 гг.) мы проводили работы в двух местах во дворе второго храма.

Первый раскоп (площадь 9,20×2,60 м) был заложен для исследования арыка между северной стеной храма и постройками северной ограды. Арык открыт в 1970 г. Б. И. Маршаком. Русло арыка вырыто в галечном материке, и поэтому берега арыка не ровные, а слегка волнистые.

Дно арыка и берега в некоторых местах укрепляли с помощью больших камней. Постепенно боковые поверхности ложа арыка естественно укреплялись осевшим илом. Так образовалась плотная корка. Арык был раскопан на протяжении 15 м. Первоначальная ширина арыка по дну 0,80—0,85 м, по поверхности — 1,10—1,20 м, а с плотной коркой по дну — 0,65—0,70 м, по поверхности — 1—1,05 м; глубина его 0,80—0,90 м. Берег арыка лежит на 1,70—1,85 м ниже современной дневной поверхности. На южном берегу арыка Б. И. Маршак обнаружил четыре углубления, не заполненные землей, с отпечатками стволов и корней деревьев. В 1972 г. мы открыли по той же линии еще одно углубление от ствола дерева. Кроме того, в арыке были истлевшие сучья и ветки. В арыке и на первоначальной поверхности берега, кроме небольшого количества фрагментов керамики, находок не оказалось. Эти фрагменты датируются концом V—VI в.⁷

В разрезе северного берега арыка прослеживается меньший арык, протекавший в том же направлении. Там были найдены фрагменты керамики, характерной для верхнего слоя Пенджикента. Судя по стратиграфии и

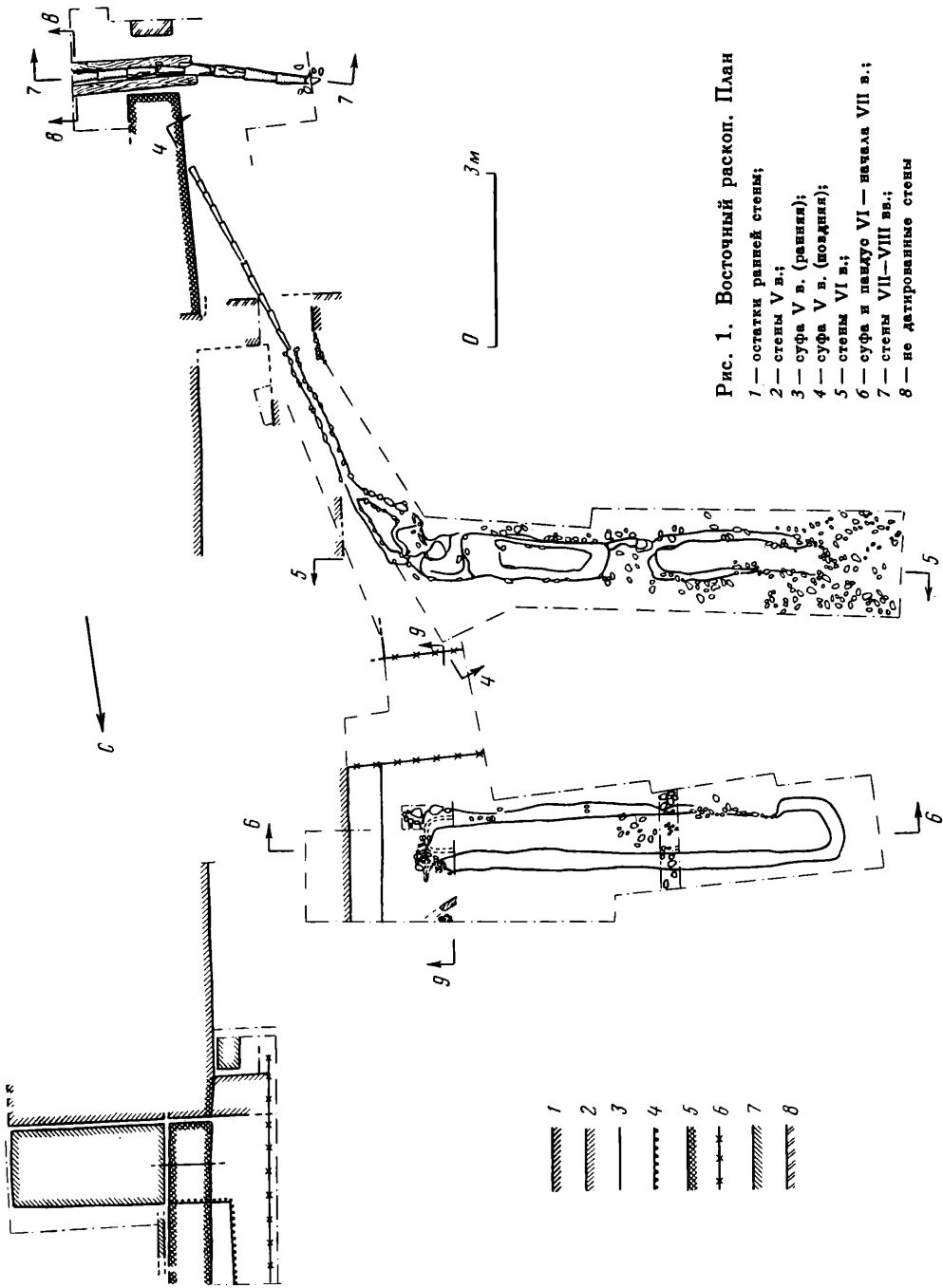

Рис. 1. Восточный раскоп. План

- 1 — остатки ранней стены;
- 2 — стены V в.;
- 3 — суфа V в. (развал);
- 4 — суфа V в. (возлея);
- 5 — стены VI в.;
- 6 — суфа и пауду VI — начала VII в.;
- 7 — стены VII—VIII вв.;
- 8 — не датированные стены

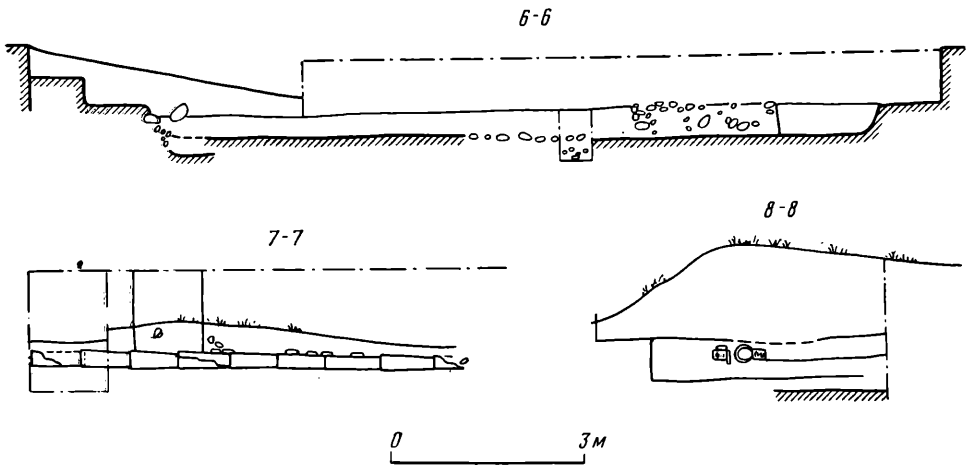

Рис. 2. Архитектурные разрезы

керамическим находкам, арык, очевидно, потерял свое значение примерно в начале VII в. Его ложе было засыпано сразу.

В последние годы Б. И. Маршак открыл остатки еще двух арыков на объектах X и XXIV. Оба они прослеживаются вдоль улицы.

Второй раскоп заложен вблизи восточной ограды храма, на месте кубурных линий, которые частично были раскопаны еще в 1950 г.⁸ В ходе работы раскоп охватил всю центральную часть двора. Исследование этой части двора дало новые интересные сведения о водоснабжении и озеленении второго храма.

Первая линия кубуров тянется с востока на запад на 7,2 м и состоит из десяти труб. Кубуры сходны по форме, технике изготовления и материалу, но несколько отличаются по размерам. Для датировки этой линии представляют интерес венчики от узкогорлого и широкогорлого кувшинов, найденных вместе с кубурами и характерных для верхнего слоя Пенджикента (VII—начало VIII в.)⁹.

Вторая линия, идущая под углом к первой, не является ее ответвлением, как считали раньше¹⁰; она идет ниже на 50—60 см и датируется концом V—VI в., тогда как первая линия проложена не раньше VII в.

Вторая линия водопровода длиной 6,13 м состоит из линии кубуров меньшего размера, а затем превращается в узкую перекрытую канавку длиной 4 м, выложенную камнями. Дальше водопровод переходит в открытый разветвляющийся на два рукава арык, также выложенный камнями. Оба рукава поворачивают на запад и впадают в небольшой прямоугольный водоем, вытянутый вдоль дороги, соединяющей ворота с главным зданием храма. Водоем состоит из двух частей (рис. 1; 2), сообщающихся между собой неглубокой канавкой, проходящей через овальную яму (35×46 см) для зачерпывания воды.

В результате раскопок выяснилось, что водоем пережил два периода. Первоначальный водоем был вырыт в материке. В связи с неровной поверхностью центральная часть двора, видимо при строительстве водоемов, была немного приподнята. Размеры этих водоемов следующие: длина А 4,30 м, Б—5 м; ширина почти одинакова—1—1,10 м; глубина 0,60—0,70 м. Во второй период поверхность двора (в центре) была еще поднята и почти равнялась уровню восточной части. Соответственно дно водоема Б поднялось на востоке на 15 см, на западе—на 20—25 см, а дно водоема А тоже поднялось, но на незначительную высоту (5—10 см) за счет иловых отложений и галечной прослойки.

Стратиграфический разрез позволил определить, что размеры водоема в этот период заметно не изменяются. Ширина увеличивается на 20—

30 см, а глубина — на 10—15 см, и поперечный профиль получает полуовальную форму. Кроме небольшого количества обломков керамики, находки на данном участке не обнаружены.

На основе стратиграфии и имеющейся хронологической колонки керамику можно разделить на два периода. Найденны фрагменты чаши с росписью ангобом в виде креста внутри, горшки и водоносные кувшины. Они все датируются концом V—VI в. и в основном найдены в нижнем слое. В верхнем слое встречены венчики хумов (разных форм), фрагменты лепных котлов и миски.

Среди находок наиболее интересны остатки дерева (пень) и виноградной лозы. Благодаря хорошей сохранности пня удалось определить его диаметр (52—55 см) и высоту (28—30 см).

На расстоянии 6,75 м к северу от южного водоема был обнаружен второй водоем. Он расположен почти в середине двора, параллельно южному. Восточный край его лежит в 6,10 м от ранней стены восточной ограды. В отличие от южного водоема (двойного) здесь обнаружен один длинный водоем. В разрезе он имеет полуовальную форму, его длина 11,50 м, ширина (на востоке) у дна 70—80 см, а на западе — 1—1,10 м, глубина 0,55—0,60 м. В западной части водоема левый берег укреплен кладкой из камня (рис. 1). Заполнение водоема состоит из ила (на дне), над ним лёсс с натеками. В этом слое встречаются фрагменты керамики и кости мелкого рогатого скота. В двух местах водоема были сделаны поперечные разрезы (на восточном конце и около ремонтной кладки) и выяснилось, что под ним имеется еще наслоение, относящееся к более раннему водоему, имевшему такую же форму.

Видимо, длина водоема в оба периода была одинаковой. Ширина на востоке у дна 1 м, а по поверхности — 1,10 м, на западе у дна — 0,90 м, а по поверхности — 1,15 м; глубина на востоке — 0,55 м, а на западе — 0,60 м. В поперечном разрезе хорошо видно расположение верхнего и нижнего водоемов.

Расчистка около водоема (с востока) показала, что первоначально двор был вымощен большими камнями. В результате нивелировки установлено, что в раннем периоде вода к водоему могла поступать только с востока. Действительно, при тщательной расчистке участка у северо-восточного угла водоема на расстоянии 1,20 м от берега были обнаружены остатки неглубокой канавки, идущей с северо-востока на юго-запад; не доходя до берега водоема, она кончается. Вероятно, это остатки ложа арыка, служившего в раннем периоде для наполнения водой нижнего водоема. Возможно, вода поступала из упомянутого канала, проходившего вдоль северной ограды, частично раскопанного в 1970 г. Нивелировка показала, что к верхнему водоему вода могла поступать с любой стороны. Но к востоку от водоема нигде не найдено явных признаков арыка или других устройств. Везде обнаружен одинаковый плотный мелкослойный грунт толщиной до 12 см (кроме места пня). К западу от водоема в двух местах (в юго-западном конце водоема и у северного берега, против каменной кладки) обнаружены очень плохо сохранившиеся выемки — видимо, остатки арыков. По всей вероятности, во втором периоде вода поступала к водоему с юго-восточной стороны. Северная выемка, возможно, является остатком арыка, отходившего от водоема и служившего для сброса воды. Он, может быть, был соединен с упомянутым арыком, который зафиксирован в разрезе над арыком, идущим с востока на запад, вдоль северной ограды¹¹.

Находки на данном участке состоят из небольшого количества керамики, одной монеты и костей животных. Монета найдена около каменной ремонтной кладки северного водоема на глубине 20 см от дневной поверхности. Это местная пенджикентская монета Бидйана. Керамические находки аналогичны керамике южного водоема. Все фрагменты различных сосудов явно разделяются на два периода (V—VI вв. и VII—начало

Рис. 3. Двор второго храма (реконструкция архитектора Л. Л. Гуревича)

VIII в.). Внутри водоема (около каменной кладки) найден фрагмент кружки типа Талли-Барзу V¹². Эта находка подтверждает, что водоем существовал до начала VIII в. На южном берегу водоема найден венчик тагары с отпечатками листьев дерева. Здесь, как и в южном водоеме, одной из самых интересных находок являются остатки пня дерева и виноградской лозы (рис. 1).

Пень обнаружен прямо на берегу водоема. Он находился на одной линии с пнем, найденным на берегу южного водоема. Очень плохо сохранившиеся корни пня в основном расположены горизонтально, только мелкие корни идут вертикально вниз. Высота пня 50 см, диаметр 40×45 см. Рядом с пнем найдены остатки виноградской лозы и далее на север — остатки обгоревшей доски.

На расстоянии 1 м от восточного края водоема была прослежена идущая с севера на юг суфа, шириной 90 см, высотой 40—50 см. Далее на востоке над ней обнаружены остатки стены, тянувшейся в том же направлении. Кладки стены и суфы позволяют считать, что они сооружены одновременно. Видимо, стена и суфа построены в раннем периоде существования храма, т. е. одновременно со стеной (ранней) восточной ограды; стена являлась западной стеной коридорообразного помещения первоначальной восточной ограды.

Северная торцовая стена этого помещения была открыта в 1971 г. Суфа идет с наружной стороны этого помещения. Она, вероятно, служила местом отдыха на краю открытого двора, близ водоема. В следующем периоде, когда был построен у входа во двор большой айван, внутреннее помещение потеряло свое значение, и через некоторое время стены были снесены почти до уровня суфы и вместе с ней образовали платформу. От этой платформы дорога от айвана к главному зданию спускалась по пандусу, сложенному из сырца. Нам удалось открыть этот пандус на протяжении около 4 м. Ширина его почти 3 м, высота на восточном крае

раскопа сохранилась на 80 см, а на западном — на 20 см. Над пандусом найдены обломки керамики, которые датируются VII—VIII вв.

Под пандусом в том же направлении к главному зданию храма шла более ранняя дорога. Здесь было найдено небольшое количество керамики, которая относится к раннему периоду.

Приведенные данные показывают, что двор второго храма несколько раз перестраивали. Первоначальный двор был вымощен большими камнями. Видимо, в начале VI в. почти в самом центре двора были вырыты небольшие параллельные друг другу прямоугольные водоемы. Сначала в связи с неровностями двора они получали воду с разных сторон. К северному водоему вода поступала с северо-востока, прямо из арыка, а к южному — с юго-востока, с помощью кубурных линий. Во втором периоде (VII—начало VIII в.) в связи с засорением кубурной линии, идущей с юго-востока на северо-запад, была проведена вторая линия, направленная с востока на запад. Еще до этого был выровнен весь двор. Что касается арыка, проходившего вдоль северной ограды, то он, очевидно, к этому времени перестал существовать.

Результаты раскопок и данные нивелировки показывают, что в интересующее нас время оба водоема получали воду с юго-восточной стороны, т. е. из кубурной линии, идущей с востока на запад.

Двор второго храма со своими водными сооружениями и древесными насаждениями представлял собой, видимо, настоящий сад (рис. 3).

¹ МИТТ, I. М., 1939, с. 174.

² Бетгер Е. К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-касыма Ибн-Хаукаля. — Труды САГУ. Археология Средней Азии, вып. IV, 1957, с. 15.

³ МИТТ, I, с. 200.

⁴ Беленицкий А. М. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. — МИА, № 37, 1953, с. 55.

⁵ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 103.

⁶ Беленицкий А. М. Раскопки на городище древнего Пенджикента (1970 г.). — Сб.: Археологические работы в Таджикистане, 10 (1970). М., 1973, стр. 108.

⁷ Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. — МИА, № 124, 1964, с. 229—230, рис. 21—23.

⁸ Беленицкий А. М. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. — МИА, № 37, 1953, с. 55. О кубурах подроб-

нее см.: Анарбаев А. О применении кубуров в водоснабжении и канализации городов Средней Азии. — ИМКУ, 11. Ташкент, 1974.

⁹ Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.). — МИА, № 124, 1964, с. 281, рис. 19, № 18 и с. 270, рис. 6.

¹⁰ Якубовский А. Ю. Древний Пенджикент. — Сб.: По следам древних культур. М., 1951, с. 236; Беленицкий А. М. Раскопки согдийских храмов..., с. 55.

¹¹ Такие миниатюрные водоемы известны и в этнографии. Например, в Ферганской долине раньше перед каждой мечетью был арык с древесными насаждениями, и в нем была проточная вода. В случае отсутствия хуза небольшой участок арыка обычно расширялся и превращался в небольшой водоем.

¹² Тереножкин А. И. Согд и Чач. — КСИИМК, XXXIII, 1950, с. 161—162.

И. Б. БЕНТОВИЧ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДРЕВНЕГО СОГДА

(по данным росписей Пенджикента)

Музыка, широко распространенная в Средней Азии, играла большую роль в жизни населения древнего Согда. Она, очевидно, сопутствовала религиозным обрядам и занимала существенное место в быту.

Для реконструкции музыкальной культуры прежде всего нужно знать, какими инструментами пользовались музыканты.

Археологические материалы, хотя и дают некоторое представление о музыкальных инструментах древней Средней Азии, все же недостаточны для того, чтобы восстановить их конструкцию¹.

Интересную попытку реконструкции музыкальной культуры предпринял Р. А. Садоков. В книге «Музыкальная культура древнего Хорезма»² он, изучая археологию, памятники искусства и привлекая материалы этнографии, обстоятельно описывает музыкальные инструменты и раскрывает роль музыки древнего Хорезма. Однако эта работа не свободна от недостатков, главный из которых связан с толкованием музыкального творчества хорезмийцев в отрыве от других среднеазиатских народов, на протяжении многих веков живших в тесном общении друг с другом³. Ведь и современные музыкальные инструменты Узбекистана, Таджикистана и Туркмении рассматриваются инструментоведами как единое целое⁴.

Письменные источники по истории среднеазиатской музыки относятся ко времени не ранее IX в. н. э.⁵ Поэтому для более раннего времени помимо археологических находок основным материалом являются изображения музыкантов на памятниках Средней Азии⁶.

Стенные росписи Пенджикента — богатейший источник для изучения культуры и быта древнего Согда — значительно расширяют наши представления о распространенных здесь музыкальных инструментах. Исходя из принятой классификации по способу извлечения звука, здесь можно выделить следующие группы: струнная — 9 разных инструментов, духовая — 1, ударная — 3, самозвучащая — 5. В группу струнных входят кифары, арфы, лютии. Кифары изображены на терракотовых пластинах (рис. 1, 1, 2)⁷. На одной из них сидящее на зооморфном троне божество (?) опирается левой рукой на кифару. На другой пластине, от которой сохранился только небольшой фрагмент, изображен точно такой же инструмент. Если считать, что изображение инструмента пропорционально фигуре человека, то высота его равна 40—45 см, ширина верхней расширяющейся части 20—25 см, нижней — 15 см. Обе кифары совершенно одинаковы: корпус их массивен, боковые стойки изогнуты, на них сделаны поперечные насечки, между стойками натянуты четыре струны. Дата этих пластин неопределенна, но по аналогиям можно предположить, что они изготовлены до VII в. Привлекая более или менее близкие аналоги нашей кифаре, надо прежде всего назвать налеп «Аполлон с лирой» на оссуарии, относящейся к V—VII вв.⁸ Кифара прямоугольных очертаний, изображенная на статуэтке из Кой-Крылган-калы, датируется более ранним временем — IV—III вв. до н. э.⁹ Поскольку кифару мы видим на изображе-

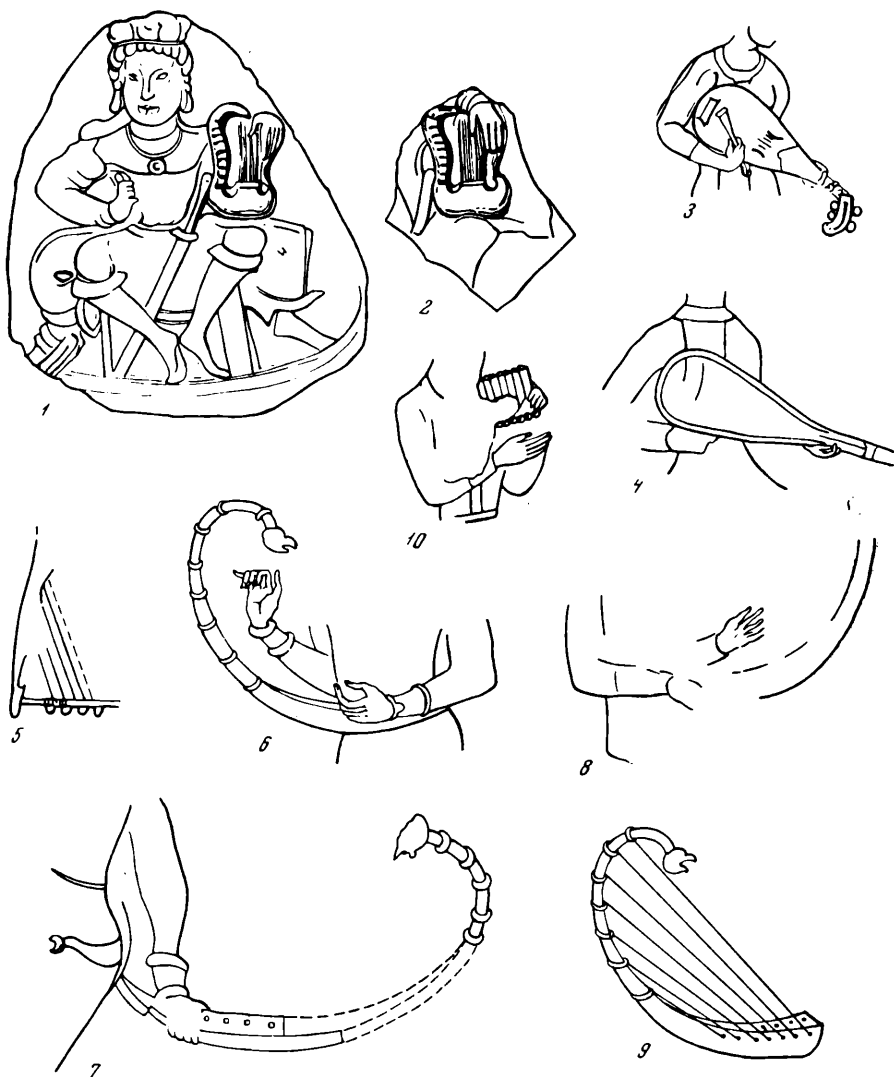

Рис. 1. Музыкальные инструменты древнего Согда. Группа струнных (1—10)

ниях не реалистических, то говорить о ее применении в быту средневекового Согда пока не приходится.

Другим широко распространенным инструментом была лютя. У нее был овальный корпус, постепенно переходящий в шейку, и отогнутый назад гриф. На грифе имелись четыре колка, по два с каждой стороны. На них настраивались струны. На широкой части деки они были укреплены на небольшой трапециевидной пластине.

В росписях Пенджикента в одном случае лютя изображена в ансамбле с дуговой арфой и флейтой Пана (рис. 1, 4)¹⁰. На этой росписи изображены музыканты, сидящие на ковре, одетые в обычные, застегнутые доверху кафтаны. Можно допустить, что это не профессиональные музыканты, а просто музицирующие люди. Если лютя пропорциональна фигуре музыканта, то размеры ее приблизительно 80—90 см. На другом изображении музыкантша аккомпанирует на лютье пению и танцам. Здесь особенно отчетливо виден инструмент: он имеет корпус грушевидной формы, два продолговатых резонансных отверстия на деке и четыре струны. Головка с четырьмя колками загнута книзу (рис. 1, 3)¹¹.

Еще одним инструментом, относящимся к группе струнных щипковых, является арфа, ведущая свое происхождение от древнего охотничьего лука.

Существовали арфы двух типов — дуговые и угловые, и те, и другие встречены в изображениях Средней Азии. Родиной дуговой арфы был древний Египет, но «потомки» ее еще и ныне известны в Бирме под названием «саунг»¹². Угловая арфа представляет собой инструмент с направленным вверх резонатором и горизонтальной тростью струнодержателя. Эти арфы известны по сирийским рельефам VII в. до н. э. На фляге из Кой-Крылган-калы в Хорезме изображена угловая арфа, датирующаяся IV—III вв. до н. э., а в росписях дворца Топрак-калы — арфа, относящаяся к III—IV вв. н. э.¹³

На Айртамском фризе (I—II вв. н. э.) изображен ряд музыкальных инструментов, в том числе и угловая арфа¹⁴. На мозаике в Бишапуре (III в. н. э.) изображена шестиструнная угловая арфа¹⁵. По принципу устройства с ней очень сходны арфы на охотничьем рельефе в Так-и Бустане (V в. н. э.)¹⁶.

В росписях Пенджикента имеются сцены, на которых изображены арфы, среди них одна угловая и три дуговых.

Угловую арфу мы видим в сцене, где среди мужчин, одетых в нарядные кафтаны из узорной ткани, находится арфистка, фигура которой по масштабу значительно меньше всех окружающих (рис. 1, 5)¹⁷. Этим, очевидно, подчеркивается ее второстепенная роль в сцене. Характерен ее костюм: треугольная «кокетка» с бубенцами по краю и широкий волан по подолу — платье музыкантши и танцовщицы. Арфистка не играет, она держит инструмент левой рукой, охватывая ее поперек струн. Хорошо различаются горизонтальный струнодержатель, семь натянутых струн и свешивающиеся шнуры-тяги, которыми производилась настройка. Размер арфы составляет $\frac{1}{3}$ роста музыкантши. Резонатор соединяется со струнодержателем под углом приблизительно 70° . Он имеет изогнутую расширяющуюся кверху форму. Нижний длинный конец, очевидно, служил опорой во время исполнения.

Дуговые арфы в живописи Пенджикента представлены тремя экземплярами. Арфистка с нимбом вокруг головы играет, стоя и прижимая инструмент к левому боку, в левой же руке она держит плектр (рис. 1, 6)¹⁸. Арфа темно-красного цвета плавно изогнута, в нижней части под рукой исполнительницы видна светло-желтая сходящая кверху на нет полоса, которая изображает верхнюю часть резонатора. В верхней части корпус арфы суживается, на нем расположено семь золотых колец. Изображения струн не сохранились, но их количество соответствует числу золотых колец, которые предназначались для настройки. Заканчивается дуга арфы золотой головкой птицы с хищным клювом.

Вторая дуговая арфа, аналогичная предыдущей, обнаружена в росписи на торцовой стене помещения под сводчатым потолком (рис. 1, 7)¹⁹. Разница заключается лишь в том, что на этой арфе изображено не семь, а пять золотых колец. На резонаторной части, которая также показана светлой полосой, видно четыре небольших резонансных отверстия. Изображение сохранилось очень плохо, но можно различить, что на арфе играет стоящая женщина в светлой одежде.

Имеется еще одна сцена в росписи, где изображена арфа в ансамбле с лютней и флейтой Пана (рис. 1, 8)²⁰. Здесь музыкант, очевидно мужчина, одетый, как уже отмечалось, в обычную одежду, играет левой рукой, а правой поддерживает арфу снизу. Из-за плохой сохранности очертания арфы видны более или менее четко только в средней части.

Аналогии дуговым арфам мы находим в росписях Восточного Туркестана — в Минг-ой²¹ и Кызыле²². Если обратиться к этнографическим параллелям, то они приведут к арфам некоторых африканских народов. Так, большое сходство со среднеазиатскими имеет арфа Сомали — «нанга»;

в Конго, Судане и Танзании — «кунди», в арабских странах — «буни». Эти арфы настраиваются при помощи колоков²³.

Понять и определить конструкцию пенджикентской арфы помогла близкая этнографическая параллель — бирманская арфа «сауиг»²⁴. На основании этой аналогии мы предлагаем реконструкцию дуговой арфы (рис. 1, 9).

Группа ударных инструментов в памятниках искусства Пенджикента представлена односторонним (чашеобразный, типа литавр) и двусторонним барабанами. В росписи барабаны изображены в сцене, в которой участвуют несколько танцующих мужчин²⁵. Помимо росписей изображение двусторонних барабанов есть на терракотовых пластинах (рис. 2, 1, 2)²⁶. Судя по этим изображениям, барабаны представляли собой соединения двух полых конусов, наружные широкие части которых обтянуты кожей (мембрана). Кожа натягивалась при помощи ремней (на росписи это показано горизонтальными линиями (рис. 2)). На двустороннем барабане играли двумя руками по обеим сторонам, а на одностороннем — ударяя сверху левой рукой.

Аналогии двусторонним барабанам в искусстве Средней Азии многочисленны: на Айртамском фризе, серебряных сосудах, хотанских и согдийских терракотах. В этнографии Средней Азии известны односторонние керамические барабаны разной величины, связанные попарно, обтянутые кожей «нагора», издающие звуки различного тона. Известны односторонние барабаны с керамическим или деревянным корпусом в форме бокала — «тавляк»²⁷.

Духовые инструменты в росписи Пенджикента представлены только флейтой Пана в описанном ансамбле музыкантов с лютней и арфой (рис. 1, 10)²⁸. Флейтист играет на инструменте, состоящем из семи соединенных между собой флейт трубок. В каждой трубке в верхней части видны отверстия. В археологических находках и на изображениях одностольные флейты довольно часты. Изображение же флейты Пана в Средней Азии встретилось здесь впервые. Аналогии этим флейтам находим в росписях Восточного Туркестана²⁹.

К группе самозвучащих инструментов относятся в различных сочетаниях бубенцы и колокольчики. В археологических раскопках бронзовые бубенцы с прорезью хорошо известны. В росписях Пенджикента есть два изображения танцующего Шивы, тело которого охватывает со всех сторон перевязь с бубенцами³⁰. Такие же перевязи мы видим на деревянных статуях танцовщиц (рис. 2, 5) в других росписях Пенджикента (рис. 2, 4, 7)³¹. Перевязь охватывает наклепную фигуру Шивы на глиняном оссуарии из Афрасиаба³².

Более сложный инструмент с колокольчиками мы находим среди атрибутов, сопровождающих изображения четырехрукой богини (рис. 2, 6). Роспись датируется, очевидно, VI в. Инструмент состоит из продолговатой рамки с перекладинами. К наружным краям рамки свободно подвешены колокольчики, причем на торцовой стороне они мельче и поставлены чаще. Судя по изображению, этот инструмент держали за ручку, и от покачивания или легкого удара колокольчики должны были звенеть.

Изображения дают возможность наблюдать не только отдельные инструменты и исполнителей, но и целые музыкальные ансамбли. Так, ансамбль представляют собой музыкантши Айртамского фриза, играющие на лютне, арфе и барабане³³. Роспись во дворце Топрак-калы (III—IV вв.) изображает ансамбль такого же состава³⁴. Ансамбль в росписи Пенджикента (VII—VIII вв.) состоит из лютни, арфы и флейты Пана³⁵. Эти ансамбли носили инструментальный характер. Несколько иным представляется ансамбль, где под аккомпанемент лютни танцуют и, очевидно, поют три исполнительницы, по-видимому китайки³⁶.

Современная инструментальная музыка Таджикистана связана с вокальным и танцевальным искусством, она выступает в качестве унисон-

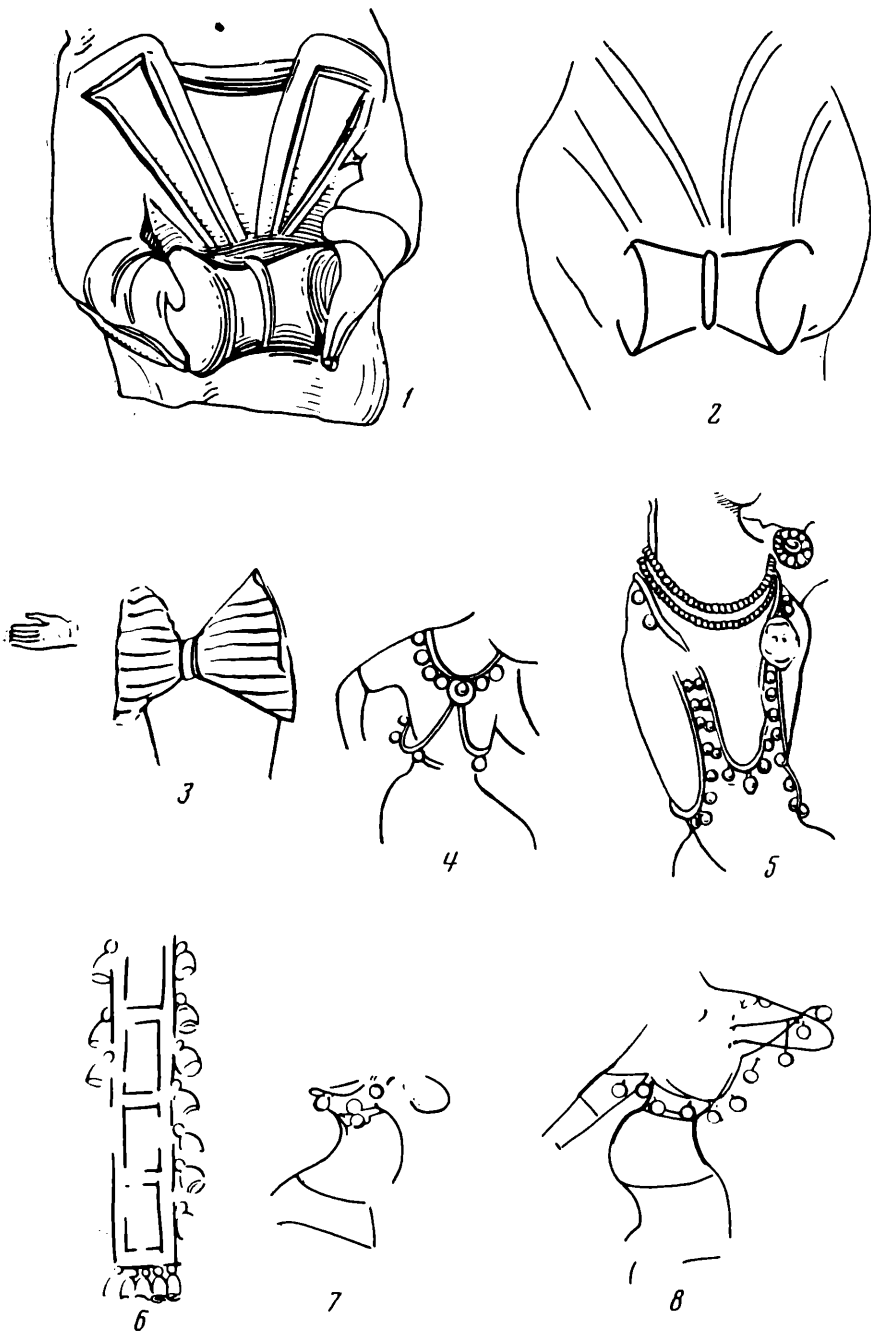

Рис. 2. Музыкальные инструменты древнего Согда. Группа ударных и самозвучающих (1–7)

ного аккомпанемента и реже как солирующая³⁷. Можно допустить, что ансамбли, изображенные в росписях, также были аккомпанирующими.

Сведения о музыкальной культуре Средней Азии в период раннего средневековья имеются и в китайских источниках.

В династийной истории «Суйшу» впервые говорится о музыкальной культуре Средней Азии^{38–39}. В разделе «Описание музыки» сообщается, что было создано семь «музыкальных отделов», в том числе самаркандской

и бухарской музыки. Описывая музыку различных областей, авторы отмечают, что некоторые инструменты пришли из «Западного Края» и не являются старыми китайскими инструментами⁴⁰. При описании музыки Самарканда упоминаются следующие инструменты: флейта, барабаны, медные тарелки⁴¹. В отделе музыки Бухары названы арфа, лютня, флейты, сяо — духовой инструмент, всего десять разновидностей, составляющих один отдел, где было 12 музыкантов⁴².

Дополнительные сведения о музыке Самарканда и Бухары мы находим в хронике «Синьтаншу». Здесь описывается танец «хусюань» и перечисляются музыкальные инструменты Бухары: вертикальная флейта, лютня, барабаны и медные тарелки⁴³. Китайские источники описывают костюмы, в которые одеты артисты, приводят данные о репертуаре музыкантов, о содержании песен и характере танцев⁴⁴. Иноземные музыканты включались в состав дворцовых исполнителей. Существовало два официальных квартета: один специализировался на песнях, другой — на танцах⁴⁵.

В китайских хрониках сообщается и об исполнителях — выходцах из «Западного Края» («ху»). Приходя в Китай, уроженцы Средней Азии брали себе фамилии китайского типа⁴⁶. Называются имена (китайские) среднеазиатских музыкантов — певцов и танцоров из Маймурга, Шахрисабза, Самарканда и Усрушаны. Пребывание иностранцев в стране отразилось и на памятниках искусства, в частности на многочисленных глиняных статуэтках. Мы встречаем здесь изображения выходцев из Самарканда, Бухары, Ферганы, Хорезма, Тохаристана, музыкантов из оазисов Восточного Туркестана⁴⁷.

Среднеазиатские музыканты изображены на каменных рельефах ворот погребального сооружения танского времени⁴⁸. Здесь на трех фризах в медальонах помещены фигурки музыкантов: флейтист, лютнисты, барабанщики, цимбалист. Угловая арфа здесь сходна с ее изображением в пенджикентской росписи.

Изучение изображений музыкальных инструментов на памятниках искусства раннесредневековой Средней Азии позволяет прийти к следующим выводам:

1. На территории Среднеазиатского междуречья в античное время и раннее средневековье была распространена единая музыкальная культура.
2. В музыкальной практике ведущими можно считать следующие группы инструментов: струнные — лютня, арфа, кифара; духовые — флейты, одноствольные и флейты Пана; ударные — барабаны; самозвучащие — бубенцы и колокольчики. В росписях Пенджикента выявлено 18 музыкальных инструментов.
3. Исполнительская практика на этих инструментах прослеживается на протяжении нескольких столетий, при этом наиболее раннее употребление их отмечается в IV—III вв. до н. э., а наиболее поздние документируются пенджикентскими росписями VI—VIII вв. и китайскими памятниками VII—IX вв.
4. Высокий уровень развития музыкальной культуры способствовал выделению музыкантов-профессионалов. Степень профессионализма была настолько высока, что среднеазиатских исполнителей высоко ценили в других странах.

¹ Альбаум Л. И. Балалык-Тепе. Ташкент, с. 99—100, рис. 79, 80; Пулатов У. Деревянные изделия из Чиль-Худжры. — В кн.: Материальная культура Таджикистана, вып. 1. Душанбе, 1969; Аскаров А. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде. — КСИА, 122, 1970, с. 65; Якубов Ю. Паргар в VII—VIII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1969, с. 6.

² Садоков Р. А. Музыкальная культура

древнего Хорезма. М., 1970 (приведена обширная библиография).

³ Вызго Т. С., Пугаченкова Г. А., Садоков Р. А. Музыкальная культура древнего Хорезма. — СЭ, 1973, № 1, с. 177.

⁴ Вертков К. А., Благодатов Г., Язвицкая Э. Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М., 1963, с. 8.

- ⁵ Садоков Р. Л. Музыкальная культура... , с. 28.
- ⁶ Мешкерис В. А. Терракотные статуэтки музыкантов из собрания Музея истории. — Труды Музея истории УзССР, вып. II, 1954; она же. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962; Пилипко В. Н. Терракотные статуэтки музыкантов из Мерва. — ВДИ, 1969, № 2, с. 100; Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. Хотанские древности. Л., 1960, с. 82—85, табл. 27; Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940, табл. 49; Пулаченкова Г. А. Девушка с лютней в скульптуре Халчаяна. — В кн.: Культура античного мира. М., 1966, с. 214; Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. 64, 67, 93; Дьяконов М. М. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии. — В кн.: Живопись древнего Пенджикента. М., 1954, с. 119, табл. XXXIV; Беленицкий А. М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. — В кн.: Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959, с. 43, табл. XI.
- Л. И. Альбаум любезно сообщил нам о том, что на северной стене зала во дворце на Афрасиабе открыта живописная сцена «переправа»: в лодке сидят музыканты — одна играет на четырехструнной лютне, инструмент же другой исполнительницы не выяснен.
- ⁷ Belenitsky A. *Asie Centrale*. Genève, 1968, fig. 103 (второй фрагмент пластины найден в 1960 г. на объекте VI).
- ⁸ Веселовский Н. И. Греческие изображения на туркестанских оссуариях. — ИАК, 63, 1917, с. 60.
- ⁹ Садоков Р. Л. Музыкальная культура... , с. 85 сл.
- ¹⁰ Беленицкий А. М. Новые памятники... , табл. XI.
- ¹¹ Belenitski A. M., Marshak B. I. *L'art de Piandjikent à la lumière des dernières fouilles (1958—1968)*. — *Arts asiatiques*, XXIII, 1971, fig. 22.
- ¹² Браудо Е. М. Основы материальной культуры в музыке. М., 1924, с. 63.
- ¹³ Садоков Р. Л. Музыкальная культура... , с. 43, 52.
- ¹⁴ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства, с. 149, табл. 49.
- ¹⁵ R. Ghirshman. *Iran Parthians and Sassanians*. London, 1962, fig. 182.
- ¹⁶ SPA, IV, 1938, pl. 230, b.
- ¹⁷ Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973, табл. 7.
- ¹⁸ См., например: Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959, табл. XLIX.
- ¹⁹ Роспись не издана. Раскопки 1968 г. на объекте XX.
- ²⁰ Беленицкий А. М. Новые памятники... , с. 43 и табл. XI.
- ²¹ Там же.
- ²² A. Grünwedel. *Altbuddhistische Kultstätten... — Bericht über archäologische Arbeiten und der Oase Turfan*. Berlin, 1912, Abb. 94, 124, 237, 238, 244.
- ²³ Экспозиция музыкальных инструментов Института истории театра, музыки и кинематографии в Ленинграде.
- ²⁴ Садоков Р. Л. Музыкальная культура... , с. 62, 66.
- ²⁵ Дьяконов М. М. Росписи Пенджикента... , с. 107, табл. XIV.
- ²⁶ МИА, № 15, 1950, табл. 44, 2.
- ²⁷ Экспозиция музыкальных инструментов Института истории театра, музыки и кинематографии в Ленинграде.
- ²⁸ Беленицкий А. М. Новые памятники... , с. 43, табл. XI.
- ²⁹ A. Grünwedel. *Alt-Kutscha*. Berlin, 1926, Abb. I.
- ³⁰ Беленицкий А. М. Новые памятники... , табл. IX, X; он же. К истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннее средневековье. — В кн.: Индия в древности. М., 1964, с. 192; он же. Монументальное искусство... , с. 28, 30.
- ³¹ Беленицкий А. М. Новые памятники... , с. 82; он же. Монументальное искусство... , с. 35, табл. 40.
- ³² Кабанов С. К. Изображение Шивы на оссуарии. — СА, 1971, № 2, 249.
- ³³ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства, табл. 49.
- ³⁴ Садоков Р. Л. Древнехорезмийский инструментальный ансамбль. — Сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 161.
- ³⁵ Беленицкий А. М. Новые памятники... , табл. XI.
- ³⁶ Belenitski A. M., Marshak B. I. *L'art... , fig. 22*.
- ³⁷ Данскер О. Л. Музыкальная культура Каратегина и Дарваза. — В кн.: Искусство таджикского народа, 3. Душанбе.
- ³⁸⁻³⁹ Рифтин Б. Л. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая (II в. до н. э.—VIII в. н. э.). — ПВ, 1960, № 5, с. 119—132.
- ⁴⁰ Музыкальные инструменты Китая (иллюстрированный очерк). Авторизованный перев. с китайск. под ред. и с дополнениями И. Э. Аллендера. М., 1958.
- ⁴¹ Рифтин Б. Л. Из истории культурных связей... , с. 122.
- ⁴² Там же, с. 123.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Shafer E. *The Golden Peaches...*, p. 51.
- ⁴⁶ Рифтин Б. Л. Из истории культурных связей... , с. 132.
- ⁴⁷ Mahler J. *The Westerners among the Figurines of the T'ang Dynasty of China*. Roma, 1959, pl. XIII, XIV.
- ⁴⁸ Scaglia G. *Central Asians on a Northern Chi' Gate Shrine*. — *Artibus Asiae*, XXI, 1958, 1, p. 9, fig. 1.

СИБИРЬ

Л. П. ХЛОБЫСТИН, С. В. СТУДЗИЦКАЯ

ДРЕВНИЕ ПАМЯТНИКИ НА ЗАПАДЕ ПЛАТО ПУТОРАНА

В результате многолетних работ Заполярной экспедиции ЛОИА на территории Северо-Сибирской низменности, занимающей большую часть Таймырского полуострова и ограниченной на севере горами Бырранга, а на юге — плато Путорана, были открыты многочисленные поселения, характеризующие развитие культур древнего населения Таймырского Заполярья с мезолита до средневековья. Установлено, что заселение Таймыра в различные периоды происходило по двум главным путям: с юго-востока, с низовьев Лены через бассейны рек Оленек и Анабара, и с юго-запада, из таежных районов Енисея. Проникновение новых этнических компонентов в последнем случае могло осуществляться как по долине Енисея, так и через системы озер у подножия западных склонов плато Путорана.

Первой археологической находкой на этих озерах явился великолепный наконечник копья, подобранный в 1968 г. сотрудником Научно-исследовательского института геологии Арктики Л. З. Липковым на размытой части северо-западного берега оз. Дюпкун, между Большим и Малым Медвежьими ручьями. Наконечник изготовлен из плитчатого кремня коричневого цвета и имеет большие размеры: его длина 18,5 см при ширине 5,5 см. Он обработан крупными сколами, мелкая ретушь оформляет края (рис. 1, 1). Некоторая асимметричность лезвий этого орудия позволяет предполагать, что оно могло служить и ножом-кинжалом, подобно наконечнику тунгусского копья — «пальмы». Своими размерами и отделкой наконечник напоминает некоторые образцы ножей и кинжалов, найденных на поселениях Полигус¹ и Байкит на Подкаменной Тунгуске и Тура на Нижней Тунгуске², а также в серовских могилах Прибайкалья³. Учитывая эти аналогии, находку Л. З. Липкова следует относить к периоду развитого неолита. Озеро Дюпкун является проточной частью р. Курейка, и по нему проходит административная граница Эвенкийского и Таймырского национальных округов. К северо-западу от него, по краю плато Путорана расположены системы озер, которые входят в бассейны рек Хантайка и Пясины. Между озерами — узкие, легкопроходимые водоразделы. В преданиях энцев и нгансан о шитолицы́х тунгусах содержатся сведения, что именно этим путем проникало на Таймыр население из таежных районов нынешней Эвенкии⁴.

В 1973 г. Заполярной экспедицией были предприняты поиски древних стоянок в системе озер Мелкое, Глубокое, Собачье и Лама, соединяемой р. Норилка с Пясинским озером. Эти озера имеют неотектоническое происхождение сбросового характера и заполняют каньонообразные углубления между высокими (около 1000 м) горами, крутыми уступами спускаю-

Рис. 1. Наконечник с оз. Дюпкун (1) и нож со стоянки Глубокое (2)

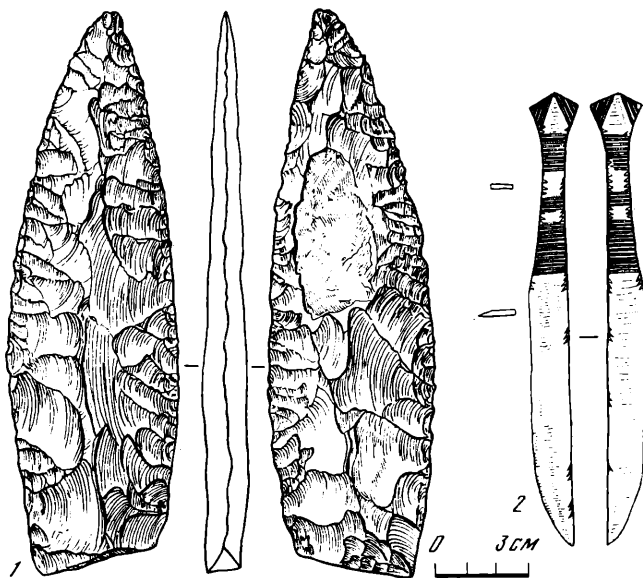
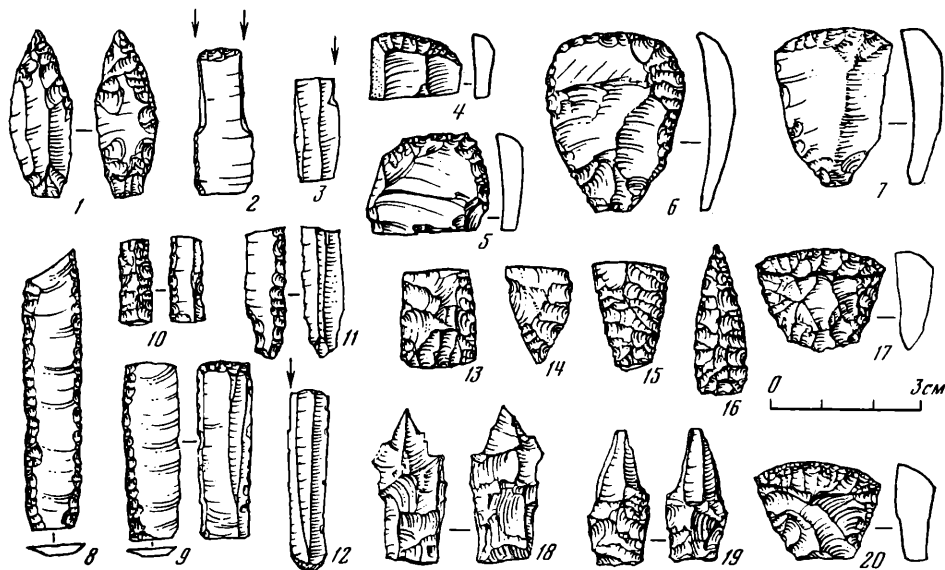

Рис. 2. Каменные изделия со стоянки Глубокое I

1—10 — находки из нижнего горизонта;
11—20 — находки из верхнего горизонта

щимися к воде. Между собой озера связаны порожистыми речками. У подножия гор здесь господствуют леса северотаежного типа, оставляющие для тундры плоские вершины гор. Такая растительность установилась в этом районе после освобождения гор Путорана от ледников и должна была сохраняться с атлантического периода почти без изменений. Озера богаты рыбой. Северные олени и горные бараны держатся здесь небольшими стадами, и охота на них затруднена.

Таким образом, по экологии этот озерный край резко отличен от центральной части Таймыра, по южному краю которой лежит граница тундры и лесотундры. Различия в экологии должны были сказываться на организации хозяйства древних обитателей этих районов Таймырского Заполярья и в какой-то мере влиять на заселенность.

Хотя по берегам озер имеется целый ряд удобных для поселения мест, на них обнаружены только четыре стоянки. Расположены они в тех частях озер, где береговая полоса удалена от горных склонов. Одна из стоя-

нок найдена на южном берегу оз. Лама, в 10 км от его западного конца и истока одноименной реки. Находки, состоящие из нескольких отщепов и ножевидных пластин кремнистых пород, лежали на песчаном выдуве, который тянется по гребню мыса, ограниченного с одной стороны крутым краем берега, а с другой — низиной. Высота залегания находок около 7 м над уровнем озера. Все изделия собраны на небольшой площади (4—4,5 кв. м) выдува. Это позволяет предполагать, что здесь была кратковременная стоянка небольшого коллектива. Время ее существования определяется широкими хронологическими рамками неолита—начала железного века, так как еще во второй половине I тысячелетия до н. э. на Таймыре продолжали употреблять ножевидные пластинки из кремнистых пород.

Второй пункт находок обнаружен на узком мысе, образующем стрелку левого берега р. Глубокая в ее истоке из озера того же названия. Мыс имеет высоту около 11 м и выделяется из окружающего ландшафта. Вдоль его плоской вершины на поверхности песчаных выдувов и в разведочных шурфах прямо под дерном на протяжении почти 100 м попадались отдельные отщепы, сколы и ножевидные пластинки. Для изготовления пластинок употреблялись яшма и кремнистый сланец. Пластинки несут следы сработанности, а одна имеет на брюшке однокраевую ретушь, свидетельствующую об ее употреблении в качестве вкладыша, и нанесенный впоследствии угловой резцовый скол. Два крупных скола обработаны по краю ретушью наподобие скребков и кроме того имеют по резцовому сколу. Среди находок есть черепок горшка, сделанного при помощи выбивания рубчатой лопаткой. Вероятно, мыс в истоке р. Глубокая посещался неоднократно в различные эпохи, но селились на нем ненадолго. Находка обломка сосуда с рубчиками на поверхности определяет время одного из таких посещений — примерно рубеж II—I тысячелетий до н. э., когда по Таймыру распространилась культура ранних бронзолитейщиков, близкая имьяхтахойской культуре Якутии.

На южном берегу оз. Глубокое, к западу от устья р. Бадиха высокая крутая 20-метровая коренная терраса отделена от вод озера широкой полосой низины современного берега. На мысе, образованном краем террасы, обращенном к озеру, и долиной р. Бадиха, была обнаружена стоянка, получившая наименование Глубокое I. Распространение находок, приуроченных к озерному краю террасы, было ограничено небольшим ровным участком ее поверхности, и раскоп площадью 21 кв. м включал в себя всю основную часть стоянки. На этом удобном для поселения месте в сравнительно недавнее время было совершенно детское захоронение, по-видимому долганское, могильная яма которого частично нарушила культурные напластования.

Стратиграфия на месте поселения в целом однообразна, хотя и нарушена криогенными процессами. Под дерново-почвенным слоем (6—10 см) залегает светло-коричневая супесь с примазками угля (3 см); она переходит в темно-коричневый, местами углистый с линзами кострищ культурный слой (1—5 см); ниже снова встречается светло-коричневая супесь, сменяемая на глубине 20 см от поверхности темно-коричневой супесью, в которой начинают встречаться гальки.

В культурном слое выявлено четыре кострища, расположенных близко друг от друга. Отмечаются небольшие различия в уровнях залегания. Три кострища тяготеют к верхней границе культурного слоя, одно — к нижней. Это позволяет усматривать между ними разницу во времени. Общая тонкость культурных напластований указывает на медленность накопления осадочных пород на месте стоянки, в результате чего стратиграфически расчленить находки трудно. В какой-то мере разделить находки по комплексам позволяют лишь глубина их залегания и типологический разбор.

Прямо под дерном были найдены согнутая тонкая пластинка красной меди с небольшим прямоугольным отверстием, сделанным пробойником.

Подобные пластинки имеются в коллекции изделий, собранных на месте мастерской XII в. на р. Таз⁵. В таких же условиях залегания оказались два кусочка железа и превосходной сохранности железный нож (рис. 1, 2). У ножей поздних форм черенок для крепления в рукоятке делался из дерева или кости. У этого же ножа, как у цельнолитых бронзовых ножей тагарского времени, имеется рукоятка, которая выкована из одного с клинком куска металла. Спинка ножа прямая. Ручка украшена нарезками, имитирующими обмотку. Нарезки заполняют три зоны, между которыми два гладких поля. На этих двух участках края рукоятки орнаментированы небольшими нарезками, напоминающими по форме треугольники. Нарезки, подобные обмотке, служат также украшением пятиугольного навершия ручки. Они заполняют выступающие в стороны углы, оставляя внутри навершия чистое поле треугольника. Клинок ножа заточен по одной правой стороне, что напоминает заточку каменных шлифованных ножей неолита и бронзового века Сибири. Такой обычай заострения самодельных железных ножей до сих пор бытует у коренных народов Таймыра. Прямых аналогий этот нож не имеет, но по своей форме и орнаментации он напоминает тагарские ножи, что позволяет предположительно датировать его, а вместе с ним и упомянутые выше металлические изделия началом нашей эры.

Каменный инвентарь и керамика встречаются в основном на глубине 13—18 см от поверхности в гумусно-углистой прослойке около кострищ. Ряд типологически ранних изделий залегает под этой прослойкой в светло-коричневой супеси. Исходя из стратиграфических наблюдений и типологии находок, их можно разделить на два комплекса. К раннему следует относить две пластинки с краевой ретушью на брюшке, служившие вкладышами, которые лежали под одним из кострищ в светло-коричневой супеси (рис. 2, 8, 9). В этой же супеси был найден угловой резец (рис. 2, 3). К этому же комплексу относятся найденные в нижней части культурного слоя листовидный наконечник стрелы, сделанный из призматической пластинки, угловой резец, пластинка-вкладыш, у которой краевая ретушь полностью покрывает брюшко, и четыре скребка (рис. 2, 1, 2, 4—7, 10). Два из них принадлежат к типу концевых. Третий, углового типа, изготовлен из скола поверхностной корки яшмовидной породы. Еще один скребок из белого кремнистого материала имеет треугольную форму.

Возможно, к этим изделиям следует прибавить еще один угловой резец и пластинку, у которой грубая ретушь на брюшке оформляет подобие черешка и один из краев (рис. 2, 12, 11). Эти изделия найдены в верхней части культурного слоя, но типологически близки находкам из его нижней части.

Ко второму, относительно позднему комплексу принадлежат орудия, происходящие из верхней части культурного слоя и из коричневой супеси над ним. Среди них два нуклеидных резца, два треугольной формы скребка (у одного из них заострен левый угол), треугольный наконечник стрелы с прямым основанием и три основания наконечников стрел (рис. 2, 13, 14, 16—20). Последние являются частями листовидных и треугольного с прямым основанием наконечников. Один из листовидных наконечников был обработан косо идущей ретушью. Из верхней же части напластований происходят отщеп треугольной формы с ретушью и плитка песчаника, служившая точилом.

На стоянке мало отщепов и пластинок, причем отщепы большей частью мелкие. В верхней части культурных наслоений найдено 68 отщепов и 23 пластинки, в нижней — соответственно 39 и 22. При наличии 23 обработанных изделий такое малое число отходов производства свидетельствует о том, что на стоянке орудия изготовлялись редко. Это подтверждается и характером сырья. Использувавшиеся кремнистые породы разнообразны по своему составу, но большей частью представлены единичными отще-

пами. Преобладают, особенно в верхнем слое, отщепы серо-зеленого кремнистого сланца (68). Из такого сланца сделано всего два орудия. Примечательно, что типологически они приближаются к ранним формам (угловой резец и скребок концевого типа) и найдены в нижнем горизонте, для которого характерны изделия из голубовато-белого непрозрачного халцедона. Исходя из всего этого, можно сделать вывод, что стоянка посещалась неоднократно и не была местом долговременного обитания.

Это подтверждают и находки керамики. Найдены черепки всего двух сосудов. К нижней части культурных наслоений относятся черепки округлого дна и стенок небольшого сосуда. Диаметр сосуда в средней части был около 15 см. Отдельные фрагменты стенок сосуда попадались и в верхней половине напластований. Поверхность горшка, несущая шнуровые отпечатки, указывает на то, что он формовался при помощи выбивной лопаточки, обмотанной шнуром, но в придонной части сохранились отпечатки крупной ячейки сетки. Она сплетена из толстых шнуров; ее ромбовидные ячейки имеют диагонали $1 \times 1,5$ см. Толщина стенок около 7—8 мм. Цвет керамики темно-бурый, и в состав теста входил крупный песок. К сожалению, верхняя часть горшка не найдена, что затрудняет реконструкцию всей формы.

Этот горшок относится к одному из вариантов сетчатой керамики, широко распространенной в Восточной Сибири. По характеру отпечатков сетки эта керамика подразделяется нами на следующие типы: 1) мелко- или крупносетчатую, с четкими отпечатками ячеек; 2) ямчато-сетчатую, когда на поверхности сохраняются в основном отпечатки выпуклых узлов сетки; 3) сетчато-тканевую, когда отпечатки мелкоячейки сетки столь плотно покрывают поверхность сосуда, что создается впечатление отпечатков плетеной или вязаной ткани; 4) сетчато-шнуровую, названную так потому, что ее отпечатки часто не дают представления о форме ячеек, а будучи заглаженными, выглядят как отпечатки выбивной лопаточки, обмотанной шнуром. К последнему типу сетчатой керамики и относится сосуд со стоянки Глубокое I. Отпечатки сетки на поверхности могут быть связаны не только с лепкой горшка в сетке, не только с обжиманием или заглаживанием его сеткой, но и с употреблением выбивной лопаточки, обмотанной шнуром. Что касается отпечатков на горшке с Глубокого I, то, по-видимому, мы имеем здесь дело с последним вариантом.

Ближайшие аналогии этому сосуду встречаются на территории Эвенкии среди керамики, обнаруженной на стоянках около пос. Тура на Нижней Тунгуске, а также на стоянке Байкит II на Подкаменной Тунгуске⁶. Такая керамика может быть отнесена, как и вообще сетчатая керамика Восточной Сибири, к раннему или развитому периодам неолита. Однако каменный инвентарь нижнего горизонта стоянки Глубокое I, в комплексе с которым следует рассматривать эту керамику, имеет явно ранние признаки. В нем господствуют орудия, изготовленные на основе ножевидных пластинок: угловые резцы, концевые скребки, пластинки-вкладыши. Ранним неолитом его датирует листовидный наконечник стрелы. Подобные наконечники были найдены совместно с сетчатой керамикой в нижнем слое стоянки Абылаах I в восточной части Таймыра. Как и на Глубоком I, их сопровождали пластинки-вкладыши, угловые резцы, скребок концевого типа⁷.

Таким образом, находки из нижнего горизонта Глубокого I и нижнего слоя Абылаах I характеризуют ранний неолит Таймыра. Однако они могут иметь разное генетическое происхождение, связанное с двумя путями заселения Таймыра: из бассейна Лены и с территории Эвенкии. Этот вывод носит предположительный характер, так как раннеолитические находки с этих территорий очень сходны и еще не подвергались рассмотрению с целью выделения локальных различий. Учитывая отмеченное С. А. Федосеевой своеобразие раннеолитических комплексов Верхнего Вилюя⁸, расположенных между раннеолитическими салалахскими сто-

янками Лены и Алдана и синхронными памятниками Тунгусок, следует ожидать, что эти различия будут выявлены.

Возвращаясь к описанию керамических находок Глубокого I, укажем, что в верхнем горизонте культурных напластований были обнаружены фрагменты еще одного сосуда. Они также имеют примесь крупного песка, но толще, чем черепки горшка из нижнего горизонта, и поверхность их гладкая. Определить их возраст не представляется возможным.

Столь же трудно датировать и каменные орудия верхнего горизонта. Наличие среди них нуклеидных резцов, листовидных и треугольных наконечников стрел позволяет отнести эти орудия к широкому хронологическому диапазону — от развитого неолита до раннего железного века. Поскольку место стоянки посещалось неоднократно, возрастные различия между отдельными оставшимися в верхнем горизонте орудиями могут быть большими.

На той же террасе, на которой расположена стоянка Глубокое I, примерно в 600 м к юго-востоку от последней, близ края террасы, обращенного к долине р. Бадиха, были обнаружены следы еще одной стоянки (Глубокое II). Здесь, на глубине 7 см от поверхности, в супеси прослеживается тонкая углистая прослойка, из которой были извлечены халцедоновые отщепы и пластинка. По-видимому, и эта стоянка была кратковременной.

Подводя итоги разведкам на путоранских озерах, следует в первую очередь отметить обнаружение на стоянке Глубокое I ранне-неолитического комплекса: такие памятники в Сибирском Заполярье известны еще в небольшом числе. Несмотря на сравнительно раннее начало освоения этих озер, они были заселены слабо, и крупных поселений на них, по-видимому, не было. На обнаруженных стоянках мало остатков деятельности их обитателей, находки большей частью разновременные, а занимаемые стоянками площади невелики, т. е. места стоянок, хоть они и удобны для поселения, посещались ненадолго и немногочисленными коллективами. Об их занятиях говорит охотничий характер инвентаря. Мало заселены были озера и позднее.

Учитывая также безрезультатность поисков древних стоянок на берегах Пясинского озера, следует прийти к выводу, что слабая заселенность крупных озер должна объясняться экологическими причинами и образом жизни обитателей Таймырского Заполярья: в их хозяйстве главную роль играла добыча диких оленей на речных переправах, которую, вероятно, с конца I тысячелетия н. э. дополнило тундровое оленеводство.

¹ Андреев Г. И., Фомин Ю. М. Новые археологические памятники на р. Подкаменная Тунгуска. — КСИА, 106, 1966, с. 106.

² Коллекции с этих стоянок хранятся в ГИМ.

³ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II. — МИА, № 18, 1950, рис. 63—65.

⁴ Долгих Б. О. Мифологические сказки и исторические предания энцев. — Труды ИЭ, т. 66, 1961.

⁵ Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В. Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье. — Сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 250.

⁶ Андреев Г. И., Студвицкая С. В. Работы на правобережных притоках Енисея. — АО 1967 г. М., 1968, с. 153; они же. Исследования в Эвенкии. — АО 1968 г. М., 1969, с. 207; Андреев Г. И., Фомин Ю. М. Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска. — КСИА, 101, 1964, с. 94—97.

⁷ Хлобыстин Л. П. Древнейшие памятники Западного Таймыра. — КСИА, 137, 1973, с. 94, 95.

⁸ Федосеева С. А. Основные этапы древней истории Вилюя в свете новых археологических открытий. — В кн.: По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970, с. 65—67.

М. Ф. КОСАРЕВ, В. Ф. ЗАЙБЕРТ

ПОСЕЛЕНИЕ ИПКУЛЬ VIII

Летом 1971 г. группа сотрудников Западно-Сибирской экспедиции приняла разведочный маршрут по озерам южнотаежного Притоболья. Цель разведки — найти микрорайон, насыщенный памятниками от каменного века до эпохи железа. Поскольку основная масса известных древних памятников таежного Притоболья сосредоточена на озерах, были намечены для обследования несколько богатых озерами мест между Тюменью и Тобольском.

Разведочный маршрут захватил в основном две группы озер — кучакскую (озера Кучак, Тангач, Мияги, Саранкуль) и ипкульскую (озера Ипкуль, Шапкуль, Байрык, Магат). Озера кучакской группы имеют хорошие боровые берега, но не проточны, поэтому рыбный промысел здесь не мог быть надежным источником существования. Местное татарское население, в хозяйстве которого рыболовство играет важную роль, вынуждено было в недавнем прошлом прокапывать многокилометровые искусственные протоки, чтобы связать эти закрытые озера с бассейном р. Иска. Эта группа озер бедна археологическими памятниками. Здесь были найдены лишь единичные черепки и одна энеолитическая стоянка со слабовыраженным культурным слоем (оз. Тангач).

У озер ипкульской группы — прекрасные боровые берега со значительным количеством материковых мысов и дюн. Через р. Иска они в многоводье сообщаются друг с другом и с обским бассейном, что обогащает их ихтиофауну. Во влажные климатические периоды связь этих озер друг с другом и с обским бассейном была, видимо, более длительной и устойчивой, чем в настоящее время. В это время озера ипкульской группы обрастали разветвленной системой многоводных протоков, в результате чего здесь создавались благоприятные условия для сетевого и запорного рыболовства.

В 1972 г. на оз. Ипкуль были начаты стационарные работы. Длина озера около 7 км, ширина не превышает 3 км, общая длина береговой линии равна приблизительно 18—20 км. Памятники сосредоточены в двух местах — близ протоки, соединяющей озеро с Иской (поселения Ипкуль I—VI) и у неширокой (около 0,5—0,7 км) горловины, как бы делящей озеро на две части (поселения Ипкуль VII—XIV). Раскопы были заложены на четырех поселениях — Ипкуль I—II (близ протоки) и Ипкуль VIII—IX (у горловины). Настоящая заметка посвящена раскопкам поселения Ипкуль VIII. С топографической точки зрения поселение расположено очень неудобно — на низком (около 1 м) берегу, отделенном от озера заболоченной поймой. Видимо, выбор этого места для поселения был продиктован хорошими условиями для сетевого рыболовства. До сих пор окрестности Ипкуля VIII служат излюбленным пристанищем местных рыбаков, промысляющих сетями.

Всего было вскрыто 228 кв. м. Под дерновым слоем шел светло-коричневый суглинистый грунт (культурный слой) мощностью до 30—40 см, который лежал на светлом материковом песке, не содержащем находок.

Жилищные ямы не обнаружены. Скорей всего люди, посещавшие это место, жили в легких наземных жилищах типа шалашей или чумов, как это бывает до сих пор у остяков, когда они занимаются летним рыболовческим промыслом по берегам рек и соров. При зачистке dna культурного слоя зафиксировано девять углубляющихся (на 10—15 см) в материк ямок¹. Они имеют круглую в плане форму, диаметр их 20—25 см. Характер расположения этих ямок на площади раскопа не позволяет наметить какие-либо определенные контуры, которые можно было бы отождествить с древними жилищами.

Памятник содержал материалы разных эпох. Керамика энеолита, бронзового века и эпохи железа залегала в одном горизонте. Сколько-нибудь четких признаков вертикальной стратиграфии не обнаружено. Однако посуда разных типов локализовалась в ряде случаев в разных частях раскопа, т. е. залегала как бы отдельными гнездами, что подтверждает наше предположение о сезонных и, видимо, эпизодических приходах сюда небольших групп древних рыболовов.

Керамический материал поселения представлен следующими основными группами:

1. Ямочно-гребенчатая посуда со слабопрофилированной верхней частью и округлым дном (рис. 1). Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов, включая дно. Сущность декоративной схемы заключается в однообразном чередовании ямочных поясов с рядами отпечатков трех- или четырехзубой гребенки. Ямки имеют разную форму — круглую (рис. 1, 10), треугольную (рис. 1, 1, 2, 4, 11) и овальную (рис. 1, 3, 9). Иногда поверхность сосудов при изготовлении обрабатывалась мелкой частой выбивкой, отчего появлялась шероховатость, напоминающая текстильный орнамент. Керамика этой группы, видимо, относится к эпохе раннего металла. На расположенном в 5 км поселении Ипкуль I (раскопки Западно-Сибирской экспедиции 1972 г.) она стратиграфически и планиграфически неотделима от посуды липчинского типа, которую В. Н. Чернецов датировал энеолитическим временем².

2. Гребенчатая и гребенчато-ямочная керамика баночной формы со слегка отогнутым наружу венчиком и плоским дном (рис. 2). Орнаментирована вся боковая поверхность. Орнаментальная композиция очень проста. Обычно она заключается в монотонном заполнении стенок сосудов одинаковыми поясами из наклонных отпечатков гребенки, образующих порой горизонтальные елочные узоры. Иногда вместо гребенчатого штампа сосуд украшали рядами насечек (рис. 2, 10). В некоторых случаях орнамент состоит из чередующихся прямых и зигзаговых гребенчатых линий (рис. 2, 5). Орнаментальное поле всегда делится горизонтальными рядами ямок. Нередко ямочными вдавлениями украшали и днища сосудов (рис. 2, 7). Керамика этой группы по форме сосудов, по отдельным элементам орнамента и по характеру орнаментальной композиции очень похожа на посуду раннего этапа еловской культуры в Томско-Нарымском Приобье³, которая появилась там в конце самусьской эпохи (около XIII в. до н. э.).

3. Керамика с хорошо выраженной шейкой, украшенная гребенчатым и фигурно-штамповым орнаментом (рис. 3, 1—5). По характеру орнаментации и отчасти по форме сосудов она напоминает керамику гамаюнско-каменогорского типа в Зауралье, которую большинство исследователей датируют самым концом эпохи бронзы или переходным временем от бронзового века к железнору⁴. Для посуды этой группы обычны крестовая орнаментация, волнистые узоры, мелкоструйчатый штамп, а также сплошные взаимопроникающие треугольные зоны, выполненные оттисками гребенки. Крестовые, мелкоструйчатые и гребенчатые штампами иногда выполнены геометрические фигуры, воспроизводящие орнаментальные мотивы андроновской эпохи — ромбы (рис. 3, 3), меандры (рис. 3, 1, 4) и др. Интересно, что на керамике рассматриваемой группы возрождаются многие раннеолитические орнаменты — волна, сплошные взаимопроникающие

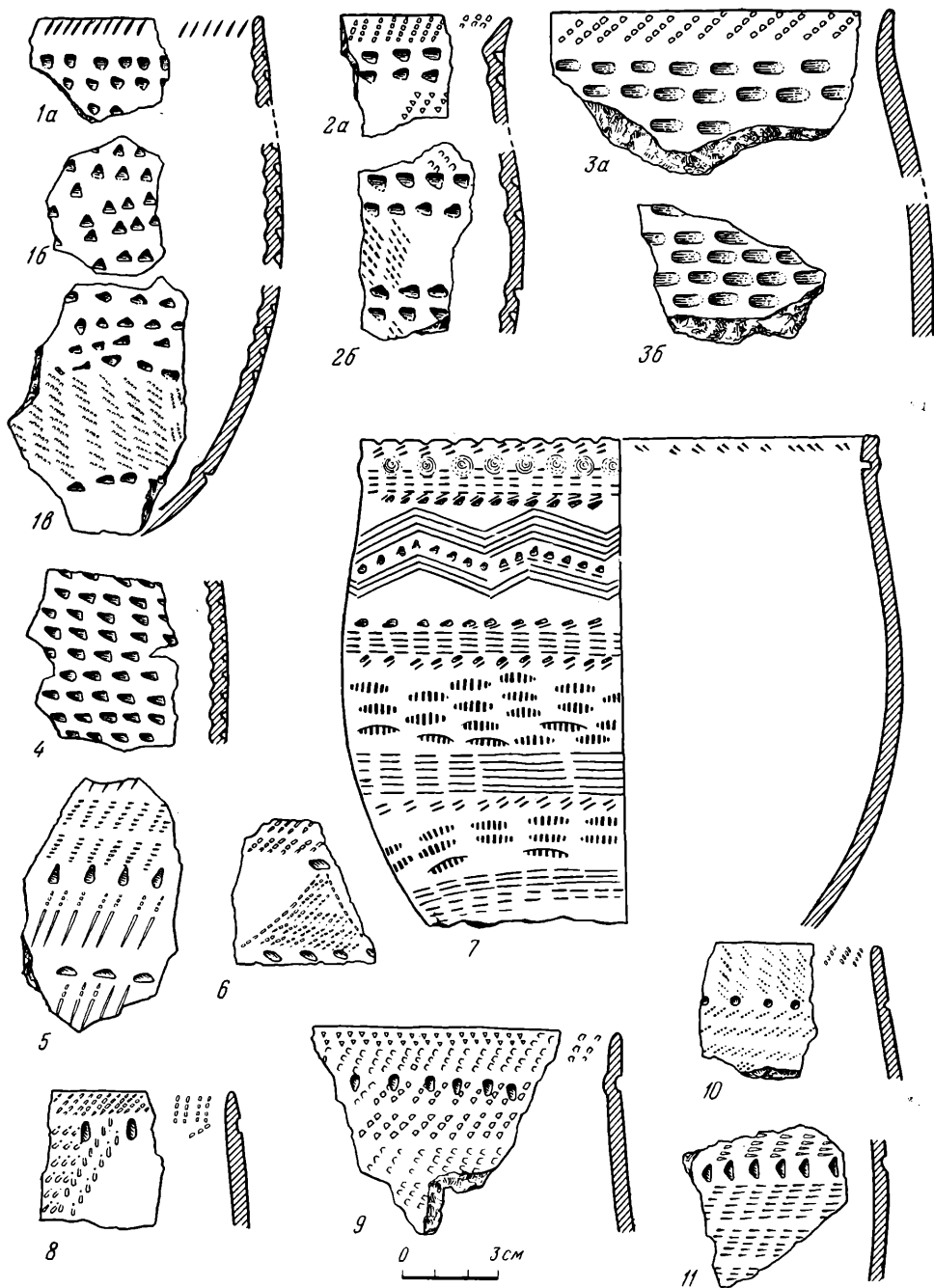

Рис. 1. Ямочно-гребенчатая керамика энеолитической эпохи (1—11)

треугольные зоны, отступающая техника нанесения узоров. В этой связи следует заметить, что возрождения архаичного автохтонного орнаментального комплекса в южнотаежном Притоболье происходили периодически, с почти правильным хронологическим интервалом — в эпоху раннего металла, в гамаюнско-каменогорское время и т. д. В промежутке между этими периодами почти безраздельно господствовали гребенчатый и гребенчато-ямочный орнаменты (поздний неолит, андроновская эпоха). Воз-

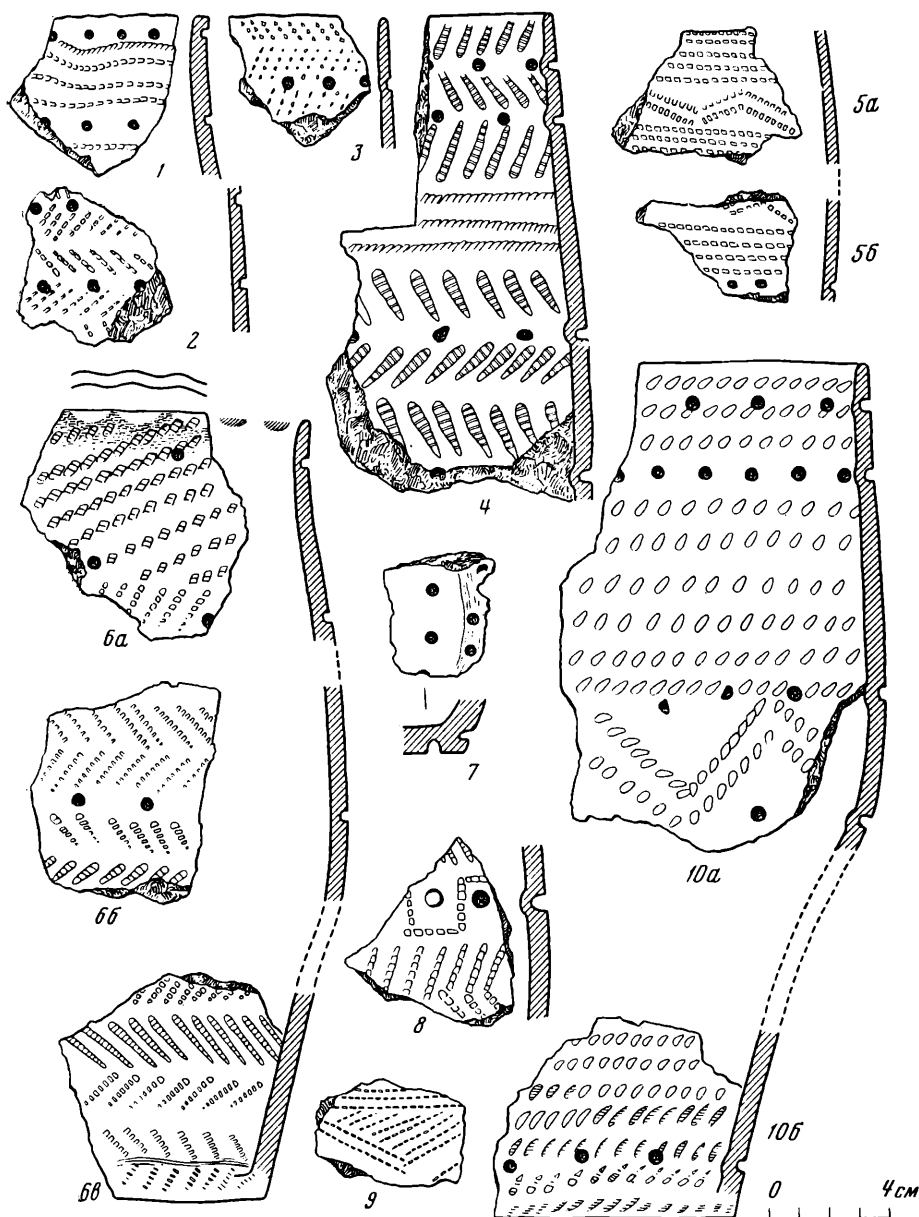

Рис. 2. Гребенчато-ямочная посуда бронзового века (1—10)

можно, эти явления отражают процесс взаимодействия в Притоболье разных этнических групп.

4. Посуда железного века (рис. 3, 7—10). Сосуды хорошо профилированы, шейка отогнута наружу. В верхней части по шейке идет обычно ряд круглых ямок. В орнаменте преобладает гребенчатый штамп. Украшена, как правило, верхняя треть или верхняя половина сосуда. Чаще всего декоративное оформление состоит из одного, двух или нескольких рядов отпечатков гребенки. Иногда в верхней половине тулова нанесен зигзаговый узор (рис. 3, 7). Встречаются неорнаментированные сосуды (рис. 3, 10). Наблюдается обеднение орнамента. Эта тенденция, видимо, отражает процесс утверждения здесь лесостепных культур скифо-сармат-

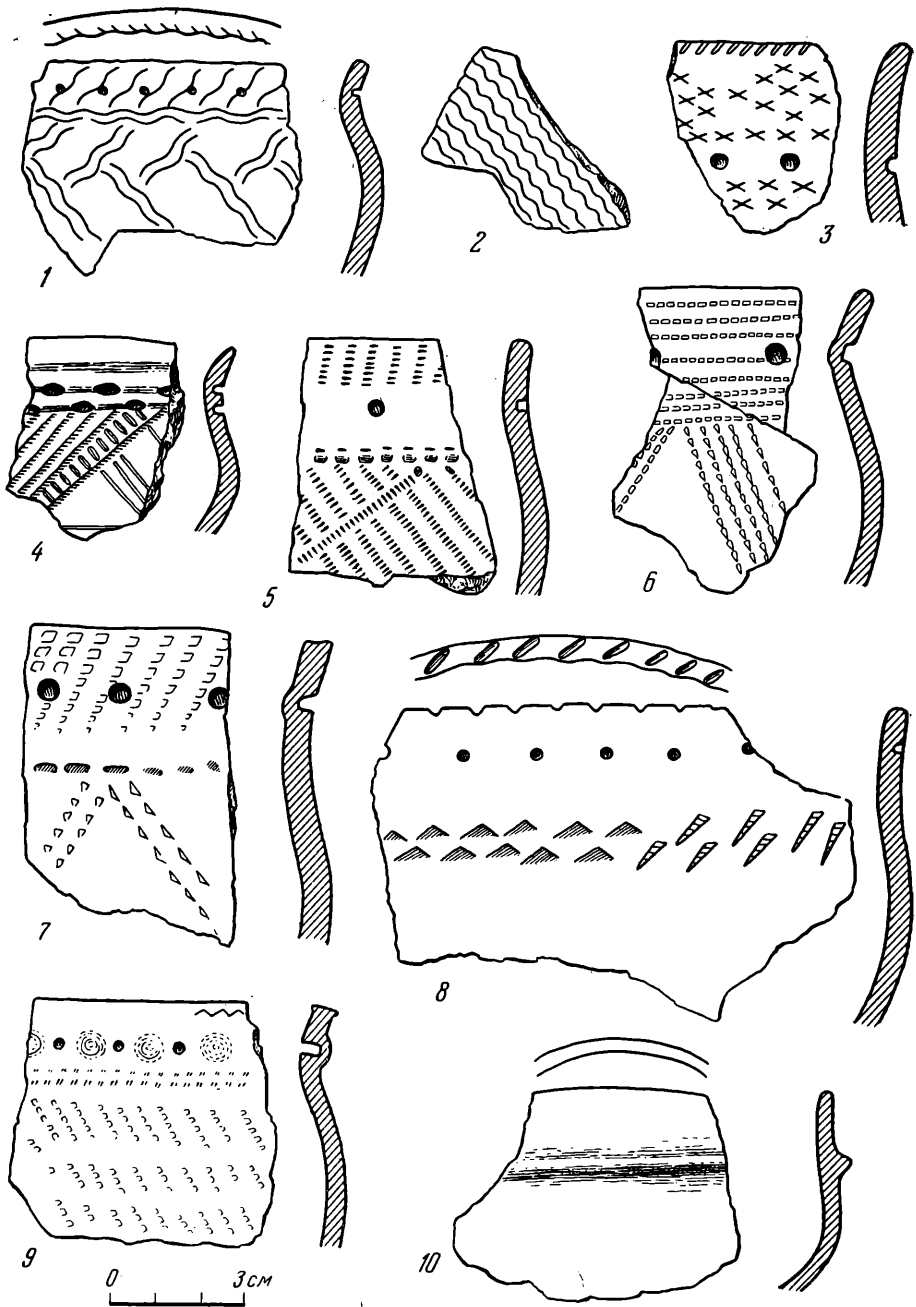

Рис. 3. Поздний керамический комплекс поселения Ипкуль VIII (1—10)

ского времени⁵, керамика которых утрачивает орнаментальное богатство, характерное для посуды предшествующих эпох.

Инвентарь поселения многочислен и разнообразен, причем преобладают глиняные изделия. Он представлен следующими вещами.

1. Каменный наконечник стрелы листовидной формы (рис. 4, 1). Изготовлен из светлой полупрозрачной породы и обработан по всей поверхности аккуратной тонкой ретушью. Архаичность формы и тщательность обработки позволяют связать это орудие с наиболее ранним (энеолитическим) керамическим комплексом памятника.

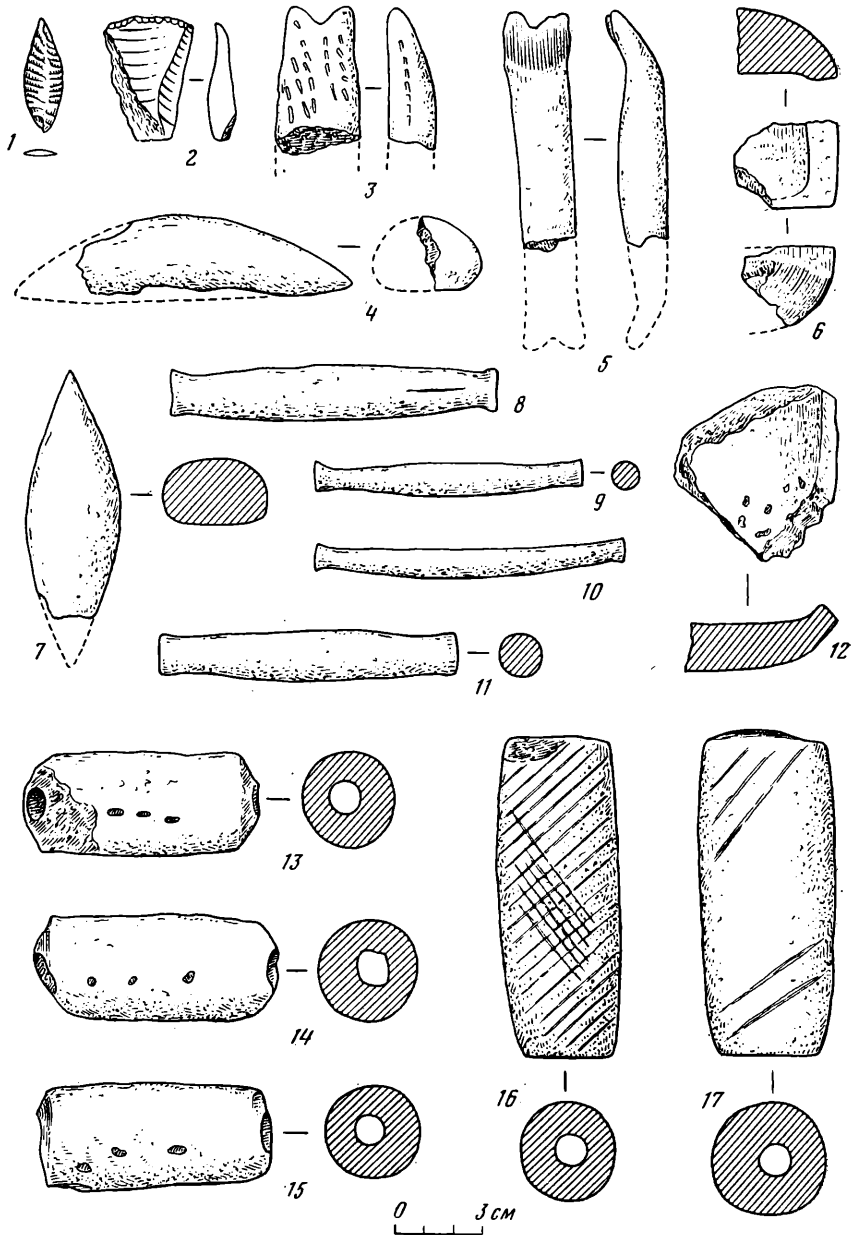

Рис. 4. Инвентарь

1, 2 — камень; 3—17 — глина

2. Скребоквидное орудие, изготовленное из светло-коричневой яшмовидной породы (рис. 4, 2). Изделие сработано на довольно грубом отщепе путем подправки одного края не крупной крутой ретушью.

3. Обломок глиняной литейной формы кельта (рис. 4, 6). Фрагмент относится к нижней неорнаментированной части кельта, и поэтому его типолого-хронологическая идентификация невозможна.

4. Обломок литейной чаши со следами ошлакованной бронзы на внутренней поверхности (рис. 4, 12).

5. Фрагменты удлиненных глиняных изделий с «рожками» на концах (рис. 4, 3, 5). Найдено три экземпляра. Два из них покрыты довольно

архаичным орнаментом в виде рядов отступающей лопаточки. Такой прием нанесения узоров был особенно характерен в энеолитическую эпоху (керамика липчинского типа), что позволяет предположительно отнести найденные изделия к периоду раннего металла. П. А. Дмитриев считал такие изделия грузилами⁶. В 1973 г. на поселении Байрык 16 (в 25 км от Иркуля VIII; раскопки Западно-Сибирской экспедиции) найдено скопление из 40 с лишним аналогичных глиняных поделок. Характер их расположения относительно друг друга говорит о том, что эти изделия скорей всего были грузилами для сетей. Наклонно изогнутые «рожки» на концах орудия, видимо, служили для крепления к сети.

6. Обломки глиняных биконических предметов (рис. 4, 4, 7). Встречено четыре экземпляра. Два из них с одного бока слегка уплощены (примяты) и напоминают по форме глиняные «утожки» (рис. 4, 4, 7). Подобные изделия в Притоболье обычно находят вместе с орудиями рыболовческого промысла, и можно предполагать, что они являлись конструктивной деталью каких-то рыболовных снастей. П. А. Дмитриев интерпретировал находки этого типа как грузила⁷.

7. Удлиненные глиняные стержни (рис. 4, 8—11). Всего их найдено здесь 30 экземпляров, в том числе 17 целых. С торцов они слегка расширены путем сдавливания еще сырого изделия с обеих сторон кончиками пальцев. П. А. Дмитриев считал, что эти глиняные предметы также служили грузилами⁸. Основная масса этих орудий была сосредоточена на участке раскопа, непосредственно примыкавшем к береговой кромке. Их стандартный характер и «серийность» изготовления дают основание предполагать, что это были грузила для сетей или неводов. По всей вероятности, их можно считать одним из самых ранних типов глиняных грузил. Иногда их поверхность обработана псевдотекстильной выбивкой — такой же, как на найденной здесь энеолитической керамике. Подобная выбивка встречается также на биконических предметах и на удлиненных изделиях с «рожками». Это позволяет предполагать, что упомянутые предметы и грузила-стержни одновременны. Думается, что время использования всех описанных грузил (рис. 4, 3—5, 7—11) совпадает в основном с энеолитом и ранними этапами бронзового века.

8. Цилиндрические глиняные грузила со сквозными отверстиями (рис. 4, 13—17). Все они (48 экземпляров), найдены в одном квадрате, причем 44 из них лежали компактной кучкой. Видимо, здесь была брошена когда-то собранная в узел сеть. Если учесть, что грузила на сетях обычно располагаются с интервалом не более 0,5 м, то длина сети должна составлять не менее 20 м. 40 из 48 грузил имеют в боковой части по три ямочных вдавления (рис. 4, 13—15). Видимо, это какой-то магический символ или изображение тамги. Остальные 8 грузил более крупные, на них нет ямочек, но зато хорошо видны следы потертости нитяными ячейками сети (рис. 4, 16, 17). Похожие грузила с отверстиями (19) были найдены А. И. Россадович на поселении железного века Медведка близ Нижнего Тагила, причем на той же глубине (17—20 см), что и наши грузила⁹. Правда, грузила из Медведки имеют не цилиндрическую, а скорей бочонковидную форму, но в данном случае важно не столько тождество формы, сколько одинаковый способ крепления к сети. Описанные керамические цилиндры с отверстиями представляют наиболее совершенный и рациональный тип глиняных сетевых грузил. Интересно, что точно такими грузилами пользовались до недавнего времени сибирские чалдоны при охоте на рыболовных сетях. Грузила этого типа, найденные на Иркуле VIII, следует связывать, вероятно, с наиболее поздним керамическим комплексом этого памятника (переходное время от бронзового века к железному, железный век; рис. 3). Заметим кстати, что они были найдены на глубине 17—20 см от поверхности, тогда как грузила-стержни (рис. 4, 8—11) в большинстве своем встречены на глубине от 20 до 40 см.

Подавляющая масса орудий поселения Ипкуль VIII связана с рыболовством. Отсутствие следов зимних жилищ-землянок, возможно, говорит о том, что люди жили здесь лишь в теплое время года. Долговременные поселения неолита и бронзового века с хорошо выраженными земляночными впадинами известны, причем в значительном количестве, на других озерах бассейна Иски. Не исключено, что в какие-то исторические эпохи постоянные поселения существовали только на озерах Шапкуль, Байрык и др., а оз. Ипкуль служило в основном летним рыболовческим угодьем.

- ¹ Косарев М. Ф. Отчет о полевых исследованиях Западно-Сибирской экспедиции летом 1972 г. Архив ИА, № 4812.
- ² Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, № 35, 1953, с. 36—38.
- ³ Косарев М. Ф. О происхождении ирменской культуры. — Сб.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, рис. 1, 1—4.
- ⁴ Берс Е. М. Памятники и керамика гамаюнской культуры. — Сб.: Из истории Урала. Свердловск, 1960; Сальников К. В. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. — СА, 1961, № 2, с. 46.
- ⁵ Ср., например: Стоянов В. Е., Ширяев А. Г. Селище Речкино I. — ВАУ, вып. 6. Свердловск, 1964, табл. III;
- Могильников В. А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа. — Сб.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, рис. 1 и 2.
- ⁶ Дмитриев П. А. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы. — МИА, № 21, 1951, рис. 2, 9, с. 19.
- ⁷ Дмитриев П. А. Шигирская культура на восточном склоне Урала. — МИА, № 21, 1951, рис. 7, 2.
- ⁸ Там же, рис. 7, 1.
- ⁹ Россадович А. И. Отчет об археологической экспедиции Нижне-Тагильского музея 1958 г. Архив ИА, № 1947, рис. 34 и 35.

Н. Л. ЧЛЕНОВА

АНДРОНОВСКИЕ И ИРМЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЯ
МОГИЛЬНИКА ЗМЕЕВКА
(Северный Алтай)

Курганный могильник Красный Яр, или Змеевка, расположен у с. Красный Яр Советского р-на Алтайского края (в 25 км к юго-востоку от г. Бийск), на останце второй террасы р. Каменка, левого притока Катуня, вблизи устья р. Змеевка, впадающей в Каменку. Могильник был открыт в 1929 г. С. М. Сергеевым, который в 1930 г. раскопал пять курганов: три — с погребениями бронзового века, два — с погребениями конца I тысячелетия н. э. (сросткинской культуры). Могильник состоял из 38 курганов (рис. 1)¹. При обследовании его весной 1969 г. Н. Л. Членовой и Б. Х. Кадиковым обнаружено, что сохранилось только два кургана (один на западном краю террасы, другой — на южном), остальные распаханы. Судя по величине сохранившихся курганов, они относятся скорее к железному веку².

Инвентарь могильника бронзового века уже рассматривался в книгах С. В. Киселева и М. П. Грязнова³. Однако необходима полная публикация памятника, который интересен стратиграфией погребений. С. М. Сергеев и С. В. Киселев назвали этот могильник Красный Яр по ближайшему селу. М. П. Грязнов дал ему название Змеевка. Последнее название лучше, так как урочища с названием «Красный Яр» очень часты в Сибири, и имеется уже могильник Красный Яр той же ирменской культуры в Новосибирской области (раскопки Т. Н. Троицкой).

Ниже дано описание могильника Змеевка по дневникам С. М. Сергеева. Чертежей в документации С. М. Сергеева нет, но есть подробное описание и размеры курганов и могил в дневниках и две фотографии, позволяющие составить схематические чертежи (рис. 2, 1—3).

Курган 1 (рис. 2, 1) плоский, диаметром 11 м, высотой 0,26 м. Раскопан траншеей по линии север—юг шириной 1,5 м. В южной ее части сделана прирезка (1,6×4 м). В кургане — три детских андроновских погребения. Погребение I — у южного конца траншеи, в могиле размерами 1,2 (запад—восток)×1,06 м (север—юг), глубиной 1,9 м от поверхности насыпи. Похоронен ребенок в скорченном положении, на левом боку, головой на запад, руки согнуты и подняты к груди. Кости плохой сохранности. У затылка — сосуд (рис. 3, 1). Погребение II — в 1,8 м к северу от предыдущего, на глубине 2 м от поверхности кургана. Контуры могилы не прослежены. Кости скелета ребенка, по-видимому, лежавшего головой на запад. Кости плохой сохранности, лежат в беспорядке. У затылка — сосуд (рис. 3, 2). Погребение III — в северной части приреза, на глубине 1,35 м от поверхности кургана. Кости ребенка лежат в беспорядке. Рядом с ними — раздавленный сосуд (рис. 3, 3)⁴.

Курган 2 диаметром 8 м, высотой 0,16 м. Раскопан колодцем 4×4 м (рис. 2, 2). Содержал четыре или пять разновременных погребений. Погребение I — в северной части раскопа, на глубине 0,45 м от поверхности (выше материка, «в слое чернозема»). Похоронена женщина

Рис. 1. План курганного могильника на р. Змеевка (по С. М. Сергееву, архив БМ, ДО, ф. 2, д. 1)

а — раскопанные курганы; б — нераскопанные курганы; в — дороги; г — современное кладбище

лет 20—25⁵ в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на запад, лицом на юг, руки согнуты и подняты к лицу. Перед лицом ее стояли два сосуда ирменской культуры (рис. 3, 9, 10), на правой руке было проволочное бронзовое кольцо в 3,5 оборота (рис. 3, 21), на шее — два ожерелья: одно — из 15 белых цилиндрических бус (рис. 3, 16), другое — из бронзовых пронизок (рис. 3, 13—15) и привески из полированного атрофированного резца марала (рис. 3, 12). В центре этого ожерелья была нанизана просверленная бабка лошади (рис. 3, 11). Возле шеи найдена бронзовая круглая бляшка-пуговица (рис. 3, 20), у правого виска — гвоздевидная серьга (рис. 3, 17). Погребение II — к юго-востоку от погребения I, на глубине 0,5 м от поверхности. Ребенок «раннего возраста» лежал в вытянутой позе на спине, головой на восток, в конверте из бересты. Вещей нет. Судя по обряду, погребение это впускное и относится к позднему железному веку. Погребение III — в юго-западном углу раскопа, в могиле прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 0,7 (запад—восток) × 0,5 м (север—юг), на глубине 1,75 м от поверхности. Кости ребенка лежат в беспорядке. К западу от костей — андроновский сосуд (рис. 3, 3). В 70 см от погребения III,

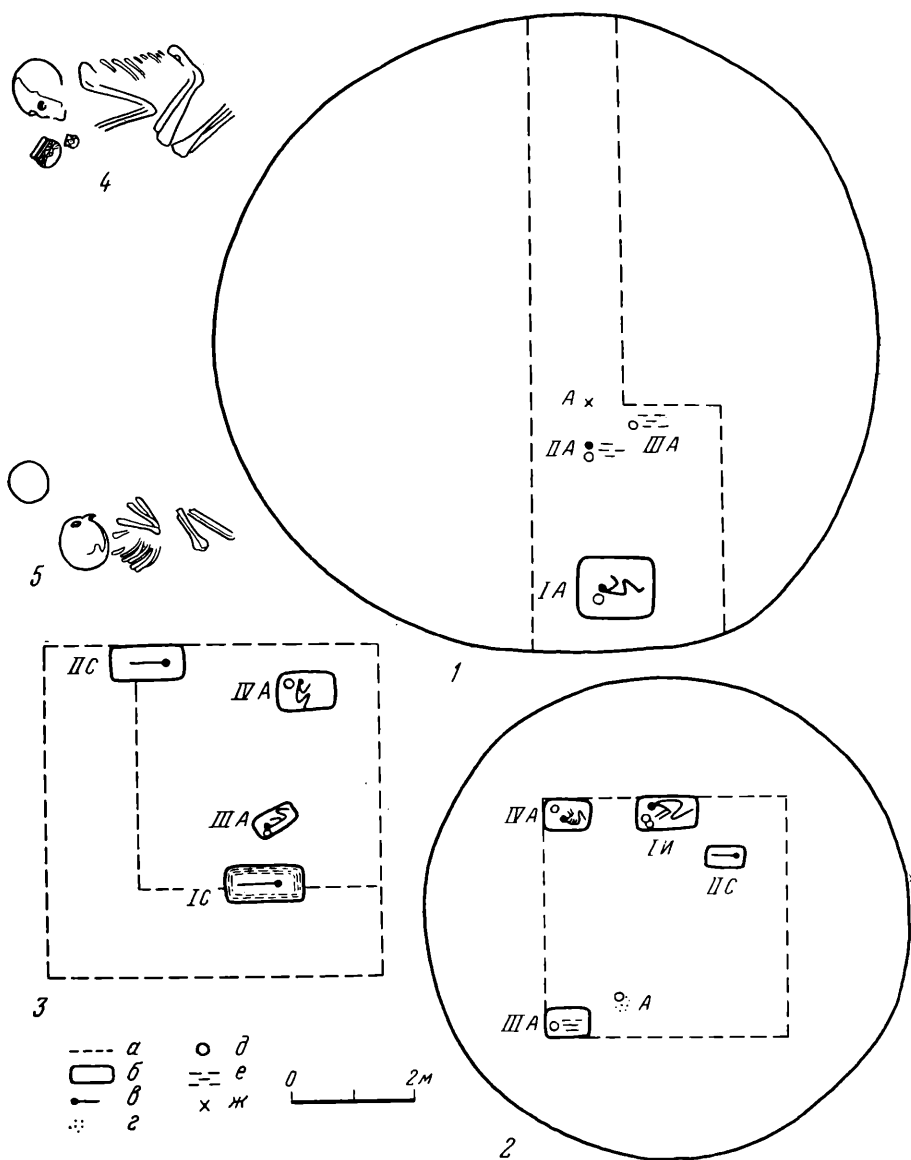

Рис. 2. Схематические планы курганов 1—3 могильника Змеевка (по данным из дневников С. М. Сергеева)

1 — курган 1; 2 — курган 2; 3 — курган 3; 4 — погребение I в кургане 2; 5 — погребение IV в кургане 2 (римские цифры обозначают номера погребений); А — андроновское погребение; И — рименское погребение; С — сростскийское погребение; а — граница раскопа; б — граница могилы; в — скелет; г — угол; д — сосуд; е — дерево; ж — черепок; 4, 5 — прорисованы с фотографий С. М. Сергеева (Архив БМ, ДО, стр. 2, ф. 2, масштаб неизвестен)

в 1,15 м от западной стенки раскопа и в 70 см от южной, на глубине 1 м от поверхности кургана найден андроновский сосуд (рис. 3, 5), возле него — угли; возможно, это остатки трупосожжения⁶. Погребение VI — в северо-западном углу раскопа, на глубине 1,7 м от поверхности кургана. Найден скелет ребенка в скорченном положении на левом боку, головой на запад, руки согнуты и подняты к лицу. Контуры могилы не прослежены. У затылка к северо-западу от черепа — андроновский сосуд (рис. 2, 5; 3, 6)⁷.

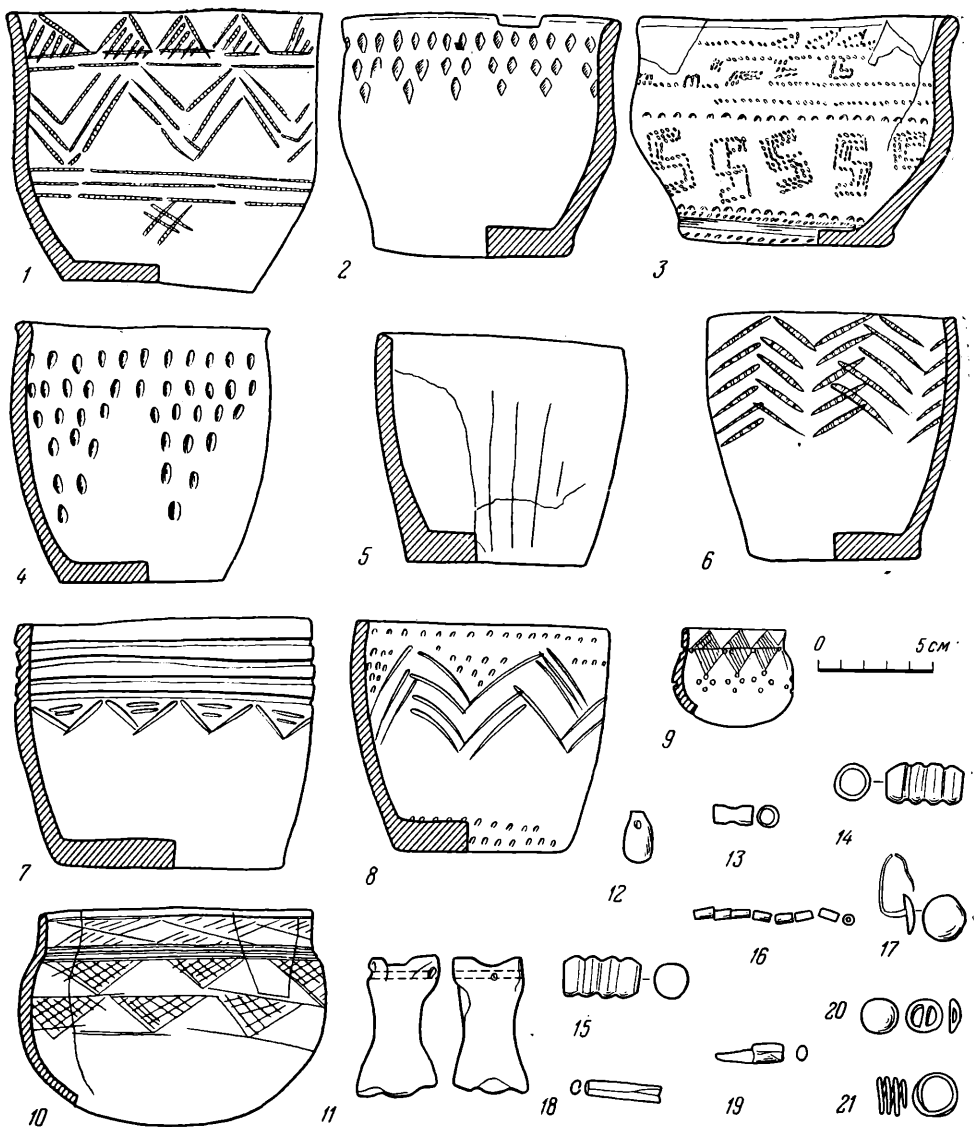

Рис. 3. Инвентарь курганов 1—3 могильника Эмеевка

1 — курган 1, погребение I, ГЭ, 251/1; 2 — курган 1, погребение II, ГЭ, 251/2; 3 — курган 1, погребение III, ГЭ, 251/3; 4 — курган 2, погребение III, ГЭ, 251/18; 5 — курган 2, сосуд из юго-западной части раскопа, ГЭ, 251/17; 6 — курган 2, погребение IV, ГЭ, 251/19; 7 — курган 3, погребение III, ГЭ, 251/20; 8 — курган 3, погребение IV, ГЭ, 251/21; 9—21 — курган 2, погребение I, ГЭ, 251/16; 10 — ГЭ, 251/15; 11 — ГЭ, 251/8; 12 — ГЭ, 251/7; 13 — ГЭ, 251/00; 14 — ГЭ, 251/4; 15 — ГЭ, 251/5; 16 — ГЭ, 251/12; 17 — ГЭ, 251/14; 18, 19 — ГЭ, 251/10, 11; 20 — ГЭ, 251/13; 21 — ГЭ, 251/9; 11 — кость; 12 — резец марала; 16 — аргиллит; 13—15, 17—21 — бронза, остальное — керамика

Курган 3 (рис. 2, 3). Насыпь кургана почти не заметна. Курган раскопан колодцем 4×4 м; в процессе работы «южная и западная стенки колодца расширены на 1,5 м». Погребение I — у южной стенки колодца, на глубине 0,5 м, потревоженный костяк мужчины. Судя по костям ног, покойник был положен на спину в вытянутой позе, головой на восток. Среди костей туловища найден костяной черешковый трехгранный наконечник стрелы. По бокам погребения обнаружены остатки дерева — вероятно, от обкладки могилы. Погребение II — в северо-западном углу колодца, на глубине 0,6 м от поверхности. Костяк мужчины, вытянутого на спине,

головой на восток, лицом на юг, руки вдоль тела. Справа от костяка — колчан из бересты и четыре железных ромбических черешковых наконечника стрел. У левой ступни — два железных непарных стремени и железная пластинка. У таза — медная поясная пряжка с остатком ремня, петелька для конца ремня, две железные бляхи. В области живота — костяной четырехгранный наконечник стрелы с черешком. Слева от таза — крестец овцы. Погребение III — на расстоянии 0,8 м от южной стенки колодца и 2 м от западной, на глубине 0,92 м от поверхности кургана. Ребенок лежал на левом боку в скорченном положении, головой на юго-запад, руки согнуты и подняты к лицу; череп раздавлен. У затылка — андроновский сосуд (рис. 3, 7). Погребение несколько потревожено при устройстве позднейшего погребения II. Погребение IV — на расстоянии 2,35 м от западной стенки колодца и 0,5 м от северной, на глубине 1,2 м обнаружено прямоугольное пятно могильной ямы с закругленными углами, ориентированной по линии запад—восток, размерами 0,62×0,90 м. На глубине 1,65 м от поверхности кургана лежал скелет ребенка в скорченном положении на левом боку, головой на север. Голова пригнута к груди, руки согнуты и подняты к голове. У затылка — андроновский сосуд (рис. 3, 8)⁸.

Из приведенного описания очевидно, что курганные насыпи были возведены еще над андроновскими могилами. Особенно ясно это демонстрирует курган 1, где все могилы относятся только к андроновской эпохе. Высота этого кургана 0,26 м. Напротив, насыпь кургана 3, где есть два впускных погребения (I и II), почти незаметна. Это не позволяет согласиться с мнением М. П. Грязнова, что Змеевка — грунтовой андроновский могильник, поверх которого были насыпаны курганы в сросткинскую эпоху (IX—X вв. н. э.)⁹.

Все андроновские погребения могильника Змеевка — детские. В кургане 1 два андроновских погребения занимают почти самый центр кургана, в кургане 3 оба андроновских погребения (III и IV) также находились вблизи центра, и только в кургане 2 два андроновских погребения (III и IV) и андроновский сосуд расположены вдалеке от центра кургана.

В этом же кургане 2 находится ирменское погребение I, принадлежавшее женщине 20—25 лет. Отношение этого погребения к андроновским не совсем ясно. Его небольшая глубина (0,45 м) и расположение выше материка еще не говорит о том, что оно впускное: все известные в настоящее время ирменские погребения (193 погребения в 11 курганных могильниках)¹⁰ находятся в насыпи кургана (реже — на горизонте), на глубине 0,25—0,80 м, и лишь в единичных случаях глубина их превышает 1 м; такова же глубина 38 могил в пяти известных ирменских грунтовых могильниках¹¹.

Поскольку в центре кургана 2 Змеевки вообще нет погребений, трудно определить, какая могила самая ранняя. Ирменское погребение может быть моложе детских андроновских, а может быть и синхронно им или старше них. Такие случаи известны. Так, курганный могильник Преображенка 3 в Барабинской степи был возведен носителями ирменской культуры: курганы 1, 4, 7, 10, 11, 13 содержали только ирменские погребения в насыпи, никаких погребений в ямах под насыпью не было¹². В тех же случаях, когда курганы содержали и ирменские и андроновские погребения, ирменские располагались в центре кургана, а андроновские — по его периферии. Так, центр кургана 8 занимали ирменские погребения 3 и 4 и сопровождавшие их кострища, расположенные выше материка, а андроновские могилы — в ямах в материке (могилы 2 и 6) и в насыпи (могила 5) — окружали ирменские с севера, юго-востока и юга¹³. В кургане 14 центр был занят ирменским кострищем, а ирменское и андроновское погребения располагались на периферии¹⁴. В могильнике Преображенка 3 андроновские погребения ни разу не располагались в центре кургана, и не было курганов, содержавших только одни андроновские могилы. Совершенно очевидно,

что андроновские могилы здесь впущены в ирменские курганы, однако глубина андроновских могил все равно всегда больше, чем глубина ирменских: значительная глубина андроновских могил диктовалась ритуалом, и их всегда рыли в материке.

Поскольку в могильнике Змеевка в одном кургане (1) имелись только андроновские погребения (к тому же занимавшие центр), а в другом (3) — андроновские и сроткинские, и во всех трех курганах андроновские погребения — только детские, можно заключить, по-видимому, что могильник Змеевка первоначально был детским курганным андроновским могильником. Ирменское женское погребение I в кургане 2 поэтому либо моложе андроновских, либо синхронно им, но маловероятно, чтобы оно было старше их.

Сравнительное рассмотрение двух могильников, в одном из которых андроновские погребения впущены в ирменские курганы, а в другом, напротив, ирменское погребение впущено в андроновский курган, свидетельствует о хронологической близости, если не о синхронности, ирменской и андроновской культуры (федоровского варианта) и о поздней абсолютной дате федоровского варианта андроновской культуры¹⁵. О том же свидетельствует и планиграфия могильника Кытманово (на р. Чарыш, Северный Алтай), где единственная ирменская могила 17 окружена андроновскими могилами¹⁶. О поздней абсолютной дате федоровского варианта андроновской культуры приходилось уже писать, рассматривая случаи синхронности андроновских погребений позднекарасукским в Минусинской котловине¹⁷.

Все андроновские погребения могильника Змеевка глубокие — от 0,92 до 2 м. Могильные ямы прямоугольные, с закругленными углами — свидетельство того, что в них не было деревянных срубов. Погребенные в четырех случаях из семи положены в скорченной позе на левом боку (в остальных случаях погребения потревожены); в пяти случаях покойники обращены головой на запад, в одном — на юго-запад и в одном — на север. Инвентарь погребений в шести случаях из семи ограничен одним небольшим сосудом, стоявшим у затылка.

В ирменском погребении покойница также обращена головой на запад, лежала в скорченной позе на правом боку (как почти все ирменские скелеты); сосуды стояли перед ее лицом, и она была снабжена богатыми украшениями.

Датирующих предметов погребения бронзовой эпохи могильника Змеевка не содержат. Из андроновских сосудов пять — банки (рис. 3, 4—8), а остальные три — горшковидные (рис. 3, 1—3). Баночные сосуды обычны для детских погребений федоровского варианта андроновской культуры, на что уже обращали внимание М. П. Грязнов и М. Н. Комарова¹⁸.

Ирменское погребение содержало два круглодонных бомбовидных сосуда (рис. 3, 9, 10), один из них миниатюрный. Сосуды таких форм хорошо известны в ирменских могильниках западносибирской лесостепи, они составляют в них $21 \pm 4,1\%$ всей керамики. Однако в ирменских могильниках Северного Алтая (Кытманово, Камышенка, Ближние Елбаны IV) они пока не найдены совсем. Известны они в ирменском могильнике Суртайка в предгорном Алтае, на р. Катунь¹⁹. Может быть, бомбовидная керамика была распространена в бассейне Катунь. Орнамент сосуда на рис. 3, 10, выполненный тонкой нарезкой, обычен для ирменской керамики. Характерны и ямки или группы ямок в углах треугольников, как на сосуде рис. 3, 9.

Характерны для ирменской культуры и украшения рассматриваемого погребения. При этом гвоздевидные серьги (рис. 3, 17) — украшение, свойственное только ирменской культуре (найжены в могильниках Суртайка, Камышенка, Ближние Елбаны IV, Плотинная, Милованово, Иваново-Родионово) и не встречающееся в карасукских могильниках Минусинской котловины, а бронзовые пронизки, простые и рубчатые, круглые бляшки-

пуговицы и аргиллитовые бусы — украшения общекарасукские (характерны и для карасукской, и для ирменской, и для некоторых других культур карасукского круга). Полированные просверленные резцы марала изредка встречались в карасукских и лугавских комплексах (Тукайский и Сартакский клады)²⁰, но вообще подвески из зубов животных совсем не характерны ни для карасукской, ни для ирменской культуры (мне известна только одна подвеска из клыка лисицы или волка в ирменском могильнике Плотинная, могила 17)²¹.

Наибольший интерес представляет подвеска из бабки лошади (рис. 3, 11). Бабки с несколько иначе расположенными отверстиями найдены в ирменском слое поселения Ирмень I и на поселении Усть-Нарым в Восточном Казахстане²², керамика которого родственна ирменской. М. П. Грязнов считает, что это куклы, женские духи-покровители, подобные североалтайским и хакасским эменгедерам. С этим толкованием можно согласиться. Вероятно, и змеевскую бабку можно трактовать так же. Однако она входила и в состав ожерелья женщины. Надо сказать, что женские статуэтки часто служили подвесками у самых разных народов и в разные эпохи. Приведем в качестве примера женские статуэтки, подвешенные в центре ожерелья, из могильников Сиаак В и Марлик в Иране. Они подвешены за отверстия, помещенные на месте ушей (по два отверстия на месте каждого уха)²³. Совершенно такие же отверстия есть у многих глиняных скульптурных трипольских статуэток и у восходящих к подобным же скульптурам схематических плоских подвесок из кости и золота²⁴. Отметим попутно, что фигурка-подвеска из Сиаалка В изображена сидячей, что усиливает ее сходство с трипольскими статуэтками, которые, очевидно, вопреки мнению М. П. Грязнова²⁵, также могли иногда использоваться как подвески. Возможно, что и сквозные отверстия на ирменской и усть-нарымской бабках могли служить для подвешивания, а не для продевания серег, как предполагал М. П. Грязнов²⁶.

Кроме ирменской культуры, конские бабки (без отверстий) встречены в андроновских детских могилах могильника Еловка II в Томской области (в могиле 1 бабка найдена у шеи или груди ребенка, в могиле 16 — у кистей рук)²⁷. В этих случаях они служили, вероятно, куклами. В карасукских комплексах бабки-подвески или бабки-куклы мне неизвестны. Возможно, что в ирменских комплексах они отражают андроновское влияние (которое в ирменской культуре прослеживается также в некоторых формах и орнаментах керамики, в одной из форм ножей и др.). Но это предположение требует проверки на более значительном андроновском материале.

¹ Сергеев С. М. Дневник и приложение к дневнику раскопок около с. Красноярского Смоленского района Западно-Сибирского края Алтайской археологической экспедиции 1930 г. Архив ОИПК ГЭ, приложение № 3 к акту № 6 от 4 ноября 1931 г.; он же. Дневник раскопок курганов около с. Красноярского в 1930 г. Архив БМ, ДО, ф. 2, д. 1; он же. Материалы раскопок у с. Красный Яр в 1929—1930 гг. Архив БМ, ДО, ф. 2, д. 2. Материал — в ГЭ, колл. 251.

² С. М. Сергеев отмечал, что курганы бронзового века в этом могильнике «плоские, едва различимые», а курганы железного века — до 50 см высотой (архив ОИПК ГЭ, приложение № 3 к акту № 6 от 4 ноября 1931 г., л. 1).

³ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — МИА, № 9, 1949, с. 52—54, 88—92; Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби. — МИА, № 48, 1956, с. 16—17, 19 (рис. 2), 30—31.

⁴ Архив БМ, ДО, ф. 2, д. 1, л. 2, 3.

⁵ Архив ОИПК ГЭ, приложение № 3 к акту № 6 от 4 ноября 1931 г., л. 3; Архив БМ, ДО, ф. 2, д. 2, л. 3.

⁶ Архив ОИПК ГЭ, приложение № 3 к акту № 6 от 4 ноября 1931 г., л. 3, 4; Архив БМ, ДО, ф. 2, д. 1.

⁷ Архив ОИПК ГЭ, приложение № 3 к акту № 6 от 4 ноября 1931 г., л. 4.

⁸ Архив БМ, ДО, ф. 2, д. 2, л. 5, 6.

⁹ Грязнов М. П. История древних племен..., с. 17.

¹⁰ Камышенка, Суртайка, Милованово I. Ордынское Iг, Ордынское Iд, Преобра-

- женка 3, Еловка II, Ивано-Родионово, Пьяново, Тарасово.
- 11 Ордынское II, Еловка II, Ближние Елбаны IV, Плотинная, Кытманово.
 - 12 Троицкая Т. Н. Отчеты за 1967 (Архив ИА, № 3470, л. 23, 24; № 3470а), 1968 (там же, № 3705, л. 13, 14), 1970 (там же, № 4183, л. 28, 29, 31; № 4183а) годы.
 - 13 Копытова Л. И. Археологическая разведка памятников у с. Старая Преображенка Чановского района. — Научные труды НГПИ, 38, 1972, с. 68 (рис. 2), 69—70.
 - 14 Молодин В. И. Отчет за 1971 г. Архив ИА, № 4520, л. 8—11.
 - 15 Дата ирменской культуры — VIII—VII вв. до н. э., вплоть до VI в. до н. э. Членова Н. Л. Датировка ирменской культуры. — Сб.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970; она же. Суртайка — могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае. — КСИА, 134, 1973, с. 117, 119, 120.
 - 16 Уманский А. П. Отчет за 1962—1963 гг. Архив ИА, № 2777, 2777а, рис. 101, 102 и план могильника (рис. 56).
 - 17 Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. — МИА, № 182, 1972, с. 34—35, 60.
 - 18 Грязнов М. П. История древних племен..., табл. III, с. 18—19; Комарова М. Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. — АСГЭ, 3, 1961, с. 53 и табл. IX—XIII. См. также: Рахимов С. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде. — КСИА, 114, 1968, с. 73, рис. 35, 4, 6 (обе найденные в могильнике Ланин Лог банки были в детских могилах).
 - 19 Членова Н. Л. Суртайка..., с. 116, 118, рис. 44, 1—3.
 - 20 Членова Н. Л. Карасукские находки в первой излучине Чулыма. — КСИА, 114, 1968, с. 86, рис. 40, 21; она же. Хронология..., табл. 36, 20—25.
 - 21 Раскопки А. П. Уманского 1968 г., БарнПИ.
 - 22 Грязнов М. П. Антропоморфная фигурка бронзового века с реки Оби. — СГЭ, XXII, 1962, с. 27; Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, № 88, 1960, табл. XXVII, 5.
 - 23 Chirshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan, t. II. Paris, 1939, pl. XXVII, 2, p. 58, S. 1435; Porada E. Ancient Iran. The Art of Pre-islamic Times. London, 1965, p. 102, fig. 65.
 - 24 Пассек Т. С. Костяные амулеты из Флорешт. — МИА, № 130, 1965, с. 79, рис. 1, 27, 28, 44—49; с. 81, рис. 4, 1.
 - 25 Грязнов М. П. О так называемых женских статуэтках трипольской культуры. — АСГЭ, 6, 1964, с. 77.
 - 26 Грязнов М. П. Антропоморфная фигурка..., с. 27.
 - 27 Раскопки В. И. Матющенко. Сведения из дневников раскопок андроновского могильника ЕК II (МИМК ТГУ). Сообщены В. А. Посредниковым.

В. И. МОШИНСКАЯ

К ВОПРОСУ О КАМЕННЫХ ПЛИТКАХ
С РЕЛЬЕФНЫМИ ГОЛОВАМИ БАРАНОВ

Каменные плитки с головами баранов представляют собой весьма своеобразную группу фигурных предметов, уже давно привлечших к себе внимание исследователей. Еще в 80-х годах прошлого века два таких предмета были найдены И. Я. Слобцовым во время его исследований в окрестностях Тюмени¹. По данным Аспелина, эти вещи находились в коллекции, собранной И. Я. Слобцовым в 1887 г. к югу от Тюмени на дюнах близ Андреевского озера².

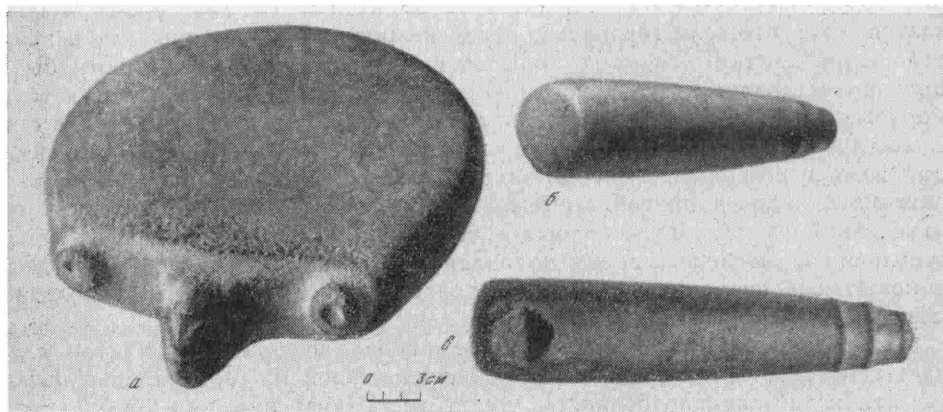
В начале нашего века такая же плитка была найдена в поречье р. Миас и отмечена М. И. Ростовцевым, описавшим ее как «каменное блюдо в форме черепахи»³. В 30-х годах плитку с головой барана, происходящую из Поволжья и находящуюся в составе коллекции Заусайлова в Национальном музее в Хельсинки, опубликовал А. М. Тальгрэн⁴.

Несколько позднее эта категория вещей стала предметом специального изучения. П. А. Дмитриев, посвятивший плиткам особую статью, привлек лишь лучше документированный материал, и по собранным им данным было установлено, что в Зауралье эти находки распределяются следующим образом: пять плиток найдены в различных местах по течению Миаса и Исети (не включены находки М. И. Ростовцева и И. Я. Слобцова), две — в Верхнем Приоболье, одна — в Нижнем Приобье⁵. К этим материалам следует добавить не вошедший в публикацию П. А. Дмитриева экземпляр Тобольского музея, происходящий из находок близ Кургана, новую находку на Андреевском озере (в пос. Боровое) и четыре новые находки в Курганской области (все — в бассейне Исети)⁶.

Из этих последних особо следует отметить случай, когда впервые указывается, что плитка встречена совместно с другими предметами (Курганский музей, инв. № 1432). Она была найдена вместе с каменным пестом и палицей в песчаном карьере близ с. Ольховское в Шадринском р-не, на глубине 50—70 см от современной поверхности. Размер плитки: длина (без вытянутой части морды) 23 см, ширина 25 см, толщина 6 см.

Две другие плитки, поступившие в Курганский музей за последнее десятилетие, представляют собой случайные изолированные находки. Одна из них (№ 3281) была найдена у дер. Охотина в Белозерском р-не, обстоятельства этой находки неизвестны. Ее размеры: длина 22 см, ширина 23 см, толщина 8,5 см. Другая (№ 7328) была найдена в 1971 г. в Кетовском р-не Курганской области, условия находки также неизвестны. Размеры: длина (так же, как и в предыдущих случаях, без вытянутой части морды) 21 см, ширина 17—19 см, толщина 7 см. Еще один экземпляр был найден случайно на дороге между Курганом и Шадринском, почти на берегу Исети. Где хранится, неизвестно⁷.

По размерам эти новые экземпляры вполне укладываются в те рамки, которые намечались и ранее: длина 20—40 см, ширина 18—28 см, толщина обратно пропорциональна этим размерам — чем плитка крупнее, тем она тоньше: минимальная толщина 5 см, максимальная — 8 см. Хотя по раз-

Находки у с. Ольховского

а, б, в — каменная плита, пест и палица (б и в — около $\frac{1}{3}$ натуральной величины)

мерам плитки довольно значительно варьируют, по форме все они весьма близки друг к другу. Это плоские камни, обработанные в виде полуовалов, завершающихся головой барана с сильно выступающей вперед мордой и рельефными круто закрученными рогами. Так же, как и рога, все детали морды показаны выпуклым рельефом, причем особенно характерно то, что глаза и ноздри показаны выступающими площадками, а губы — в виде рельефной грани⁸.

Скульптурное оформление одних плиток отличается большим совершенством, других — меньшим, и поэтому одни из них кажутся более реалистическими, другие же могут быть охарактеризованы как схематические. Но надо полагать, что это обусловлено индивидуальными возможностями и способностями изготовлявших их мастеров. Я не вижу оснований разделять их по этому признаку, сводящемуся в конечном счете к качеству изготовления, на две группы, как это сделал П. А. Дмитриев. И те и другие сделаны в одной манере, основной особенностью которой является трактовка деталей выпуклым рельефом⁹. Этот способ показывать детали представляет собой специфику каменной скульптуры Прииртышья. Причем особо следует отметить манеру показывать выпуклым рельефом пасть или рот. В этом отношении изображения бараньих морд на плитках обнаруживают большое сходство не только с зооморфной каменной скульптурой, но и с некоторыми из антропоморфных изображений из Прииртышья. Так, в виде выступающей грани показан рот на скульптурной голове, происходящей из местности, расположенной по р. Нура (приток Иртыша)¹⁰.

Вопрос о том, к какому времени относятся плитки с головами баранов, крайне сложен, поскольку ни разу они не были найдены в комплексах, связанных с определенными археологическими памятниками, которые могли бы быть датированы. Четверть века тому назад, когда были сделаны первые попытки определить время, к которому относятся эти предметы, исследователи могли исходить лишь из самых общих соображений и идти по пути привлечения аналогий, хотя бы и самых отдаленных. Так вслед за М. И. Ростовцевым сделал П. А. Дмитриев, сопоставляя в функциональном отношении плитки с головами баранов с каменными жертвенными блюдами, известными в Южном Зауралье, Приуралье и Северном Причерноморье. Исходя из этого сопоставления, он счел возможным отнести их к раннему железному веку, определяя возможную их дату в пределах VI—III вв. до н. э. Вместе с тем П. А. Дмитриев указывал на отдаленность этих аналогий и условность предложенной им даты¹¹.

Не оспаривая возможности привлечения в качестве аналогии жертвенных блюд, может быть и близких по назначению, я в свое время указывала все же, что если говорить о стиле изображений животных, то в этом отношении плитки с головами баранов и жертвенные блюда должны быть противопоставлены друг другу. Ибо в то время как на плитках детали морды и головы изображены реалистически, даже в тех случаях, когда они схематичны, на каменных блюдах они стилизованы. Причем эта стилизация дана в совершенно определенной геометризированной манере (глаза — вписанные один в другой кругами, уши — треугольниками), ни разу не отмеченной на плитках с головами баранов¹². Для стилистических сопоставлений за последнее время появился новый материал, который я здесь и попытаюсь использовать для установления места плиток в археологии Западной Сибири.

В стилистическом отношении скульптурное оформление плиток следует сопоставить с круглой каменной скульптурой из Прииртышья. Если же стилистические особенности могут иметь значение для определения эпохи и круга культур, то плитки с головами баранов следует скорее отнести к эпохе бронзы, чем к раннему железному веку, причем к тому же кругу скульптур, что и каменную скульптуру Прииртышья.

Среди каменных скульптур Прииртышья две вещи, как раз близкие к изображениям бараньих морд по стилю, могут иметь значение для определения места прииртышской скульптуры и ее хронологической позиции. Это скульптурное изображение головы коня из Омского музея и нуринское изображение головы человека. Омский экземпляр скульптуры коня представляет собой верхнюю часть какого-то составного предмета — жезла, скипетра или объекта почитания: уточнить это невозможно. Найден он был близ пос. Волчьего в бывшем Омском округе. Изящное скульптурное изображение головы лошади выполнено в реалистической манере, причем подробно детализировано — выделены не только грива и уши, но и части морды. Как и на бараньих мордах на плитках, глаза и ноздри на этой круглой скульптуре показаны выступающими площадками.

Эта скульптура, как и другие ей близкие (жезлы с изображениями голов коней из Томского и Семипалатинского музеев, голова верблюда из Омского музея), не имеет достаточной документации. Единственное, что мы о них знаем, — все эти вещи происходят из Прииртышья. Были ли это изолированные находки или они сопровождалась какими-либо другими предметами, неизвестно. Поэтому суждения о возможной их дате и о том, к какому кругу скульптур они могут быть отнесены, мы вынуждены строить на косвенных данных — на аналогиях, на манере изображения, на стилистических особенностях.

Существенное значение для определения места этих скульптур в археологии Западной Сибири имели находки и открытия, которые были сделаны в Прииртышье за последнее десятилетие. Как я уже отмечала, на этой территории наряду с зооморфной скульптурой известна и антропоморфная.

Одно из изображений (нуринское) в стилистическом отношении может быть сопоставлено с разбираемыми. Это пестообразный предмет, верхняя часть которого оформлена в виде головы человека. Он был найден на берегу Нуры в Кургальджинском р-не Целиноградской области. Голова человека изображена реалистически, причем лицо тщательно и детально моделировано. Брови, глаза и скулы переданы в форме удлиненных, расходящихся от висков, выступающих плоскостей. Выступающим рельефом обозначены также уши и губы. Основная особенность стиля, в котором выполнена эта скульптура, заключается в том, что детали лица, даже такие, как глаза и рот, изображены не в виде углублений, как можно было того ожидать, а выпуклым рельефом¹³. Эта манера моделировки деталей сближает нуринскую скульптуру как с изображением коня из Омского музея, так и с большинством голов баранов на плитках.

Для решения вопроса о возможной хронологической позиции всех этих скульптур немаловажно то обстоятельство, что нуринская скульптура может быть сопоставлена также и с двумя антропоморфными, которые были найдены близ Томска в хорошо известном памятнике эпохи бронзы — Самусь IV¹⁴. По манере показывать детали лица все три антропоморфные скульптуры могут быть сближены, что дает известные основания высказать предположения о возможном возрасте нуринской. По характеру находок и возрасту Самусь IV, в культурном слое которого были найдены скульптуры, близок с могильником Ростовка на р. Омь. Небезынтересно, что и само нуринское изображение обнаруживает черты сходства со скульптурой человека на фигурной композиции на навершии ножа из Ростовки. В обоих случаях голова человека показана не обнаженной, а в головном уборе, имеющем разрез сзади. Сходство в головном уборе может свидетельствовать даже о принадлежности изображенных людей к одной этнографической группе. Фигурная композиция, украшающая этот нож, вообще может иметь существенное значение для определения места прииртышских скульптур. Как уже отмечалось в литературе, лошадь из этой группы наиболее близко может быть сопоставлена с вырезанной из талькового сланца скульптурой коня, хранящейся в Омском музее¹⁵.

Таким образом, складывается впечатление, что прииртышская каменная скульптура и плитки с головами баранов, несмотря на то что пока ареал этих находок не совпадает, могут быть объединены. Можно предполагать, что все они относятся к эпохе бронзы и, насколько позволяют судить приведенные сравнения, могут оказаться связанными с культурой населения, оставившего могильник Ростовка на Оми.

Распространение на запад и север вещей, составляющих основной комплекс в этом могильнике, общеизвестно. Имеются они и в Среднем Зауралье. Как известно, в Горбунове найдена литейная форма для отливки кельта так называемого сейминского типа. Распространение на запад населения, оставившего в Прииртышье могильник Ростовка, может быть подтверждено находками на Андреевском озере под Тюменью. Здесь на стоянке Малое Плесо была найдена керамика, которая идентична одной из керамических групп из основного комплекса могильника в Ростовке. Это крупные плоскодонные сосуды темно-бурого, почти черного цвета, украшенные продавленными волнообразными узорами и наклепными эмеевидными фигурами, располагающимися по тулову в одних случаях вертикально, в других — горизонтально¹⁶. Небезынтересно, что в хозяйственной яме, в которой были найдены два таких сосуда, сохранились также обломки третьего, на краю которого имелся зооморфный налеп, изображающий голову какого-то зверя с рогами (барана?)¹⁷. С этой связи уместно вспомнить, что на берегах Андреевского озера в разное время были найдены три плитки с головами баранов.

Мы пока слишком мало знаем о культуре населения, оставившего могильник в Ростовке, об области ее распространения и ведущих и характерных формах вещей, сохранившихся в археологических остатках. Однако полагаю, что приведенные данные заставляют задуматься и хотя бы поставить вопрос, не следует ли с ней связывать и каменные плитки с рельефными головами баранов. Во всяком случае изложенные соображения заставляют отнестись с сомнением к той дате, которую предлагал для них П. А. Дмитриев.

Безоговорочно эту дату принял в свое время В. Н. Чернецов, отнеся к раннему железному веку плитку, обнаруженную в Нижнем Приобье, в Березовском р-не. Он связывал ее с южной волной, приведшей к сложению на Крайнем Севере в Приобье усть-полульской культуры¹⁸. Ни в коей мере не отрицая, что такая волна имела место в I тысячелетии до н. э., я полагаю, что с ней не следует связывать березовскую находку. Березовская плитка, совершенно такая же, как и другие плитки из лесостепного Среднего Зауралья, скорее может быть связана с более ранней

волной южного населения на север Западной Сибири, имевшей место во II тысячелетии до н. э. Следы этой более древней волны обнаруживаются в Нижнем Прииртышье, где известны находки как кельтов сейминского типа, так и литевой формы для их отливки¹⁹.

Следует отметить, что плитки с головами баранов, были ли они связаны с обрядами охотников или древних скотоводов, как предполагал А. М. Тальгрэн, так или иначе безусловно носили культовый характер²⁰. Следовательно, они не могли быть предметом торговли, что заставляет рассматривать отдельные находки в Приобье и Поволжье как ощутимый след продвижения на север и на запад населения западносибирской и зауральской лесостепи²¹.

- ¹ *Словцов И. Я.* О находках каменного периода близ Тюмени. — Записки Западносибирского отделения РГО, кн. 7, вып. 1, 1887.
- ² *Heikel A.* Antiquités de la Sibirie Occidentale. Helsingfors, 1894, p. 67.
- ³ *Ростовцев М. И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. — МАР, № 37, 1918, рис. 36, с. 69.
- ⁴ *Tallgren A. M.* Some North Eurasian Sculptures. — ESA, XII, 1938, p. 109—110, fig. 1, 2.
- ⁵ *Дмитриев П. А.* Жертвенные камни Зауралья. — КСИИМК, XIX, 1948.
- ⁶ *Сальников К. В.* Находки на Южном Урале. — СА, 1964, № 1. Плитка с головой барана, найденная в 50-х годах на Андреевском озере в пос. Боровое, была разбита находчиком и в разбитом виде хранилась в Тюменском краеведческом музее.
- ⁷ По данным местной печати (газ. «Шадринский рабочий»).
- ⁸ Исключение составляет экземпляр Тобольского музея, на котором пасть показана слегка углубленной линией.
- ⁹ Наиболее схематичным является скульптурное оформление плитки, найденной близ с. Падеринка Кетовского р-на Курганской обл. Детали на ней за исключением рогов не проработаны.
- ¹⁰ *Зданович Г. Б., Мошинская В. И.* Об антропоморфном изображении из Прииртышья. — Сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, рис. 1.
- ¹¹ *Дмитриев П. А.* Жертвенные камни Зауралья, с. 19—21.
- ¹² *Мошинская В. И.* О некоторых каменных скульптурах из Прииртышья. — КСИИМК, XLIII, 1952, с. 48—49.
- ¹³ *Зданович Г. Б., Мошинская В. И.* Об антропоморфном изображении. . . , с. 200, рис. 1.
- ¹⁴ *Matjusčenko V. I.* About the Art of the Ancient Tribes of the Lower Tomi. — In: Popular Beliefs and Folklore Tradition in Siberia. Budapest, 1968, p. 483, fig. 6; *Матющенко В. И.* Некоторые новые материалы по самусьской культуре. — Сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 194, рис. 5, 7.
- ¹⁵ *Матющенко В. И.* Бронзовый нож из Ростовки. — КСИА, 123, 1970, с. 104, рис. 34.
- ¹⁶ *Мошинская В. И.* О зауральских зооморфных изображениях, связанных с глиняной посудой. — Сб.: Проблемы археологии и древней истории ургов. М., 1972, с. 59, рис. 3.
- ¹⁷ Там же, с. 59, рис. 2.
- ¹⁸ *Чернецов В. Н.* Усть-полуйское время в Приобье. — МИА, № 35, 1953, с. 236.
- ¹⁹ *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, № 35, 1953, с. 52, 53, табл. XIX, 2; *Мошинская В. И.* Суэгуи II — памятник эпохи бронзы полосы Западной Сибири. — МИА, № 58, 1957, с. 133, рис. 5.
- ²⁰ *Tallgren A. M.* Some North Eurasian Sculptures, p. 109—110; *Yettmar K.* The Slab with Rams Head in the Rutberg Museum. — Artibus Asiae, XXVII, 4, 1964/65, p. 295.
- ²¹ Я не останавливаюсь здесь на очень интересной гипотезе К. Йеттмара о возможном иранском происхождении плиток. Полагаю, однако, что продвижение в Приобье и Поволжье шло уже из Зауралья, Притоболья и Прииртышья.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ, Б. Б. ОВЧИННИКОВА

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСЬКИНСКОГО ГОРОДИЩА

Городище расположено в Гаринском р-не Свердловской области, на возвышении правого берега р. Южная Сосьва (в 5 км от пос. Махтыли). С напольной стороны оно окружено полукольцевым валом и глубоким рвом. В 1927 г. Д. Н. Эдинг открыл на городище четыре погребения VII—VIII вв. н. э.¹ В 1957 г. городище обследовал В. С. Стоколос². В 1962 г. мы вскрыли здесь 45 кв. м. Погребения не обнаружены — вероятно, они разрушены при вспашке, так как кости человека в перемещенном состоянии встречались в культурном слое.

Культурный слой памятника разделяется стратиграфически на два горизонта (рис. 1, III). В верхней части слоя, частично распаханной, встречены мелкие фрагменты керамики второй половины I тысячелетия н. э. Под ним залегает почти неразрушенный (светло-коричневый) песчаный слой, в котором преобладает керамика гамаюн-каменогорского типа и найдены кремневые изделия и фрагменты посуды эпохи бронзы.

В песчаном слое на глубине 1,2 м прослежены темные очертания пола жилища (рис. 1, II), которое представляет собой углубленную (на 0,3—0,4 м от уровня подстилающего слоя) полуземлянку четырехугольной формы длиной около 6 м (рис. 1, II). В ней находился очаг (0,7×0,5 м), около него обнаружены две столбовые ямы диаметром 0,18 м. В нижней части жилища выделялась темная углистая прослойка от ровного пола. Вдоль края жилища на полу встречены остатки обгоревших бревен, которые, вероятно, укрепляли песчаные стены полуземлянки. На дне найден целый сосуд гамаюн-каменогорского типа (рис. 2, 1), который, дополняя стратиграфические наблюдения, помогает датировать жилище. Выход из землянки не прослежен. Вероятно, он разрушен обрывом Сосьвы.

Разрез вала (рис. 1, I), который был сооружен у края склона небольшого, по-видимому естественного ложка, отделявшего часть площадки городища с напольной стороны, показал двукратную подсыпку, которую разделял слой погребенной почвы. Верхняя часть насыпи мощностью до 1 м соответствует верхнему горизонту культурного слоя, по-видимому, второй половины I тысячелетия н. э. Древняя, нижняя часть, увеличивающая высоту края площадки городища, возможно, связана с гамаюн-каменогорским слоем поселения. Под ней лежит небольшой слой погребенной почвы. Ранняя и поздняя части насыпи сложены из крупнозернистого песка с примесью мелкой гальки, который происходит из взятых при выемке рва нижележащих горизонтов материка.

Поселение возникло, вероятно, в эпоху поздней бронзы. Материал того времени представлен керамикой и небольшим количеством кремня — в основном скребками различных размеров темно-зеленого, изредка черного цвета. Спинка и брюшко орудий покрыты фасами плоской ретуши, рабочий край слегка выпуклый, с более мелкой ретушью (рис. 3, 9—12). Два кремневых наконечника стрел (рис. 3, 13, 14) черного и светло-коричневого цвета, ланцетовидной формы, с двух сторон покрыты ретушью. Орудия найдены в комплексе с керамикой эпохи поздней бронзы (18,5%).

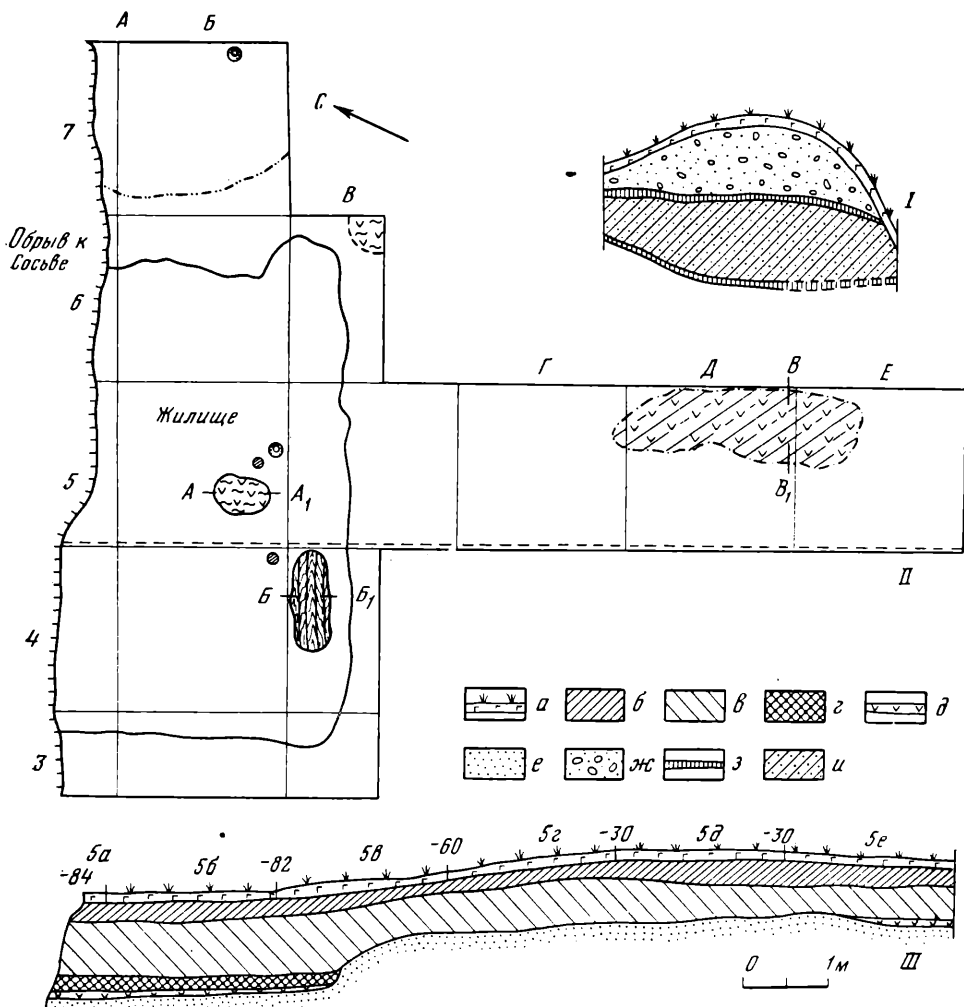

Рис. 1. Разрез насыпи вала (I), план раскопа (II) и профиль юго-западной стенки траншеи и бровки раскопа (III)

а — дерновый слой;	ж — песок с галькой в насыпи вала;
б — темно-серый культурный слой;	з — погребенная почва в насыпи вала;
в — светло-коричневый культурный слой;	е — материковый серый песок;
г — заполнение жилища;	и — светло-коричневый песок в насыпи вала
д — слой с углями и войло;	

Это сосуды довольно больших размеров (диаметр по венчику 20—30 см, толщина стенок 4—6 мм), с примесью песка в тесте. Поверхность их в основном гладкая, но встречается и заглаженная щепкой с обеих сторон. По композиции орнамента сосуды можно разделить на два типа. Первый тип — круглодонная керамика, орнаментированная чередующимися горизонтальными рядами ямок (иногда оттисков угла пластины) и оттисков гребенчатого штампа (рис. 2, 10). Второй тип — с орнаментом из ямок (рис. 4). Сосуды делятся на два вида по форме верхней части: с короткой, слегка отогнутой наружу шейкой и слабонадутым туловом; с высокой прямой шейкой. По зональности расположения орнамента керамика первого типа напоминает керамику сузгунской культуры лесного Прииртышья, отличаясь лишь отсутствием андронидных мотивов в орнаменте. Судя по развитой форме сосудов и элементам сходства с сузгунской керамикой,

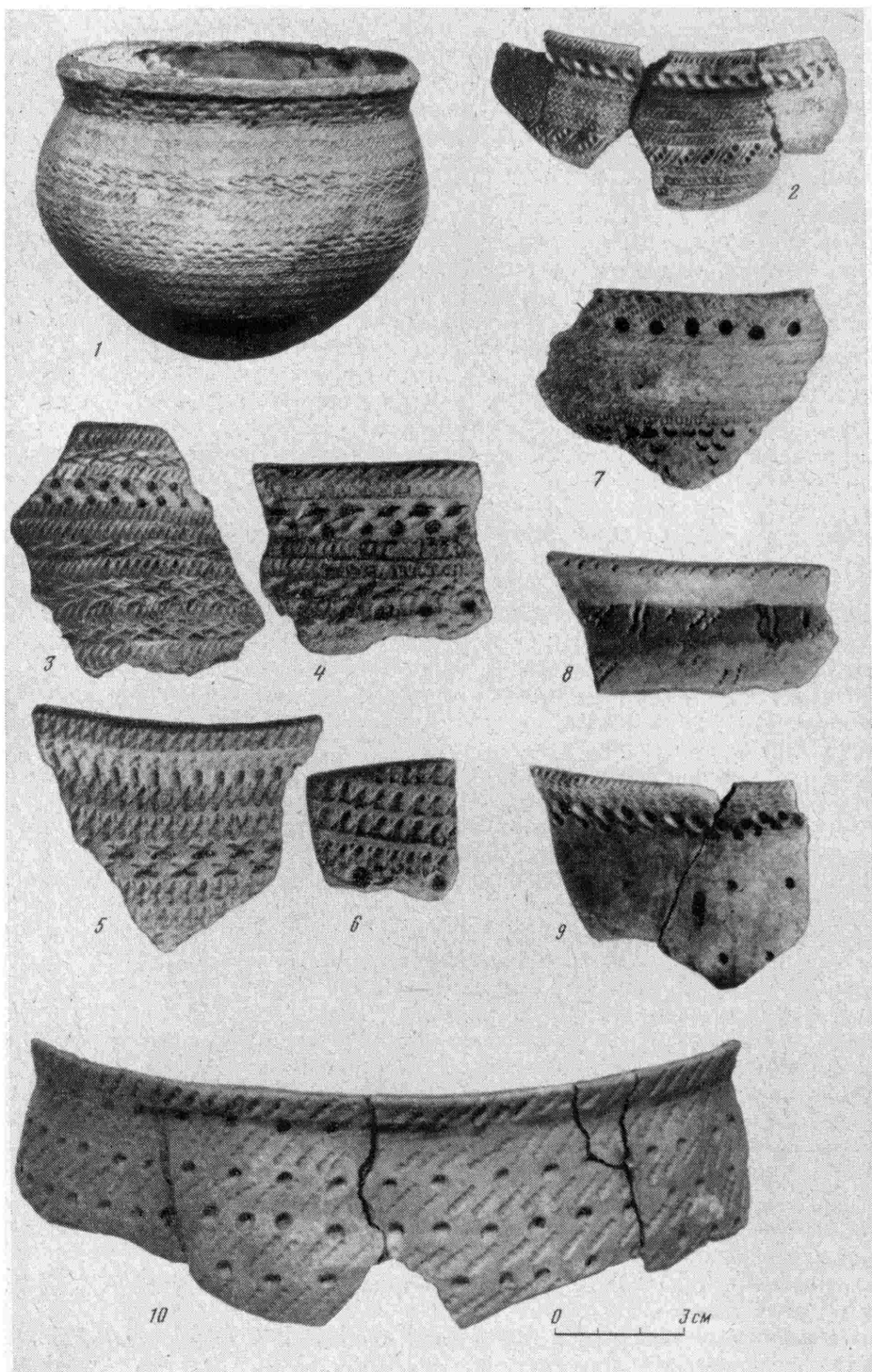

Рис. 2. Керамика Оськинского городища (1—10)

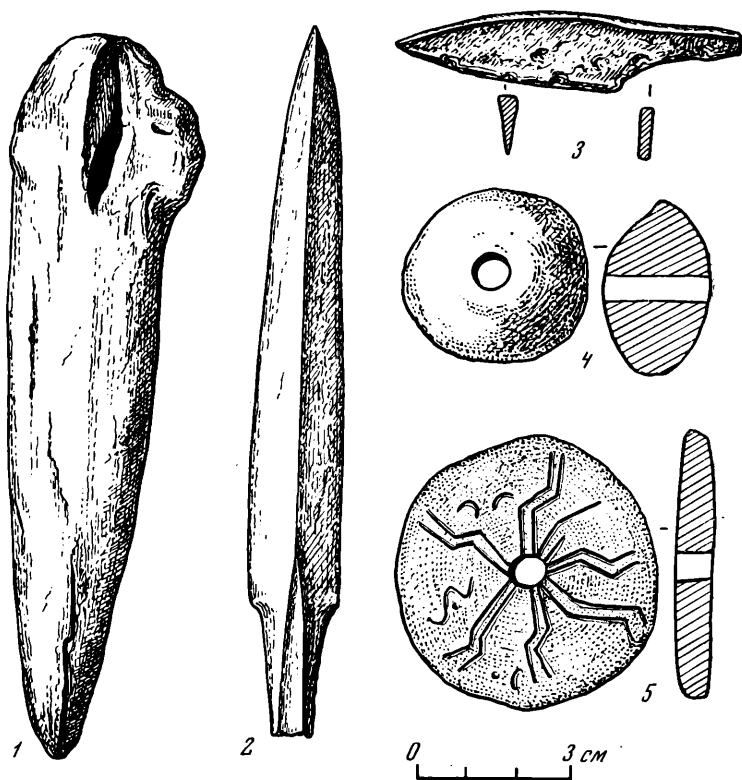

Рис. 3. Вещи с Оськинского городища

1, 3 — кость; 2 — железо; 4, 5 — глина

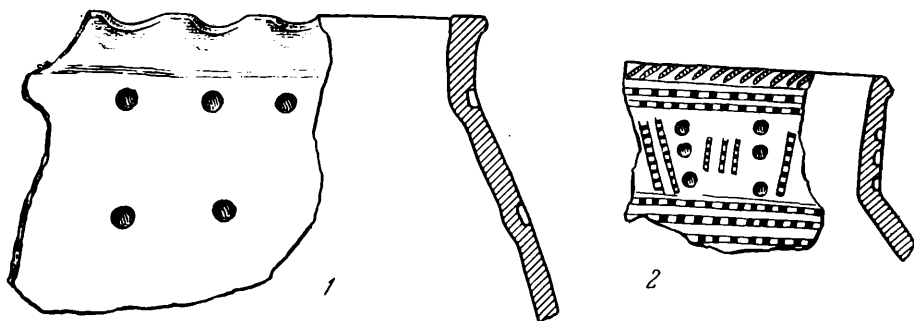

Рис. 4. Керамика с Оськинского городища II в. (1, 2)

посуду первого типа можно датировать временем в пределах второй половины II тысячелетия до н. э.

По-видимому, керамика второго типа относится к более позднему периоду. По фактуре и орнаменту из зон ямок она напоминает керамику с ямочным орнаментом из Прииртышья, найденную в ранних слоях городища Безымянное II (I тысячелетие до н. э.)³. Близкие орнаментальные композиции представлены также на керамике начала железного века Прииртышья (Розановское городище). С посудой железного века керамику второго типа сближает также форма сосудов: с высокой прямой шейкой и раздутым туловом. Весьма широкий хронологический диапазон аналогий при отсутствии хорошо датирующих вещей и значительном своеобра-

эти керамики второго типа не позволяет точно определить время ее бытования. По орнаментальной композиции она может быть датирована концом эпохи бронзы, или началом I тысячелетия до н. э. Не исключена и более широкая датировка этой керамики — в пределах первой половины и даже середины I тысячелетия до н. э. Представляется несомненной ее генетическая связь с керамикой первого типа. Возможно, она сосуществовала с гамаюн-каменогорской керамикой, отражая юго-восточные связи городища⁴.

В орнаментации керамика второго типа продолжает развитие орнаментальных традиций гребенчато-ямочной керамики уральских неолитических племен и энеолитического населения Среднего Прииртышья, характеризующегося материалом Екатерининской стоянки⁵. Она отражает культуру населения, которое в глухих таежных районах Северного Зауралья не испытало существенных внешних воздействий. Если воздействие андроновцев на Среднем и Нижнем Иртыше привело к сложению сузгунской культуры с гребенчато-ямочной керамикой, то в лесных районах по Южной Сосьве культура с гребенчато-ямочной орнаментацией керамики сохранилась в относительно чистом виде вплоть до конца II—начала I тысячелетия до н. э.

Среди керамики эпохи бронзы имеется один фрагмент, по тулову которого наряду с ямками и полосами из горизонтальных оттисков конца палочки нанесен поясик из резных узоров, отдаленно напоминающих флажковый орнамент на керамике лесостепи эпохи поздней бронзы⁶. Появление этого орнаментального мотива, по-видимому, объясняется контактами племен Южной Сосьвы с югом.

Поселение продолжало существовать и позднее, о чем свидетельствует основной комплекс керамики, который относится к гамаюн-каменогорской культуре. Это тщательно сделанные, хорошо обожженные круглодонные горшки с четко отделенной от тулова, слегка отогнутой в верхней части шейкой, диаметром от 20 до 40 см (толщина стенок 4—6 мм). В глиняном тесте примесь песка. Поверхность сглажена, с обеих сторон песочного цвета, орнамент покрывает почти всю поверхность сосудов. Преобладает узор в виде горизонтальных чередующихся зон многорядной волны, выполненных прокатным штампом, и ямок, которые разделяют эти зоны, а также проходят по шейке на границе венчика и по тулову (рис. 2, 1, 2, 9). Аналоги этой посуде имеются на памятниках Зауралья (Верхняя Тавда)⁷. К этой группе относится и незначительное количество керамики (6%), в орнамент которой входит крестовый штамп (рис. 3, 3—6). Сосуды, как правило, небольшие (диаметр 12—20 см, толщина стенок до 3—4 мм). В орнаменте преобладает вытянутый продольно крест, расположенный горизонтально поясками, которые порой разделяют чередующиеся зоны волн. Сосуд Оськинского городища (рис. 2, 1) очень близок сосуду из Усть-Волосницкой стоянки в верховьях Печоры⁸, поэтому можно говорить о проникновении в переходный период от бронзового к железному веку зауральского населения в Приуралье на Печору. Это согласуется с находками керамики гамаюн-каменогорского типа на Каме — на поселении Заюрчим около Перми, Галкинском городище, Ерзовке и др. Возможно, что зауральское население сыграло определенную роль в сложении ананьинской культуры не только на Каме, но и на Печоре.

Особого внимания заслуживают сосуды (рис. 2, 1), в орнаменте которых волны и ямки, расположенные в гамаюн-каменогорских традициях, сочетаются с узором типа «змейка». Последний орнаментальный мотив был распространен у лесных племен Приобья вплоть до Чулыма⁹. Наличие его на гамаюн-каменогорских сосудах отражает взаимные контакты населения Зауралья и Западной Сибири. В дальнейшем «змейковая» орнаментация выступает на керамике усть-полуйской культуры¹⁰.

Интересен незначительный (7%) комплекс керамики, которая имеет высокую прямую шейку при округлом или бомбовидном тулове с ямочно-

гребенчатым орнаментом (рис. 4, 2). Она напоминает посуду, которую относят к последней трети I тысячелетия до н. э., из лесостепного Зауралья и Западной Сибири (Воробьевские курганы)¹¹. В этот период отмечено проникновение лесостепных племен глубоко на север (Потчевашские курганы и др.), и, очевидно, под их влиянием появляются аналогичные формы посуды у соседнего лесного населения Сосьвы. В орнаментации же сохраняются местные особенности. Спаренные и строенные круглые ямки, возможно, восходят к традиции украшения гамаюн-каменогорской посуды, где подобный узор встречается довольно часто. Видимо, появление керамики этого типа связано с взаимодействием лесного населения с лесостепным, продвинувшимся на север.

Следующий тип керамики (8%) представлен сосудами с отогнутым плоским венчиком, по краю которого нанесены насечки. Орнамент, покрывающий поверхность сосудов, разрежен и нанесен штампами трех видов — в виде «уточки», «змейки» и реже гребенчатым. Встречаются насечки, как правило, на шейке и в верхней части сосуда (рис. 2, 8). Памятники с подобной керамикой встречены по Лозьве, Сосьве (стоянки Филькино, Вячино)¹², Верхней Тавде (Синдейское поселение)¹³ и относятся ко второй половине раннего железного века (I тысячелетие до н. э.—начало I тысячелетия н. э.). К этой керамике близка также керамика усть-полуйской культуры Нижнего Приобья¹⁴. К I тысячелетию н. э., скорее даже ко второй половине его, относятся фрагменты сосудов с мелким фигурным штампом — полулунным, угольчато-гладким или зубчатым (рис. 2, 7). Такая нарядная керамика аналогична части керамики со стоянки Зеленая Горка на р. Полуй, городище Сортынья I на Северной Сосьве и Кушеват на Оби, а также городища Оронтур¹⁵.

По-видимому, к IX—X вв. н. э. относится керамика из верхнего стратиграфического слоя. Сосуды этого периода можно подразделить по форме на три типа: первый — чаши с небогатым орнаментом, выполненным гребенчатым штампом; второй — сосуды небольших размеров с прямыми стенками шейки и слабараздутым туловом; третий — сосуды с резко отогнутой наружу шейкой. В последнем типе орнамент гораздо богаче, выполнен тонкозубым гребенчатым штампом, плоской палочкой, изредка шнуром и уголковым штампом. Подобный тип керамики характерен для племен лесного Прииртышья и Приобья конца I тысячелетия н. э.¹⁶

Керамика с примесью в тесте талька, орнаментированная отпечатками шнура, возможно, синхронна или, что менее вероятно, сменяет предыдущий комплекс керамики. Она очень близка тальковой керамике Горного Урала¹⁷. Скорее всего ее можно отнести к концу I—началу II тысячелетия н. э.

Несколько слов следует сказать о хозяйстве, хотя данные о нем ограничены. В нижней части заполнения жилища встречены кости рыб, что свидетельствует о рыболовстве. Кроме того, при раскопках обнаружено орнаментированное глиняное веретенообразное грузило эпохи бронзы (рис. 3, 17). Об охоте можно судить по найденным наконечникам стрел (рис. 3, 2). Население Оскинского городища было знакомо и с плавкой металла, на что указывают найденные обломки тигля и шишка от шестигранного кельта.

Костяные мотыги (рис. 3, 1) могли использоваться при обработке земли в примитивном земледелии, а также для взрыхления грунта при строительстве жилищ.

Весьма интересны столь характерные для гамаюн-каменогорского времени глиняные штампы. Подобные найдены при раскопках селища Палкино в Свердловской области. Е. М. Берс относит их к «типичным подвескам, украшениям из глины»¹⁸. На наш взгляд, эти глиняные поделки, орнаментированные насечками в виде гребенчатого штампа по краям, служили все-таки «штампами», которые, возможно, использовались для нанесения орнамента на сосуды.

Находки пряслиц указывают на занятия ткачеством и прядением. Судя по фактуре глиняного теста, из которого сделаны биконические пряслица, можно предположить, что они изготовлены во времена гамаюн-каменогорской культуры (рис. 3, 4). Обнаружены пряслица из фрагмента керамики и из сланца (рис. 3, 5). Пряслице из сланца, по-видимому, относится к усть-полуйскому времени, так как гравировка его поверхности перекликается с гравировкой усть-полуйских зеркал¹⁹.

Материал Оськинского городища имеет широкий хронологический диапазон, что не случайно. Неоднократному заселению городища способствовало его удобное месторасположение, так как среди болотистой и низкой поймы Южной Сосьвы трудно было найти место для поселений. Характер материала свидетельствует, что от эпохи бронзы до конца I тысячелетия н. э. племена Южной Сосьвы были тесно связаны как с населением Урала и Приуралья, так и с обитателями Западной Сибири.

Ввиду значительного удаления памятника от более или менее хорошо исследованных районов и почти полной неизученности бассейна Южной Сосьвы своеобразии культуры, к которой относится городище, не может быть полностью раскрыто. В эпоху бронзы берега Южной Сосьвы населяли племена с культурой лесного типа, имеющей сузгунские черты. В дальнейшем бассейн Сосьвы вошел в ареал гамаюн-каменогорской культуры, население которой в эпоху перехода от бронзового к железному веку проникло в Приуралье, в бассейн Печоры и Камы, где, очевидно, сыграло определенную роль в генезисе ананьинской культуры. Оськинское городище — один из северных памятников гамаюн-каменогорского типа. Во второй половине I тысячелетия до н. э. население Южной Сосьвы находилось в контакте с усть-полуйскими племенами, с одной стороны, и продвигнувшимся к северу лесостепным населением — с другой. С этим периодом, возможно, связана некоторая взаимная ассимиляция лесного и лесостепного населения в контактной зоне. На это указывает распространение орнамента лесного типа на бомбовидных сосудах степных форм (рис. 4, 2). Во второй половине I тысячелетия н. э. племена Южной Сосьвы входили в этническую общность племен Нижнего Приобья, но в то же время были связаны с населением Горного Урала (шнуровая керамика с примесью талька в глине).

Сочетание в материале Оськинского городища уральских и западно-сибирских элементов в значительной мере обусловлено расположением памятника в пограничной зоне между Уралом и Западной Сибирью. В основном материал городища характеризует культуру лесных племен, лишь в отдельные периоды (поздний бронзовый век, частично ранний железный век) контактирующих с югом.

¹ Эдинг Д. Н. Отчет о разведке 1927 г. Архив Нижнетагильского музея.

² Стоколос В. С. Археологическая разведка Серовского музея. — Сб.: Из истории Урала. Свердловск, 1960, с. 54.

³ Могильников В. А. Отчет о работах Иртышского отряда в 1962 г. Архив ИА, № 2773.

⁴ Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. Памятники железного века в Омском Прииртышье. — Сб.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, рис. 1—22.

⁵ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, № 35, 1953, табл. X—XI.

⁶ Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, рис. 62.

⁷ Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штамповой орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды. — Сб.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 260—261, табл. 1, 8—12.

⁸ Канивец В. И., Лузгин В. Е. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. — МАЕСВ, 2. Сыктывкар, 1963.

⁹ Дувзон А. П. Археологические памятники Томской области. — Труды ТОКМ, V. 1956, рис. 65.

¹⁰ Мошинская В. И. Археологические памятники севера Западной Сибири. —

- САИ, вып. ДЗ-8, 1965, табл. 21, 1, 3, 7.
- ¹¹ Стоянов В. Е., Фролов В. Н. Курганные могильники у дер. Воробьева. — Сб.: Вопросы археологии Урала, IV. Свердловск, 1962, с. 86, рис. 31, 4.
- ¹² Стоколос В. С. Археологическая разведка..., с. 53, рис. 2.
- ¹³ Викторова В. Д. Этапы..., с. 260—261.
- ¹⁴ Мошинская В. И. Археологические памятники..., табл. 18, 5; 21, 13; она же. Городище и курганы Потчеваш. — МИА, № 35, 1953, табл. III, 14, 18.
- ¹⁵ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, № 35, 1953, табл. XXI, 4, 5, 7, 9, 11, 12, 14—17; он же. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. — МИА, № 58, 1957, табл. V, 5; IX, 8; XIX, 5.
- ¹⁶ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье..., табл. XXXIX—XL; Могильников В. А. Исследование Мало-Тебендинских курганов. — КСИА, 120, 1969, с. 36.
- ¹⁷ Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963, с. 104—105.
- ¹⁸ Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска..., с. 79, рис. 18, 4.
- ¹⁹ Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени. — МИА, № 35, 1953, табл. XIII.

Т. М. ПОТЕМКИНА

КАМЫШНОЕ II — МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
ЭПОХИ БРОНЗЫ НА Р. ТОБОЛ

Поселения эпохи бронзы Притоболья в большинстве случаев многослойны. Как правило, четкую стратиграфию таких поселений установить не удастся, что значительно затрудняет хронологическое членение групп керамики. В связи с этим большой интерес представляет поселение Камышное II — памятник с четкой стратиграфией, исследованный в 1972—1973 гг. экспедицией Курганского пединститута.

Поселение находится в 40 км к югу от г. Курган, в пойме р. Тобол, на мысе, образованном правым притоком Тобола — речкой Черной — и берегом ее заболоченной старицы (рис. 1). С напольной стороны мыс ограничен логом. Площадка поселения на 1—1,5 м возвышается над окружающей местностью. На задернованной поверхности хорошо заметны 15 впадин жилищ овальной формы размером 16—25 × 10—18 м, глубиной 0,4—1 м, расположенных двумя рядами. Первый ряд из четырех впадин вытянут вдоль берега реки, второй — из шести — идет перпендикулярно первому, вдоль лога. Пять углублений расположены без определенной системы в центре поселения. На восточной окраине слабо прослеживается расплывшийся вал шириной 8—9 м, высотой 0,4—0,5 м. Площадь всего поселения 35—37 тыс. кв. м.

Раскопками исследованы две жилищные впадины: жилище 1 — у края поселения, на берегу реки (раскоп I), жилище 2 — в центре жилой площадки (раскоп II). Траншеей 1 длиной 15 м и шириной 1 м проверен вал. Вскрытая площадь составляет 804 кв. м.

Общая толщина культурных напластований на поселении 0,4—1,8 м. Котлованы жилищ заполняла темная гумусированная супесь, которая на полу сооружений отличалась более темной окраской. За пределами жилищ, сразу под дерном, залегала золистая супесь, в различной степени насыщенная золой. Подстилающий грунт состоял из светлого песка или суглинки, на которых четко фиксируются все углубления (рис. 1, I, II).

Жилище 1 (рис. 1) имеет в плане форму неправильного прямоугольника с закругленными углами. Размеры 17,5 × 11 м. Глубина земляночной части жилища составляла 40—80 см: ее южная половина углублена на 30—40 см больше северной. Пол в менее углубленной северной части покатый, бугристый, в южной — ровный. Стенки жилища различны: северная — пологая, южная — отвесная, западная и восточная — слегка наклонные. Выход прямоугольной формы длиной 3 м и шириной 1,4—1,5 м был обращен к югу, в сторону лога. При зачистке пола жилища обнаружены 4 очага, 2 ямы и 160 столбовых ямок. Два очага представляют собой кострища диаметром 0,9—1 м со слоем прокала 10—15 см. Третий очаг, размерами 0,4—0,8 м, сложен из 20—22 плотно уложенных в один ряд кирпичиков овальной формы. Четвертый устроен в округлой яме диаметром 1,4 м, глубиной 0,6 м, к которой ведет подход с наклонным дном. Очажная яма находилась в небольшой нише в середине западной стенки жилища. Две ямы, возможно хозяйственного назначения, незначительны

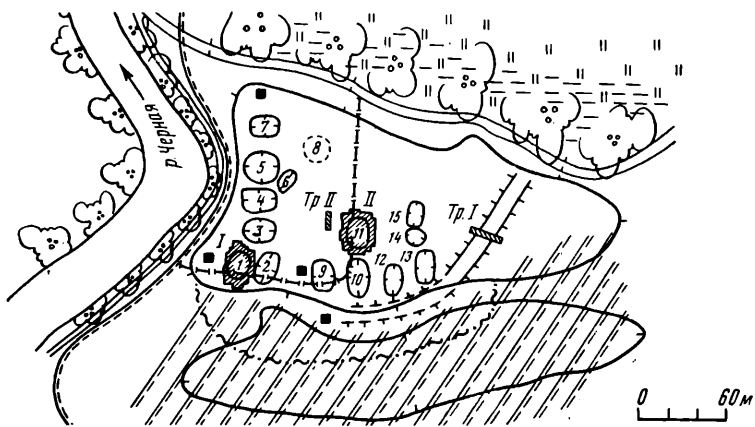
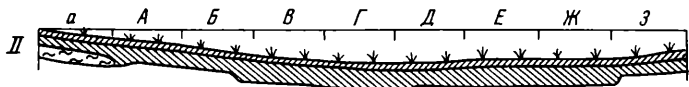
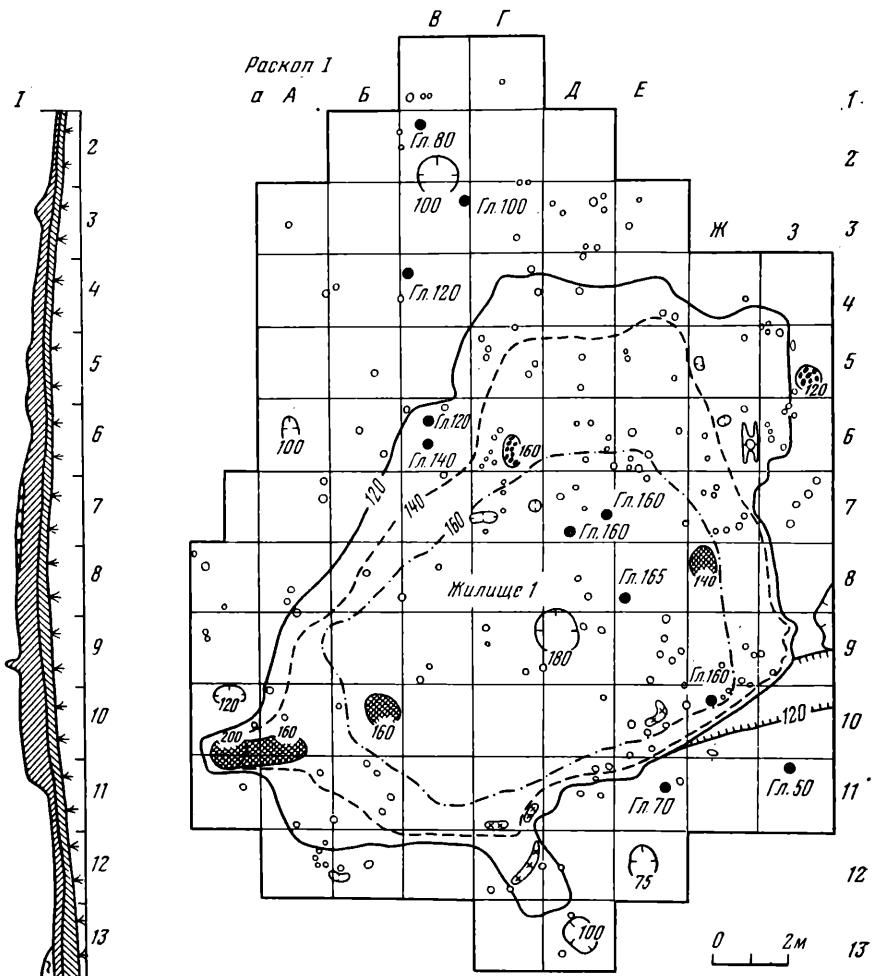
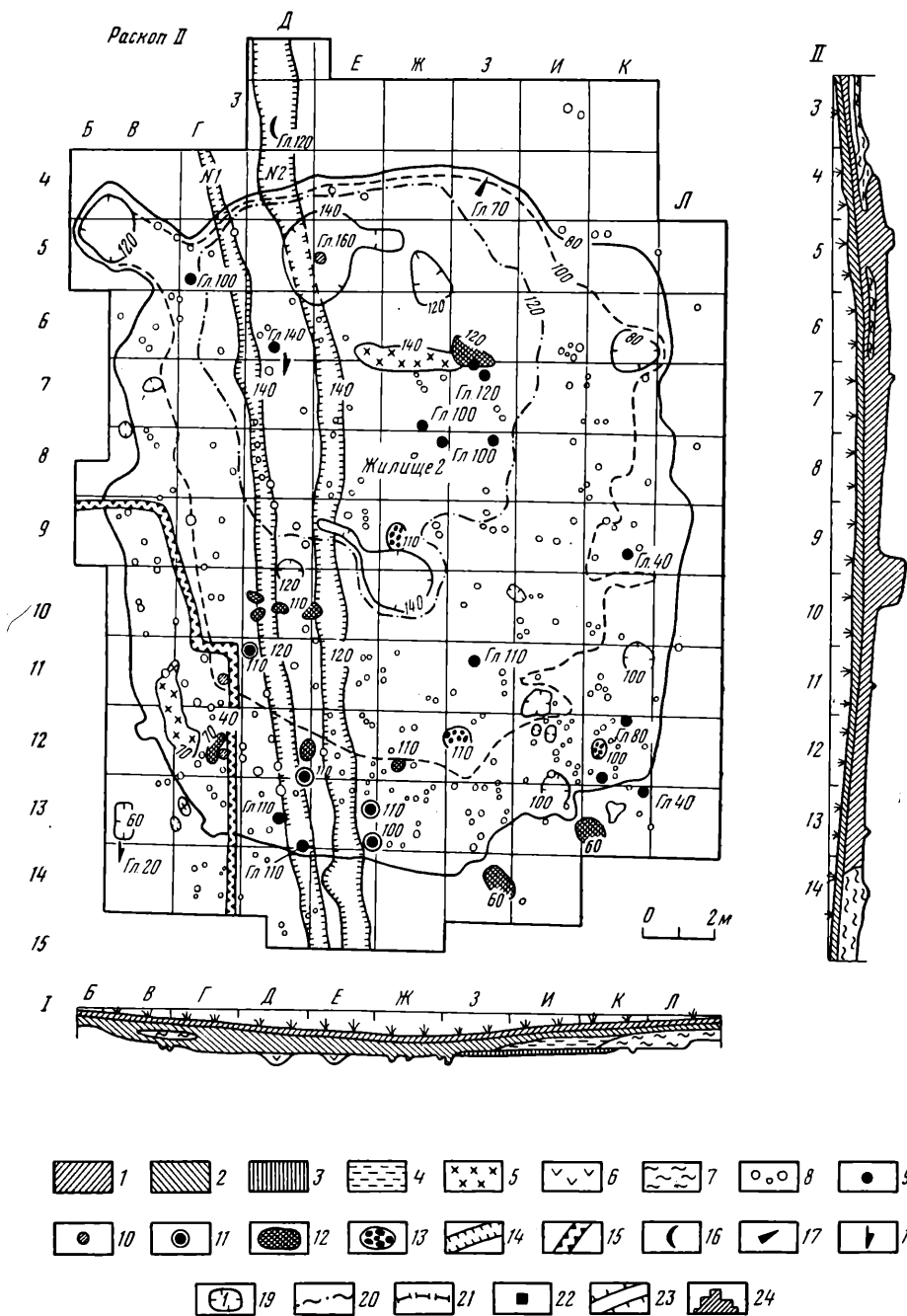

Рис. 1. Поселение Камышное II

Раскоп I: I — разрез восточной стенки участков Г/2-13, II — разрез северной стенки участков а-3/8
 Раскоп II: I — разрез южной стенки участков В-Л/6, II — разрез западной стенки участков Ж/3-14,
 внизу слева — план поселения

1 — дери; 2 — темная супесь; 3 — плотная темная супесь; 4 — суглинок с землей; 5 — углистые прослойки и пятна; 6 — заполнение ранних канав; 7 — зола; 8 — столбовая ямка; 9 — раздавленные сосуды группы III; 10 — раздавленные сосуды группы IV; 11 — ямы с сосудами; 12 — пятна прокала; 13 — очаги на кирпичиках; 14 — очертания ранних канав; 15 — углистая полоса; 16 — серы; 17 — нож; 18 — шило; 19 — очертания жилищ на поверхности; 20 — граница распространения находок на шашве; 21 — предполагаемая граница наиболее раннего поселения; 22 — шурф; 23 — насыпь вала; 24 — раскопы, траншеи

по размерам и глубине, находок не содержат. Ямки от столбов, преобладающая часть которых имеет диаметр 15—25 см и глубину 10—15 см, сосредоточены в основном вдоль стенок и в центре жилища. Однако четкой системы в их расположении не наблюдается, что затрудняет реконструкцию наземной части жилища.

У юго-восточного угла жилища обнаружена канава длиной 6 м, шириной 1,4 м, глубиной от уровня подстилающего грунта 0,8 м, заполнение которой состоит из золы и плотной золистой супеси с большим количеством костей животных и мелких фрагментов керамики.

Канава вырыта до постройки жилища, так как котлован жилища срезает ее западную часть. Восточный конец уходит в стенку раскопа и не прослежен до конца.

Жилище 2 (рис. 1) представляет собой полуземлянку овальной, близкой к прямоугольной формы, длиной 20 м, шириной 16,5 м, глубиной от уровня материка 0,3—0,8 м. Пол неровный, северная половина на 0,3—0,4 м глубже южной. Поперечные стенки — вертикальные, продольные — слегка наклонные.

В северо-западном углу жилища прослежен выход длиной 3 м, шириной 1,6—2 м, обращенный к центральной площадке поселения. В конце выхода обнаружена яма, никак с ним не связанная, заполнение которой из золы и углистой супеси отличается от черноземного заполнения самого выхода. На полу жилища зачищено 10 очагов и 19 хозяйственных ям. Очаги двух типов: в виде пятен прокала размерами 0,3—0,8×0,4—1,2 м, толщиной 6—10 см, и выложенные из крупных округлых кирпичей, образующих вымостку диаметром 0,6—0,8 м. Хозяйственные ямы также двух типов: большие диаметром 1,5—2,5 м, глубиной 0,4—0,7 м, в заполнении которых встречены кости животных, обломки керамики и орудий труда; небольшие диаметром 0,3—0,5 м, глубиной 0,2—0,3 м, сосредоточенные в южной, менее углубленной части жилища и предназначенные для установления в них крупных сосудов, по всей вероятности с запасами продуктов.

В пределах жилищного котлована зафиксировано 290 ямок от столбов диаметром от 10 до 30 см, глубиной от 6 до 40 см. Среди них выделяется пять неровных параллельных рядов из 18—22 столбов каждый, расположенных вдоль жилища: первые два — на расстоянии 1,5 и 4 м от западной стенки, третий — почти в центре, четвертый и пятый — соответственно на расстоянии 3,5—4 м и 1,5—2 м от восточной стенки. По-видимому, перекрытие большей по площади полуземлянки представляло собой двускатную кровлю, опирающуюся на пять продольных рядов опорных столбов.

Под полом жилища 2 и за его пределами на протяжении 26 м прослежены две параллельные канавы на расстоянии 1—1,5 м друг от друга. В пределах жилищ верхняя часть канав была срезана его котлованом. За пределами котлована, на уровне материка, ширина канавы 1 равна 0,4—0,8 м, глубина — 1—1,1 м; ширина канавы 2 составляет 0,8—1,2 м, глубина — 1,2—1,4 м. Стенки канав наклонены так, что в разрезе они имеют конусовидную форму. Стратиграфическое положение канав свидетельствует об их использовании задолго до сооружения жилища: 1) заполнение канавы 1 из серо-коричневой супеси и 2 — из золы и золистой супеси с пятнами прокала резко отличается от темного гумусированного заполнения жилища; 2) в профилях четко просматривается линия пола жилища, которым была уничтожена верхняя часть канав. Канава 2 по размерам и заполнению совершенно одинакова с канавой из раскопа I. Вполне возможно, что они представляют собой единое сооружение типа рва.

Кроме описанных конструкций, в юго-западном углу раскопа II на глубине 20—25 см от поверхности зафиксирована полоса с углистым заполнением шириной 20—25 см, глубиной до 20 см. Исследованная часть

ее образует прямой угол с уступом. По всей вероятности, это остатки более позднего по сравнению с жилищем 2 наземного сооружения, стены которого представляли собой плотно поставленные, вертикально врытые столбы. На участках, ограниченных углистой полосой, на глубине 40—60 см от поверхности обнаружены очаг в виде пятна прокала размерами 0,6×0,4 м с развалом сосуда и большие бесформенные пятна углистой супеси.

Разрез вала показал, что насыпь мощностью 10—65 см, сложенная из темно-серой супеси с вкраплениями глины, песка и угольков, покоится на культурных напластованиях из золы и золистой супеси толщиной 40—50 см. Эти напластования содержат керамику, аналогичную керамике со дна жилищ 1 и 2.

Таким образом, стратиграфические наблюдения позволяют выделить на поселении Камышное II три строительных горизонта. К первому относятся канавы на раскопах I и II, ко второму — обе исследованные полуземлянки, к третьему — часть наземного сооружения в раскопе II, а также вал.

Вещественные остатки (5514 находок) представлены керамикой и довольно разнообразными предметами. К числу последних относятся изделия из бронзы (два однолезвийных ножа, серп, шило, конец желобчатого браслета с завитком, скрепка, проволока), камня (мотыга, два наконечника стрел, обломки пестов, точильные плитки, обломок зернотерки, более 20 лоуил из галек и отщепов), глины (около 300 обломков кирпичиков, пряслица, кружочки, фрагмент льячки, стерженьки) и кости (обломки тупиков, мелкие поделки).

Керамика представлена 4972 фрагментами, которые принадлежат не менее чем 600 сосудам¹. Выделяется четыре группы керамики.

Группа I представлена только мелкими фрагментами (366 единиц, в том числе 151 венчик², которые составляют 35% фрагментов, включенных в обработку). Сюда входят обломки сосудов горшечной и баночной форм сравнительно хорошего обжига, с гладко обработанной, часто залощенной поверхностью. В глине в качестве примеси использовался либо только шамот (40,7%), либо шамот с песком (27,7%), тальком (24,8%) или дресвой (7,3%). Орнамент украшает шейку, плечики, реже придонную часть. Узоры большинства сосудов (65%) выполнены резным способом, остальных (35%) — гребенчатым штампом. Представление о форме посуды дают лишь 70 черепков, по которым восстанавливаются сосуды следующих форм:

1) Горшки с уступчиком на плечиках и округлым, иногда плоским венчиком, орнаментированные горизонтальными линиями, рядами прерывающихся зигзагов, наклонных линий, насечек, уголков, зигзагами из протращенной гребенки, реже — заштрихованными треугольниками, ромбами, меандром — 33 экз. (рис. 2, 5, 8). Это сосуды, идентичные керамике Алакульского могильника³.

2) Горшки остророберные с хорошо выраженной, отклоненной наружу шейкой и, как правило, плоским венчиком — 23 экз. Орнамент нанесен более грубо и небрежно, чем у остальных сосудов группы, часто асимметрично. Основные элементы орнамента — заштрихованные треугольники без оснований, треугольники с поперечной штриховкой, просто штриховые треугольники, ряды насечек, вертикальная «елка» (рис. 2, 16, 17, 20, 26). Подобная керамика встречена на срубных памятниках Поволжья⁴ и Приуралья⁵. Некоторое сходство наблюдается и с керамикой петровского типа в Северном Казахстане⁶.

3) Горшки с плавным переходом от шейки к тулову, со слабо раздутыми боками и округлым венчиком — 11 экз. Они имеют заглаженную до лощения поверхность и украшены нарядным узором, выполненным мелкогребенчатым штампом (рис. 2, 9, 12, 13). Аналогии им известны среди керамики Федоровского могильника близ г. Челябинска⁷.

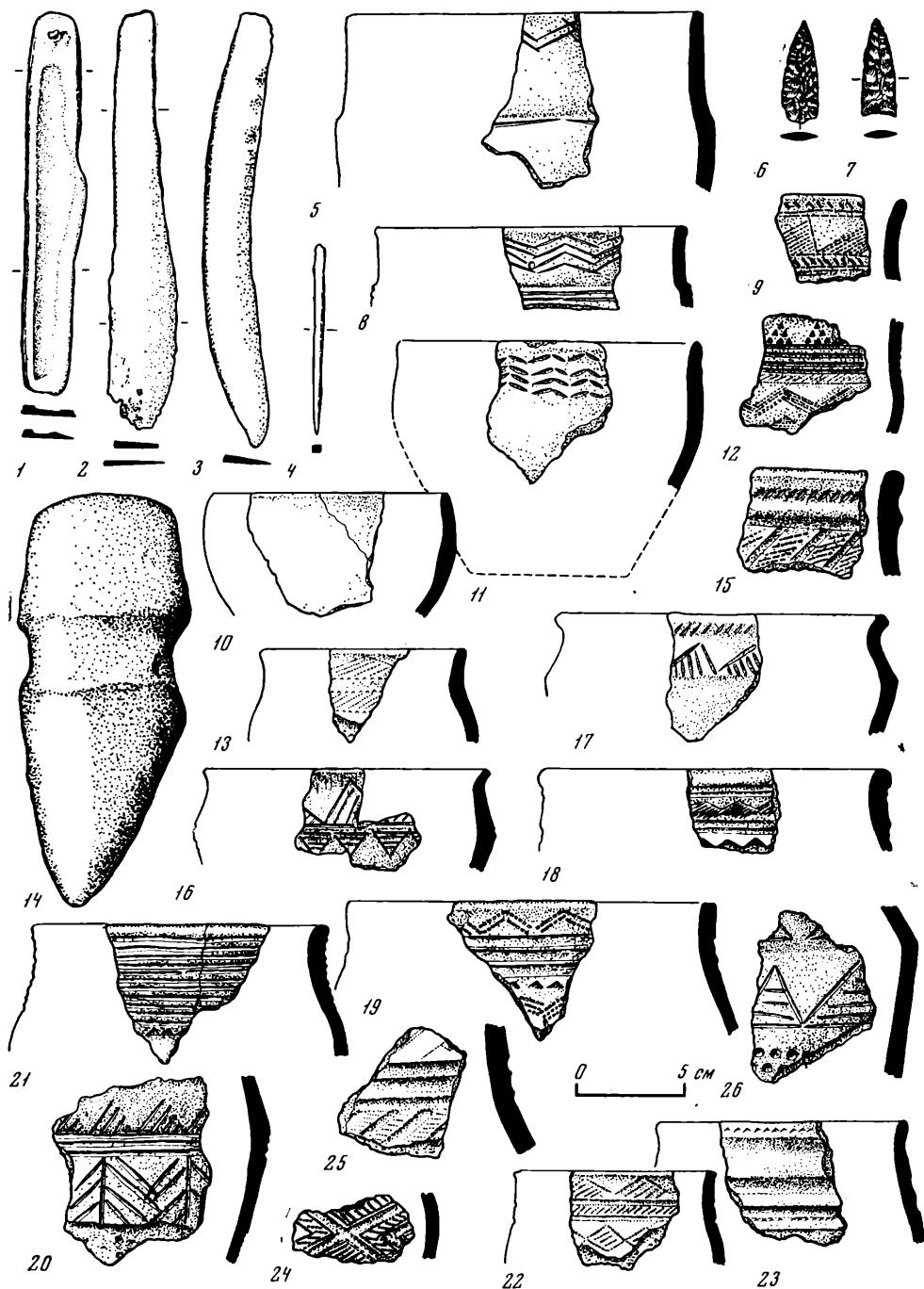

Рис. 2. Поселение Камышное II. Вещи и керамика

1, 2 — ножи (бронза); 3 — серп (бронза); 4 — шило (бронза); 6, 7 — наконечники стрел (камень); 14 — мотыга (камень); 5, 8—13, 16, 17, 20, 26 — керамика группы I; 15, 18, 19, 21—25 — керамика группы II

4) Сосуды баночной формы с округлым или уплощенным венчиком, орнаментированные по верхней части шейки или вообще без орнамента — 4 экз. (рис. 2, 10, 11).

К группе II отнесены нарядные горшки с округлым, слегка утолщенным венчиком, прямой или наклоненной вовнутрь шейкой, плавно переходя-

дящей в округлые бока, — 112 экз. (в том числе 45 венчиков), что составляет 10,6% керамики поселения. Керамика также сильно измельчена. В глиняном тесте большая примесь талька. Орнамент покрывает сплошь верхнюю половину сосудов. Узоры по шейке состоят из рядов желобков, дополненных рядом насечек, решеточки, зигзага, штриховых треугольников, ромбов; по плечикам — из наклонных и зигзагообразных полос с поперечной штриховкой, обрамленных неглубокими залощенными желобками. Аналогичная керамика известна в материалах памятников черкаскульской культуры (черкаскульского этапа) верховья Исети⁸.

В группу III выделены плоскодонные сосуды с короткой, слегка отогнутой шейкой, плавно переходящей в раздутые бока, — 453 экз. (в том числе 334 венчика), которые составляют 51% керамики поселения, включенной в обработку. В качестве отошующей примеси к глине примешаны крупнотолченый шамот (70%), шамот с песком (15%), дресва (7%), растительные примеси (2—3%). Орнамент почти исключительно резной. Гребенчатым штампом нанесено 8% узоров. У 43 сосудов (13%) нижняя часть шейки украшена валиками, преимущественно формованными. В отличие от керамики первых двух групп, посуда группы III представлена крупными фрагментами и раздавленными сосудами, из которых 20 восстановлены почти полностью, а 114 поддаются графической реконструкции.

По ряду признаков (форме венчиков, обработке поверхности, характеру орнаментации) посуда этой группы подразделяется на два типа.

Тип I (244 обломка, или 45,7% керамики группы) — сосуды с округлым или слегка приостренным венчиком, гладко обработанной поверхностью (внешней и внутренней) и сравнительно богатой орнаментацией. Ряды насечек, «елочки», прерывающихся зигзагов сплошь украшают шейку и плечики. В нижней части шейки обычен ряд двойных каплевидных ямок (рис. 3, 1—5). Эта посуда имеет сходство с керамикой лесных памятников межовского⁹ и ерзовского¹⁰ типов. В Притоболье она найдена на Замараевском¹¹ и Язевском¹² поселениях.

Тип II (289 фрагментов, или 54,3% керамики группы) — горшки более грубой выделки и бедно орнаментированные. Поверхность многих сосудов неровная, бугристая, у некоторых (25%) заглажена щепой или травой. Узкий пояс орнамента из ряда насечек, «елочки», ромбической сетки располагается только по верхней части шейки или плечикам (рис. 3, 6, 12). Около 40% сосудов вообще не орнаментированы. Своеобразна форма венчика — заостренная с утолщением типа воротничка по верхней части шейки (25% сосудов; рис. 3, 7—9, 11). Почти тождественная керамика известна в Притоболье и Северном Казахстане в комплексах эпохи бронзы на поселениях Язево, Алексеевское¹³, Перелески II¹⁴, Явленка¹⁵, Новоникольское I¹⁶ и других.

Группу IV керамики составляют круглодонные сосуды с примесью талька в тесте — 36 экз. (3,4% керамики поселения), в том числе 5 раздавленных сосудов. Венчики в большинстве случаев плоские, часто орнаментированы насечками по краю. Орнамент более чем у половины сосудов состоит из рядов насечек или наклонно поставленных отрисков гладкого и гребенчатого штампа по шейке или плечикам (рис. 3, 13, 14). Керамика этой группы близка посуде с поселений раннего железного века лесостепного Зауралья¹⁷.

Группы керамики, выделенные на поселении Камышное II, достаточно четко расчлняются стратиграфически и планиграфически, что позволяет связать каждую из них с отдельными выявленными сооружениями, а следовательно, и с определенным этапом заселения памятника.

Керамика группы I всех четырех типов содержится в непотревоженном поздними перекопами заполнении канав, преимущественно в канаве 2 на раскопе II. Так как канавы по данным стратиграфии являются наиболее ранними из исследованных сооружений, керамику группы I можно считать самой ранней на поселении. Это заключение подтверждается и положением

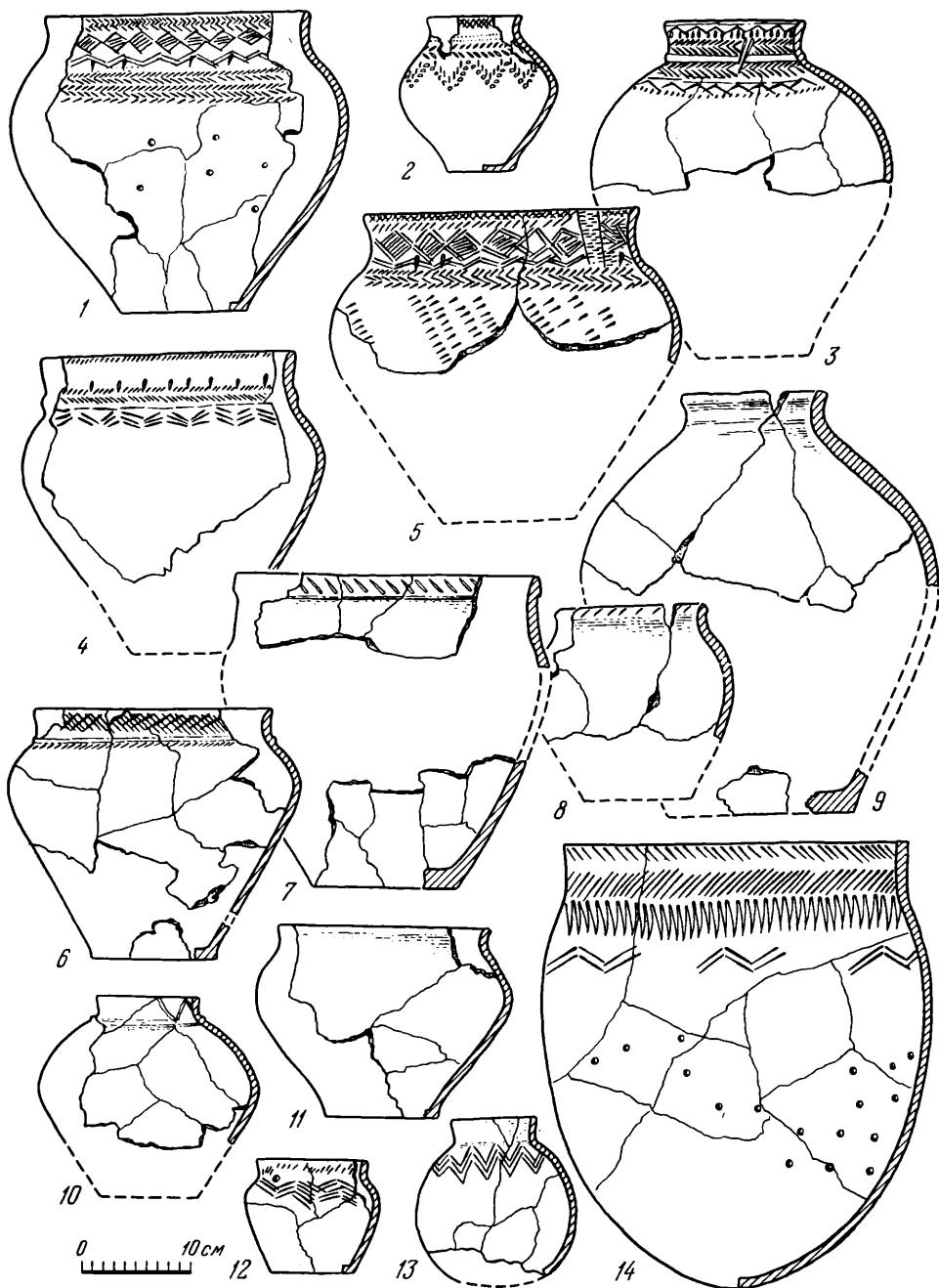

Рис. 3. Поселение Камышное II. Керамика
 1—12 — сосуды группы III; 13, 14 — сосуды группы IV

ее в культурном слое памятника на всех вскрытых участках. На раскопах I и II она концентрируется преимущественно за пределами жилищных котлованов в нижних горизонтах. Важно отметить, что на раскопе I керамика группы I численно преобладает над керамикой группы III, а на раскопе II первая составляет менее половины второй.

Посуда группы III является основной в заполнении жилищ 1 и 2 и преобладает в верхних слоях за их пределами. При этом сосуды обеих

типов встречаются совместно, в том числе и на полу жилищ в крупных фрагментах и развалах.

Керамика группы IV обнаружена только на раскопе II и в траншее 1. Она сосредоточена в юго-западном углу раскопа на участках, ограниченных углистой полосой, и несомненно связана с последним строительным горизонтом — наземным сооружением и валом.

Остается неясным положение в культурном слое керамики группы II. Она почти равномерно распределяется на площади обоих раскопов, преимущественно в верхних горизонтах. Но ее совершенно нет в ранних канавах, и она единична на полу жилищ. Это дает основание полагать, что черкаскульская керамика занимает во времени промежуточное положение между керамикой групп I и III. Не исключено, что она связана с каким-то четвертым, не выявленным раскопами культурным горизонтом.

Для установления абсолютной даты выделенных групп керамики у нас недостаточно данных — всего несколько бронзовых изделий. Время керамики группы I определяет бронзовый слабоизогнутый серп (рис. 2, 3), найденный на дне канавы 2 вместе с алакульской керамикой и большим (24 см) куском бронзовой прямоугольной в сечении проволоки. Такой же серп найден на однослойном алакульском поселении Черняки III вместе с плоским обоюдоострым медным ножом листовидной формы, по которому для поселения Черняки III устанавливается дата — третья четверть II тысячелетия до н. э. (XV—XIII вв.)¹⁸.

Относительно датировки черкаскульской керамики нет единого мнения¹⁹. Стратиграфическая позиция керамики черкаскульского типа на поселении Камышное II позволяет предположить для нее дату более позднюю, чем для керамики группы I.

Из находок в комплексе с керамикой группы III заслуживают внимания два бронзовых однолезвийных ножа (рис. 2, 1, 2), бронзовое четырехгранное шило (рис. 2, 4), каменные наконечники стрел (рис. 2, 6, 7). Бронзовые ножи, аналогичные нашему, — с прямой спинкой, четко выделенной рукоятью с отверстием на конце (рис. 2, 1) — хорошо представлены на поселениях поздней бронзы в Казахстане²⁰ и Средней Азии²¹, где они датируются концом II — началом I тысячелетия до н. э. Четырехгранные шилья с заостренным рабочим концом и уплощенным противоположным краем получают широкое распространение в конце II тысячелетия до н. э.²² Каменные наконечники стрел треугольной формы с обработанной плоской ретушью поверхностью и уплощенным основанием имеют аналогии в комплексах поздней бронзы лесной зоны, где для них устанавливается дата XII—XI вв. до н. э.²³ Таким образом, для керамики группы III может быть предложена дата в пределах XII—XI вв. до н. э.

Судя по полученным данным, в период первого заселения (XV—XIII вв. до н. э.) поселение располагалось в основном вдоль р. Черная (здесь культурный слой более всего насыщен керамикой группы I) и частично занимало центральную часть мыса. Граница раннего поселения может быть определена по канавам на раскопах I и II. Они ограничивали его площадку размерами около 14 000 кв. м и, очевидно, играли роль оборонительного сооружения. На втором этапе (XII—IX вв. до н. э.) территория поселения увеличилась в два раза (до 30 000 кв. м) и заняла почти весь мыс. В это время были сооружены 12—13 жилищ, от которых сохранились обширные и глубокие впадины на поверхности. В период третьего заселения (вторая половина I тысячелетия до н. э.) поселение располагалось на восточной окраине (возможно, и в центре) мыса, ближе к логу. С наиболее открытой стороны между старицей и логом был сооружен вал высотой 1—1,5 м. Поселение раннего железного века было недолговременным — слишком мал процент керамики этого времени и тонок культурный слой, в котором она встречается.

По топографии, характеру культурных остатков и последовательности их отложения поселение Камышное II очень близко другим многослойным

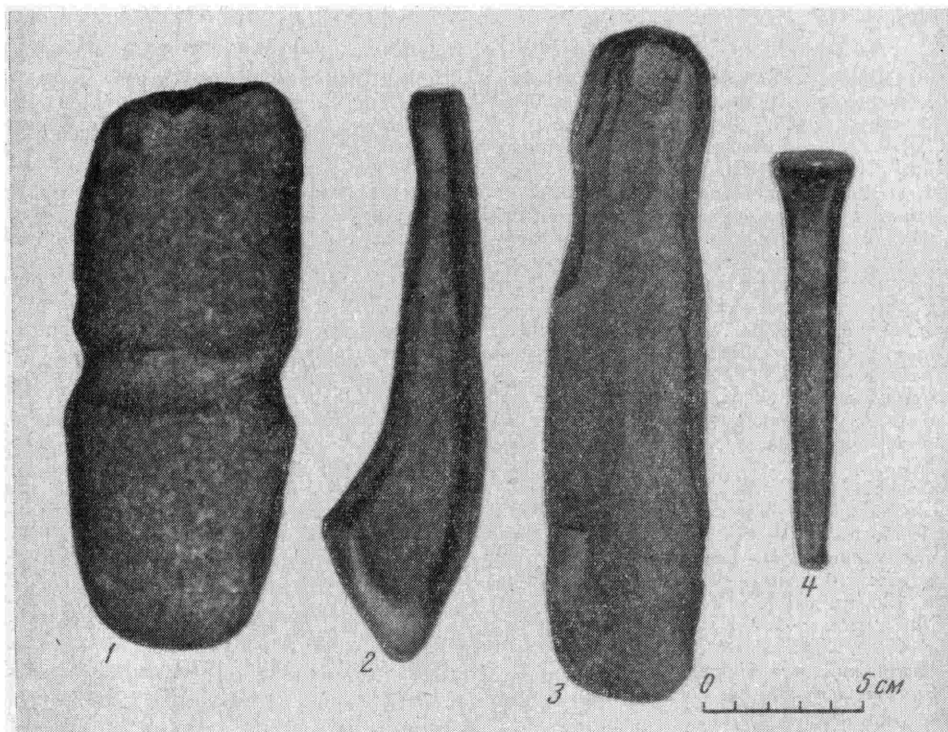
поселениям Притоболья и Северного Казахстана: Язевое, Алексеевское, Явленка, Новоникольское I, Петровка II и др. Остатки оборонительных сооружений из рвов и валов открыты и достаточно хорошо изучены на поселениях Новоникольское I и Петровка II²⁴. В обоих случаях они связаны с керамикой остросереберной (петровского типа) и алакульской. Обширные, довольно глубокие полуземлянки с более низкой одной половиной и угловыми выходами на всех упомянутых поселениях относятся к поздней бронзе. При этом следует отметить большое сходство керамики того времени на всех этих памятниках.

- ¹ При подсчете количества сосудов учитывались только венчики и очень крупные стенки подбирающихся сосудов.
- ² Здесь и далее при указании количества венчиков принимаются во внимание только венчики от разных сосудов.
- ³ Сальников К. В. Курганы на оз. Алакуль. — МИА, № 24, 1952, с. 64, рис. 9.
- ⁴ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, № 46, 1955, с. 35, рис. 7, 6, 7; Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Зауралья. — МИА, № 42, 1954, с. 63, рис. 11, 1; с. 97, рис. 25, 21, 23.
- ⁵ Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 200, рис. 26, 16—18; с. 202, рис. 27, 5.
- ⁶ Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области. — ВАУ, вып. 12. Свердловск, 1973, с. 26, рис. 2, 4, 6, 8, 12.
- ⁷ Сальников К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области. — МИА, № 1, 1940, с. 63, табл. 1, 2, 3, 7, 9, 11.
- ⁸ Сальников К. В. Очерки древней истории. . ., с. 356—358, рис. 57, 1—10.
- ⁹ Сальников К. В. Очерки древней истории. . ., с. 359, рис. 59.
- ¹⁰ Денисов В. П. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры. — Труды IV Уральского археологического совещания (Уч. зап. Пермского государственного университета, № 148, 1947), с. 37—38, рис. 2, 1, 6.
- ¹¹ Сальников К. В. Замараевское селище. — В кн.: I Уральское археологическое совещание. Пермь, 1948, с. 44—46.
- ¹² Раскопки Т. М. Потемкиной 1968—1971 гг.
- ¹³ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. — Труды ГИМ, т. XVII, 1947, с. 135, рис. 56, 7, 10, 12—25; 59, 13—19.
- ¹⁴ Евдокимов В. В. Раскопки в зоне Верхне-Тобольского водохранилища. — АО 1970 г. М., 1971, с. 207.
- ¹⁵ Зданович Г. Б. Поселение Явленка I — памятник эпохи бронзы Северного Казахстана. — Сб.: Из истории Сибири, VII. Томск, 1973, с. 47—49, рис. 3, 1—8.
- ¹⁶ Зданович Г. Б. Стратиграфия поселения Новоникольское I. — Сб.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 122—123, рис. 5.
- ¹⁷ Сальников К. В. Городище Чудаки Челябинской области по раскопкам 1937 года. — СА, IX, 1947, с. 225, рис. 4, 5; Стоянов В. Е., Ширяев А. Г. Селище Речкино I. — ВАУ, вып. 6. Свердловск, 1964, с. 76, табл. I; II, 1—4.
- ¹⁸ Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, с. 36—38, рис. 6, 1, 3; с. 130.
- ¹⁹ Сальников К. В. Очерки древней истории. . ., с. 316—326; Стоколос В. С. Культура населения. . ., с. 93—95.
- ²⁰ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник, с. 95, рис. 27, 1; Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, № 88, 1960, табл. XXXVI, 1.
- ²¹ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия неолита и бронзового века в Средней Азии. — САИ, вып. В4-9, 1966, с. 48, табл. X, 19, 20.
- ²² Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. — МИА, № 90, 1960, с. 80; Кузьмина Е. Е. Металлические изделия. . ., с. 65.
- ²³ Халиков А. Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры. — Труды IV Уральского археологического совещания (Уч. зап. Пермского государственного университета, № 148, 1947), рис. 1, 116—118; Голдина Р. Д. Городище Кучум-Гора. — ВАУ, вып. 8. Свердловск, 1969, с. 152.
- ²⁴ Зданович Г. Б. Стратиграфия поселения. . ., с. 117, рис. 1; с. 125—127; Зданович Г. Б., Зданович С. Я., Зайберт В. Ф. Работы в Северном Казахстане. — АО 1971 г. М., 1972, с. 496.

Ю. С. ГРИШИН

О НЕКОТОРЫХ ОРУДИЯХ
ДРЕВНЕЙШЕГО ГОРНОГО ДЕЛА ИЗ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Еще в XIX и начале XX в. исследователи отмечали древние разработки металлических руд в некоторых районах Забайкалья¹. К сожалению, они ограничивались лишь описанием древних рудников и упоминанием о найденных в них орудиях. Сохранился лишь очень схематичный рисунок костяного кинжаловидного остря, изображений других орудий нет. Острие было обнаружено на древней золоторазработке в Северо-Ильдиканской долине. Своей формой оно в известной мере напоминает кинжаловидные орудия (хотя имеет и двустороннее лезвие), находимые в глазковских погребениях и плиточных могилах², т. е. в памятниках бронзового и раннего железного веков с середины II тысячелетия до н. э. По всей видимости, такие орудия применялись в древнейшем горном деле, так же как и костяные остря из рудников эпохи бронзы в Казахстане³. А. Павлуцкий сообщал о находках в забайкальских древних рудных коях инструментов из твердых пород камня или литой меди, но не из железа⁴. Они, видимо, относятся к древнейшим памятникам горнорудного дела.

Орудия древнейшего горного дела из Забайкалья

1—3 — камень; 4 — бронза

Действительно, целый ряд каменных и бронзовых орудий из Забайкалья можно, вероятно, связывать с памятниками древнейшего горного дела бронзового и раннего железного веков. В Читинском областном музее хранится массивный продолговатый округлый в сечении каменный молот с опоясывающим его посредине углубленным желобком (рис., 1)⁵. Подобные орудия находят в рудниках бронзового и раннего железного веков в Туве и Восточном Казахстане, где они, видимо, использовались для отбивания руды в забое, забивания клиньев⁶ и дробления руды.

Из древней золоторазработки в Восточном Забайкалье происходит каменное топоровидное орудие с расширенным лезвием. Его сечение овально. Орудие постепенно утолщается к обушной части (рис., 2)⁷. Подобные инструменты употреблялись в рудниках бронзового и раннего железного веков Тувы в качестве кайл для откалывания кусков руды от вмещающей породы⁸. Орудия такого же типа появились в Забайкалье довольно рано: они встречены на стоянке позднего неолита и ранней бронзы (конец III—середина II тысячелетия до н. э.) у пос. Будалан на левом берегу р. Онон⁹.

На древней медеплавильне позднего бронзового и раннего железного веков в пади Карымской близ пос. Усть-Иля на правом берегу Онона был найден большой овальный в сечении каменный пест, подработанный подтеской, со следами ударов на одном конце и заглаженности — на другом (рис., 3)¹⁰. По-видимому, его применяли для дробления руды, как и в древней Туве¹¹.

Наконец, на р. Джиде в Западном Забайкалье найдено узкое бронзовое клиновидное орудие, имеющее в сечении квадратную форму со срезанными углами (рис., 4)¹². В отличие от похожих широко распространенных сибирских бронзовых долот карасук-тагарского времени¹³, оно имеет втулки. Такие орудия С. С. Черников склонен считать кайлами, употреблявшимися горняками эпохи бронзы¹⁴. По своему облику это орудие очень напоминает железные клинья, применявшиеся при добыче металлических минералов в рудниках древней Греции¹⁵.

¹ Озерский А. Очерк геологии минеральных богатств и горного промысла Забайкалья, СПб., 1867, с. 44; Генинг В. Горная история. — Горный журнал, кн. XI, ч. III, 1828, с. 102; Павлуцкий А. Краткое описание так называемых чудских древностей, имеющих вблизи Кличкинского серебряно-свинцового рудника с указанием нахождения их и в других местах Нерченского Горного округа. — ЭСОРГО, кн. IX—X, 1867, с. 478; Артемьев Б. Н. Новые данные об Ононском оловорудном районе. — ВГК, 1925, № 1, с. 39.

² Павлуцкий А. Краткое описание... с. 507; Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III, М.—Л., 1955, с. 107—108, рис. 41; Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья. — Труды ОИПК ГЭ, 1, 1941, с. 285—286, рис. 15; 2.

³ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, № 88, 1960, с. 126, табл. LXXIV, 2, 3.

⁴ Павлуцкий А. Краткое описание... с. 477.

⁵ Читинский музей, инв. № 4948.

⁶ Сунчугашев Я. И. Горное дело и вы-

плавка металлов в древней Туве. — МИА, № 149, 1969, с. 67, рис. 6; Черников С. С. Восточный Казахстан..., табл. III, 1; XXV, 2.

⁷ Читинский музей, инв. № 879.

⁸ Сунчугашев Я. И. Горное дело... с. 68, рис. 14.

⁹ Гришин Ю. С. Стоянка Будалан в Восточном Забайкалье. — Сб.: Новое в советской археологии (МИА, № 130). М., 1965, с. 70—72.

¹⁰ Гришин Ю. С. Поселения эпохи бронзы и раннего железа на Ононе. — Сб.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 318.

¹¹ Сунчугашев Я. И. Горное дело... с. 68.

¹² Кяхтинский музей, инв. № 3214.

¹³ Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. — САИ, ВЗ-12, 1971, с. 22—23.

¹⁴ Черников С. С. Восточный Казахстан..., с. 82.

¹⁵ Шмидт Р. В. Очерки по истории горного дела и металлообработывающего производства в античной Греции. — ИГАИМК, 108, 1935, с. 240—241, рис. 2.

Ю. И. ТРИФОНОВ

НОВЫЙ ТИП ПАМЯТНИКОВ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ТУВЕ

В 1967—1968 гг. Пятый отряд Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР, проводивший работы в зоне будущего водохранилища Саянской ГЭС в Центральной Туве, исследовал два своеобразных объекта на восточном участке могильника Аргалыкты I¹. На поверхности они выглядели случайным скоплением единичных мелких камней, разрозненных и бессистемных (рис. 1, 1). После расчистки выявились два смежных каменных сооружения округлой в плане формы, расположенных по линии юго-запад—северо-восток (рис. 1, 2).

Даже до разборки развала было заметно, что сооружения представляли собой весьма сходные, хотя и несколько различающиеся по размерам, постройки, состоящие как бы из двух частей: внешней — в виде развалившейся кольцевидной ограды и внутренней — непонятной, как казалось вначале, конструкции, образованной преимущественно рядами горизонтально уложенных плит.

Эти конструкции носили следы явного нарушения: в центре одной из них (курган 16) мелкие и средние по величине обломки камней находились в хаотическом состоянии, перемежаясь почти по всей площади с крупными плитами, торчащими наклонно внутрь сооружения; в середине другой (курган 17) было обнаружено потревоженное захоронение человека, оказавшееся впускным в основную постройку (рис. 2, 5—8). Судя по сохранившимся *in situ* костям ног, первоначальное положение погребенного (женщина около 30 лет)² — очевидно, вытянутое на спине, ориентировка — головой на юг — юго-запад. Инвентарь — глиняный сосуд баночной формы (1³; рис. 5, 3) и костяная бусинка (2; рис. 5, 18). В соседнем кургане в пределах наземного сооружения зафиксированы мелкие невыразительные фрагменты керамики (1—3).

После удаления камней развала в центре каждого объекта отчетливо обозначилось по одной правильной выкладке из горизонтально лежащих, плотно подогнанных плит. В кургане 16 выкладка имела форму несомкнутого кольца (рис. 2, 2, 3), в кургане 17 — сплошного кольцевидного овала (рис. 2, 6, 7). С юго-восточной стороны к выкладкам примыкали вертикально стоящие, слегка углубленные в землю плиты, образующие две невысокие и короткие почти параллельные стенки. Между стенками и частично за ними находилось заполнение из мелкого камня. После его удаления у основания стенок обнаружены однослойные вымостки из тщательно уложенного плитняка — своего рода пол этих своеобразных ворот, или «входа», в центральную конструкцию (рис. 2, 2—4, 6, 8). Выкладки, к которым примыкали вымостки, не имели, как оказалось, самостоятельного значения, а являлись верхним слоем этих конструкций. Нижняя часть последних была заключена в грунтовые ямы и представляла собой внутримогильные каменные сооружения.

Погребальные сооружения выглядели массивными цилиндрическими камерами, имевшими в плане точно такие же очертания, как и их верхняя

Рис. 1. Могильник Аргалыкты I. Курганы 16, 17
1 — план до расчистки; 2 — после расчистки

часть — «выкладки» (рис. 3, 1, 3). В землю они были углублены в среднем на 1 м (рис. 2, 4, 8). Стенки камеры сложены из крупного плитняка, кладка их плотная, однорядная. В камере кургана 17 все плиты уложены плашмя (рис. 3, 4), в соседней, более просторной камере, в основании стен — крупные обработанные блоки, поставленные вертикально на продольные грани (рис. 3, 2). Внутренняя сторона камер выровнена более тщательно, чем внешняя. Пол в обеих постройках выложен сплошным слоем плитняка.

Какова была наземная часть этих сооружений, сказать трудно, так как и в том, и в другом объектах она сильно разрушена (рис. 2, 4, 8). Несомненно, однако, что в перекрытия камер входили крупные плиты. По-видимому, они укладывались поверх камеры после ее засыпки, но не исключено, что камеры первоначально и не засыпались. В таком случае для перекрытия могли использоваться деревянные плахи (сейчас не сохранившиеся), на которые помещались плиты, тем более, что система кладки плит в стенках самой камеры, напоминающая принцип укладки ложного свода, способствовала уменьшению площади постройки в ее наземной части. Возможно также, что наземная часть камеры за счет увеличения количества слоев стенок выступала на поверхности в виде невысокого куполообразного сооружения с плоской вершиной из крупных плит.

Трудно судить окончательно и о внешней конструкции объектов, представшей после расчистки в виде развалившейся ограды, отстоящей от центральной постройки на расстоянии до 1 м (рис. 2, 1, 5). Если это была действительно ограда, хотя бесспорной ее основы ни в одном из памятников не зафиксировано, то первоначально она могла состоять не более чем из двух-трех рядов средних по величине камней, сложенных в два-три слоя. Не исключено, однако, что внешняя конструкция сооружений была иной.

Погребения, обнаруженные в камерах, отличались одно от другого по сохранности и количеству погребенных: в кургане 16 находилось не менее трех человек⁴, в кургане 17 — двое. О положении и ориентировке первых судить невозможно ввиду полной перемешанности костей. Многие из них отсутствуют, так же как, очевидно, и вещи⁵.

Инвентарь, сохранившийся в кургане 16, представлен следующими предметами:

Керамика⁶: сосуд баночной формы с одним выступом-«ручкой» (1; рис. 5, 2)⁷; кувшиновидный орнаментированный сосуд (2; рис. 5, 1)⁸. Железные изделия: петельчатый нож (5; рис. 5, 20), обломок ножа (6; рис. 5, 19), уплощенное кольцо (7; рис. 5, 13), четырехгранный в сечении стержень с остатками деревянной рукоятки (8; рис. 5, 9), фрагмент подобного же предмета (9; рис. 5, 10), фрагмент округлого в сечении стержня (10; рис. 5, 11). Раковина каури (4; рис. 5, 7).

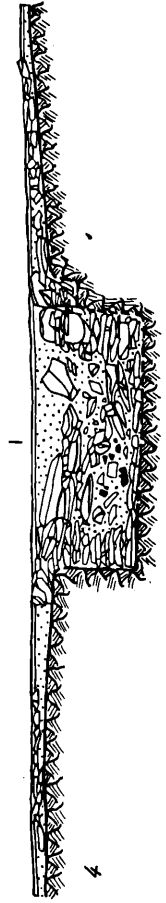
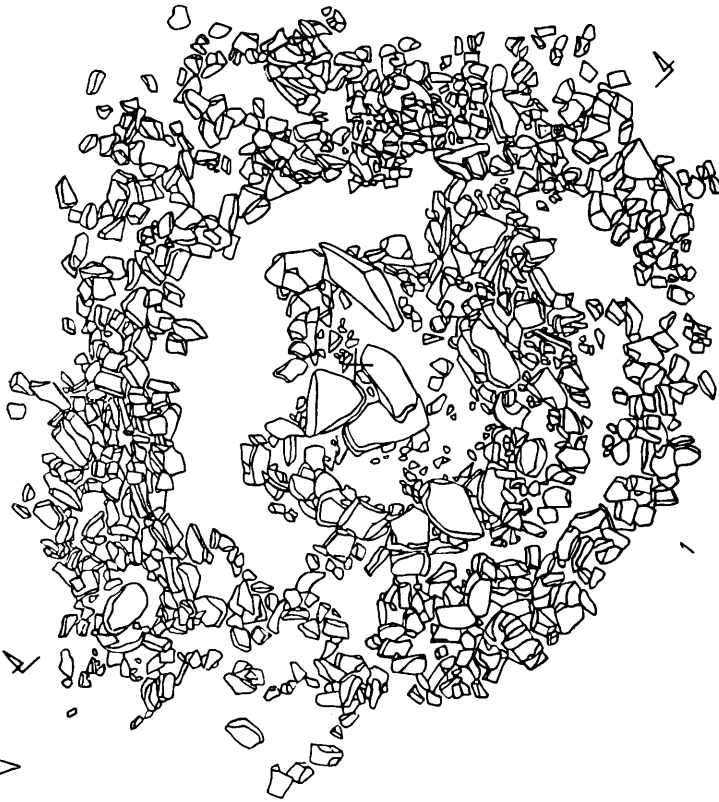
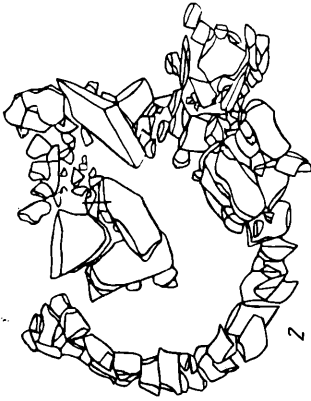
В камерах на разных уровнях — кости молодой особи овцы: позвонки, фрагмент таза, голень, лопатка, предплечье, нижняя и верхняя челюсти⁹.

Камера кургана 17 не потревожена (рис. 4). В северо-западной ее половине — скелеты людей, в восточном углу — кости козы: череп, нижняя челюсть, кости ног, ребра, позвонки. Положение погребенных — на правом боку, с подогнутыми ногами. Головы — на каменных «подушках». Перед лицом и за головой северного скелета — две вертикально приставленные к стенке плиты, за головой второго, находящегося в ногах первого, — глиняный сосуд. Ориентировка северного скелета — головой на север — северо-восток, южного — головой на запад (с небольшим отклонением к северо-западу).

В центральной части камеры на полу — глиняный сосуд с остатками мясной пищи (кости двух особей овцы: фрагменты таза, предплечье, голени, пяточные кости, астрагалы).

Инвентарь в кургане 17 следующий:

Керамика: сосуд баночной формы с четырьмя налепными выступами на тулове (4; рис. 5, 4)¹⁰, кувшиновидный сосуд с налепным валиком по

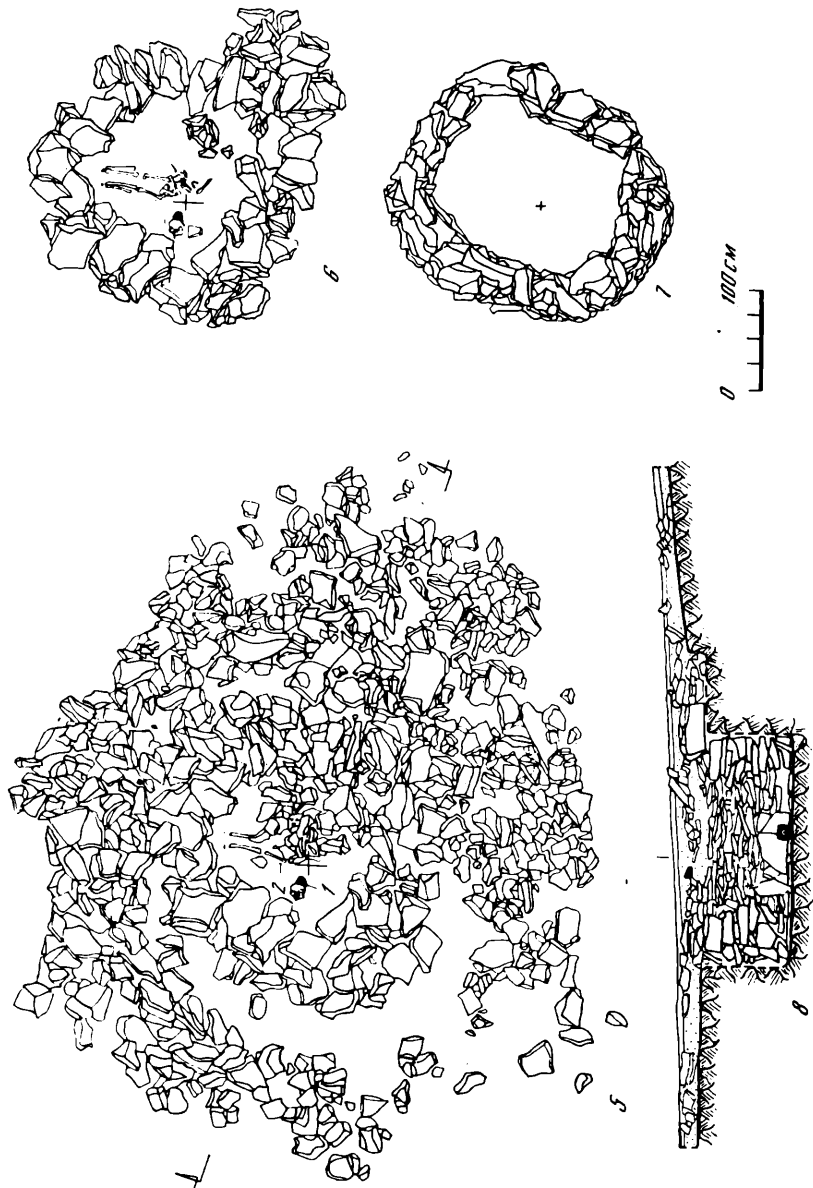

Рис. 2. Курганы 16 и 17

- 1-4 — курган 16:
- 1, 4 — план после расчистки, разрез,
- 2, 3 — план сохранившейся на уровне древней поверхности наземной части центральной конструкции (верхний и нижний слои);
- 5-8 — курган 17:
- 5, 8 — план после расчистки, разрез,
- 6 — план сохранившейся на уровне древней поверхности наземной части конструкции,
- 7 — план верхнего слоя погребальной камеры

0 100 см

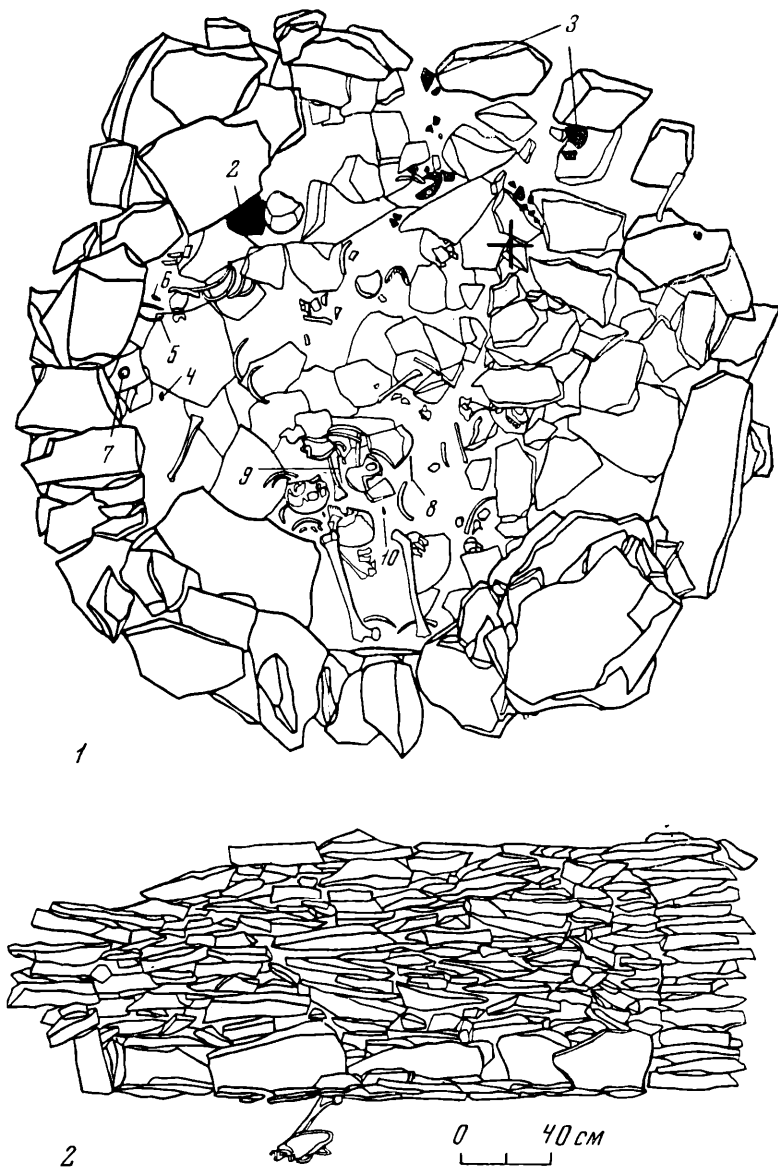
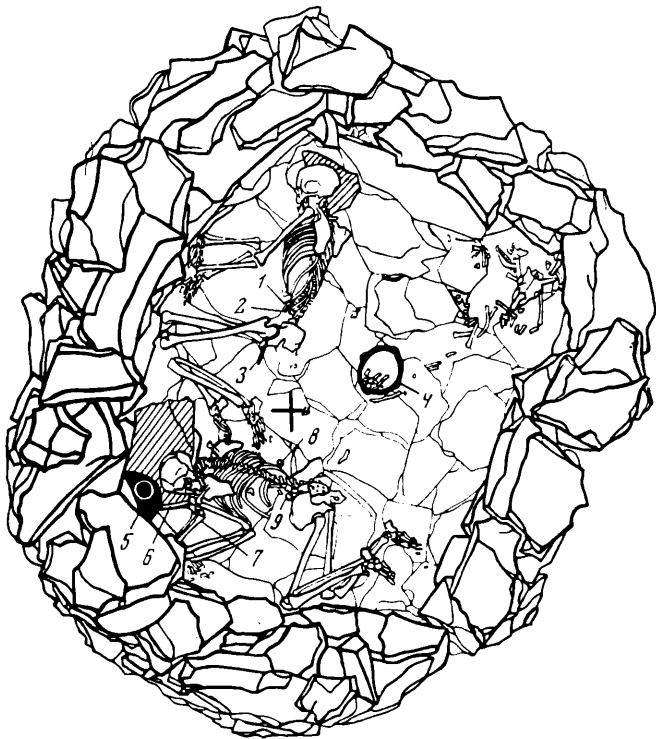

Рис. 3. Курганы 16 и 17

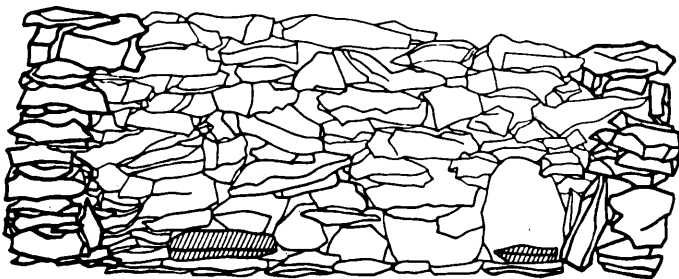
1, 2 — курган 16: план камеры после расчистки (1) и разрез (2); 3, 4 — курган 17: план камеры после расчистки (3) и разрез (4)

краю и под горловиной (5; рис. 5, 5)¹¹. Железные изделия: нож со слегка загнутым концом (3; рис. 5, 22), прямой утолщенный нож (6; рис. 5, 21), стержень с петлевидным навершием (7; рис. 5, 12), Бронзовые предметы: два уплощенных кольца (8, 9; рис. 5, 14, 15), серьга (10; рис. 5, 6). Две костяные пластины с отверстиями (1, 2; рис. 5, 16, 17).

Итак, перед нами оригинальные и довольно сложные сооружения, в которых совершены коллективное и парное захоронения. Прямые аналогии подобным постройкам, напоминающим склепы, ни в Южной Сибири, ни в Центральной и Средней Азии мне неизвестны. Совершенно исключительны они пока и среди собственно тувинских объектов¹². Что же касается обряда погребений и инвентаря, обнаруженного в склепах, то они находят близкое соответствие в памятниках второй половины I тысячелетия

3

4

до н. э. как Тувы, так и сопредельных с ней территорий. Прежде всего нужно отметить тувинские погребения V—III вв. до н. э., относимые исследователями обычно к уюкской, или казылганской, культуре¹³. Особый интерес в связи с датировкой и культурной принадлежностью публикуемых комплексов вызывают два типа памятников — «классические» для скифского времени Тувы курганы, содержащие деревянные срубы, преимущественно с коллективными погребениями в них, и погребения (как правило, одиночные, реже парные) в каменных ящиках, являющихся либо впускными в курганы со срубами, либо самостоятельными объектами, находящимися в неглубоких грунтовых ямах как под наземными сооружениями, так и без них. По общепринятой точке зрения, памятники этих двух типов датируются временем не позже III в. до н. э.¹⁴

Сходство в элементах обряда захоронений, совершенных в срубах, ящиках и склепах¹⁵, определяется положением погребенных (на боку, с подогнутыми ногами), их ориентировкой (и в срубах и в ящиках преобладающая ориентировка — головой на запад или северо-запад, подобно ориентировке одного скелета в склепе), помещением под головы умерших

Рис. 4. Общий вид погребальной камеры кургана 17 после расчистки

каменных «подушек», обычаем оставлять в могиле мясную пищу (чаще всего баранину) в глиняных сосудах и пр. Все это характернейшие черты погребального обряда основной массы тувинских племен скифского времени, свидетельствующие о вероятной этнокультурной близости к ним строителей склепов. Но нельзя не отметить и определенной специфики обряда аргалыктынских погребений: северо-северо-восточной ориентировки второго скелета, редко встречающейся в памятниках Тувы V—III вв. до н. э., особенно в срубках; наличие в склепе остатков почти целой туши козы и т. д. В сочетании с необычным типом погребальных конструкций эти немногие пока своеобразные черты могут в дальнейшем, при окончательном определении места публикуемых памятников среди памятников раннего железного века Тувы, оказаться весьма существенными.

Из инвентаря особый интерес вызывает керамика, представленная пятью сосудами — тремя баночными и двумя кувшиновидными. Показательно, что почти все они имеют близкие аналогии в керамике, происходящей как из срубов, так и из ящиков.

Баночные сосуды однотипны, несмотря на их различные размеры (рис. 5, 2—4). У всех экземпляров тождественный плавный изгиб тулова с незначительными вариациями в его толщине и степени наклона верхней части внутрь сосуда, небольшое плоское дно, широкое устье. Края банок слегка скошены внутрь и чуть отогнуты наружу. Такой тип керамики широко представлен в срубках уюкской, или казылганской, культуры Тувы и особенно в тех из них, которые относятся, по С. И. Вайнштейну, к заключительному, озен-ала-белигскому, этапу (IV—III вв. до н. э.)¹⁶. Подобные банки обнаружены в могильниках и Западной¹⁷, и Южной¹⁸, и Центральной Тувы¹⁹. Более того, одному из наших сосудов (рис. 5, 2) можно найти очень близкую аналогию в керамике кургана ОАБ-14²⁰. Сходство усиливает небольшой короткий выступ-«ручка» сбоку обоих сосудов. Два дру-

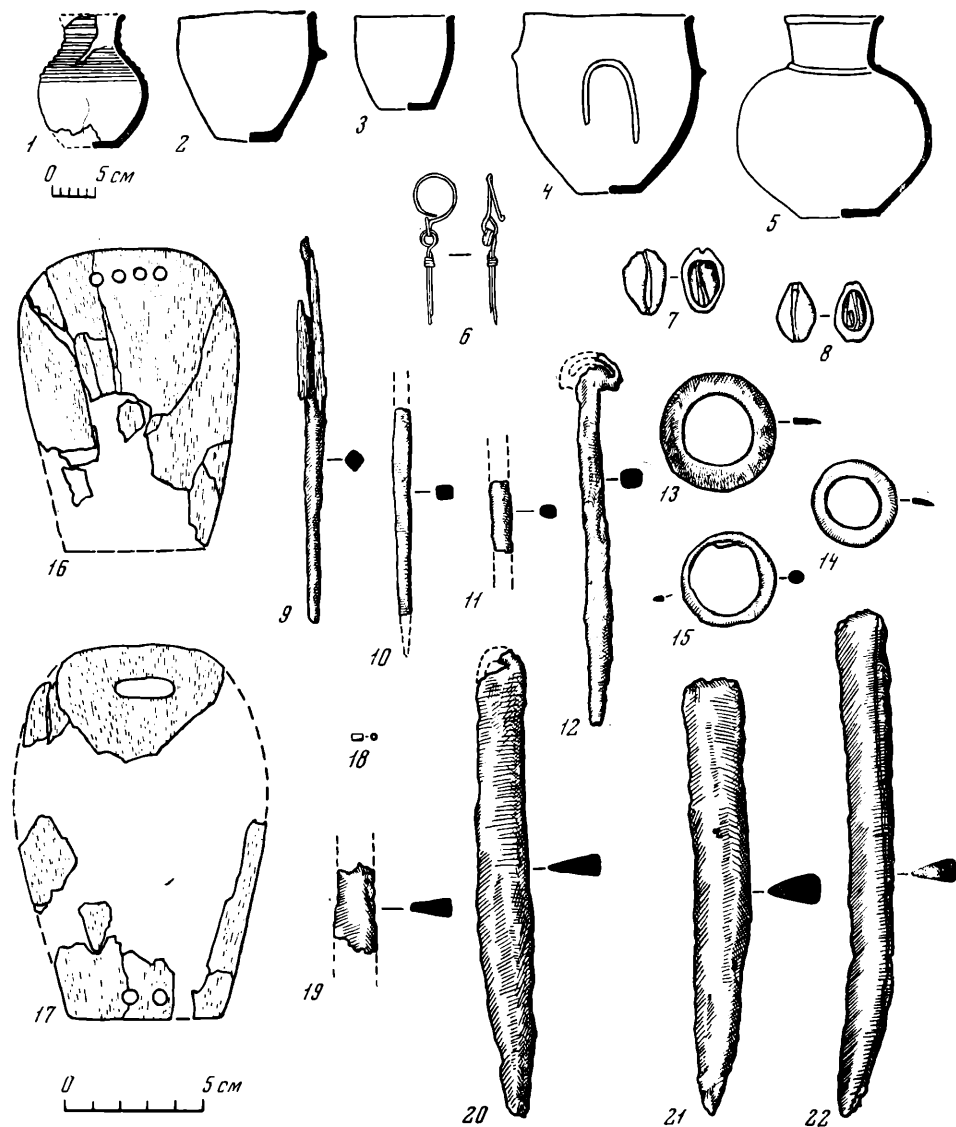

Рис. 5. Инвентарь погребений (курганы 16, 17)

1—5 — керамические сосуды; 6 — серьга; 14, 15 — кольца (все — бронза); 7, 8 — раковины каури; 9—12 — стержни-булавки; 13 — кольцо; 19—22 — ножи (все — железо); 16, 17 — пластины; 18 — бусина (все — кость)

гих сосуда (рис. 5, 3, 4) находят аналогии в весьма представительных керамических сериях могильника Аймырлыг²¹. Близкое соответствие прослеживается и в баночной посуде склепов и ящиков²², особенно в тех из них, которые расположены рядом с публикуемыми памятниками в могильнике Аргалыкты I²³. И здесь, помимо общей формы, сходство наблюдается в дополнительных аксессуарах: в незначительной, но отчетливой отогнутости венчика, в присутствии «ручек» и пр. Последняя деталь встречается пока на керамике только Тувы и прилегающей к ней с юга Северо-Западной Монголии. Это позволяет считать ее специфической лишь для региона, расположенного за Саянским хребтом: ни на Алтае, ни в Минусинской котловине, несмотря на многочисленность происходящей отсюда керамики, «ручки» не зафиксированы. В связи с этим определенный ин-

терес вызывает и другой элемент «декора»²⁴, представленный на одном из наших сосудов (рис. 5, 4), — подковообразные выступы. Прямых аналогий им в памятниках, расположенных за пределами Тувы, не имеется, хотя типологическое сходство здесь можно провести с подобными тувинским, но значительно меньшими по размерам подковообразными валиками, помещавшимися на алтайские кувшины (преимущественно вокруг отверстий, предназначенных для подвешивания сосудов)²⁵. Такие валики встречаются и в Туве²⁶. Любопытно, что они известны пока лишь на банках.

Кувшинообразные сосуды, происходящие из склепов, характеризуются шаровидным туловом, плоским дном, четко выраженной горловиной и слегка отогнутым венчиком. Край венчика скошен внутрь, с наружной стороны на нем — налипной валик (рис. 5, 1; 5). Наиболее близкие аналогии этим формам обнаруживаются опять-таки в срубах озен-ала-белигского этапа казылганской культуры²⁷ и каменных ящиках. Особенно сходны кувшины, содержащиеся в склепе кургана 16 (рис. 5, 1) и каменном ящике из Кара-Холя²⁸: их сближают не только тождественная форма, цвет и примерно одинаковые размеры, но и весьма специфический орнамент в виде углубленных горизонтальных линий, нанесенных параллельными кругами в верхней половине сосудов.

Проведенные сопоставления двух ведущих типов керамики, обнаруженной в склепах, с одной стороны, и срубах и ящиках — с другой, отчетливо свидетельствуют о том, что по крайней мере какая-то часть срубов и ящиков синхронна склепам, и наоборот. Этому не противоречит и некоторый другой инвентарь, содержащийся в склепах: такие вещи, как железные пластинчатые ножи с необозначенной рукояткой (рис. 5, 21, 22), четырехугольные и овальные в сечении стержни (рис. 5, 9—11), бронзовая серьга с петлей для подвешивания на ней дополнительного украшения (рис. 5, 6), раковины каури (рис. 5, 7, 8), аналогичны подобным изделиям из тех же комплексов (срубов и ящиков), о которых упоминалось выше в связи с керамикой²⁹.

Однако в склепах представлены и весьма специфические предметы, которые еще не встречались среди опубликованных материалов скифского времени Тувы, — широкие костяные пластины с отверстиями в верхнем и нижнем краях (рис. 5, 16, 17), железное уплощенное кольцо (рис. 5, 13), аналогичные бронзовые кольца (рис. 5, 14, 15), железный нож с полукруглым отверстием в ручке (рис. 5, 20), стержень с фигурно-петлевидным навершием (рис. 5, 12). Все эти изделия находят параллели в памятниках соседних с Тувой территорий, относящихся главным образом к постскифскому времени.

Так, например, нож с отверстием в рукоятке близок ножам «нового типа»³⁰, известным в предгорном Алтае на березовском этапе большеберченской культуры (II—I вв. до н. э.)³¹. Стержень с петлевидным навершием тождествен прямоугольным и округлым в сечении стержням, происходящим из хуннских могил и поселений Забайкалья³². В хуннских же памятниках встречаются бронзовые и железные кольца³³. Характерны они и для погребений тесинского этапа тагарской культуры, в частности для ведущего их типа — захоронений в каменных ящиках (III—II вв. до н. э.)³⁴. Очевидно, с того же времени или даже позже аналогичные кольца появляются и северо-западнее минусинских степей, в Ачинско-Мариинском районе, причем в сочетании с такими вещами, как железные кинжалы с кольцевидным навершием, восьмеркообразные пряжки с неподвижным язычком, бронзовые спирально изогнутые на концах серьги и др.³⁵, т. е. с изделиями, типичными либо для раннего (изыхского) этапа таштыкской культуры³⁶, либо для гунно-сарматского времени Тувы³⁷.

В связи с этим возможность определить дату склепов в пределах скифского времени, которая как будто бы логически вытекает из отмеченного выше сходства отдельных форм инвентаря и в первую очередь керамики,

содержащейся и в склепах, и в срубках с ящиками, вызывает сомнения. Действительно, если склепы, подобно конкретно сопоставляемым с ними памятникам, относить хотя бы к заключительному этапу уюкской, или казылганской, культуры Тувы (IV—III вв. до н. э.), то этому противоречат только что перечисленные более поздние аналогии другим обнаруженным в них вещам. Одновременно и общие для всех трех групп погребений изделия не имеют, строго говоря, твердой и узкой даты: бронзовые серьги с петлей были «в моде в IV—I вв. до н. э.»³⁸, железные стержни-булавки, находимые обычно у черепов погребенных, известны в Средней Азии не только в сакское, но и в усуньское время, и т. д.³⁹ Не позволяют считать склепы более древними и своеобразные костяные пластины с отверстиями, близкие среднеазиатским⁴⁰ и горноалтайским⁴¹ скифского времени — точно такие же предметы встречены и в материалах Иволгинского городища⁴².

Косвенным образом противоречат датировке склепов «скифским» временем и такие вещи, как костяные наконечники стрел с расщепленным насадом, железные ножи с кольцевидным навершием, бронзовые и железные пряжки с неподвижным шпеньком, модельки «скифских» котлов, содержащиеся в тех же самых ящиках, с которыми склепы сопоставлялись по сходству отдельных элементов обряда и некоторым категориям инвентаря⁴³. Правда, они происходят в основном из почти неопубликованных материалов⁴⁴, но отдельные предметы находились и в уже известных памятниках (например, в погребении с бронзовой бляхой со сценой терзания, исследованном неподалеку от аргалыктынских объектов в могильнике Урбюн III)⁴⁵.

При анализе урбюнского погребения, датированного II в. до н. э. — I в. н. э., уже обращалось внимание на сочетание в тогда еще единичных памятниках подобного типа архаических «скифских» черт с элементами, характерными для комплексов гунно-сарматского времени Тувы и близлежащих территорий⁴⁶. Сейчас, когда известна большая серия аналогичных памятников, это сочетание не может считаться случайным. Очевидно, не случайно и сходство самой формы захоронений в каменных ящиках, широко распространенной не только в Туве и Минусинской котловине, но, вероятно, в Монголии и на Алтае⁴⁸. Возможно, что все эти факторы связаны с какими-то конкретными, но пока еще плохо улавливаемыми процессами этнокультурного порядка, имевшими место в Южной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке.

Публикуемые объекты предварительно отнесены «к переходному этапу от скифского к гунно-сарматскому времени»⁴⁸. Учитывая, с одной стороны, их несомненную близость по ведущим элементам обряда и керамическим формам к погребениям уюкской, или казылганской, культуры Тувы, а с другой — наличие в инвентаре многих предметов, характерных для более поздних памятников, мы определяем абсолютную дату аргалыктынских сооружений в пределах по крайней мере III—II вв. до н. э. В этой связи можно поставить и вопрос о верхней границе не только погребений в каменных ящиках, несомненно выходящих за рамки III в. до н. э., но и «классических» для скифского времени Тувы погребений в срубках, обнаруживающих с последними много общего.

¹ Трифонов Ю. И. Новые памятники у подножия хребта Аргалыкты. — АО 1967 г. М., 1968, с. 176; он же. Дальнейшие исследования могильников Аргалыкты I и Кара-Тал IV. — АО 1968 г. М., 1969, с. 193.

² Антропологические определения провел кандидат исторических наук И. И. Гохман.

³ Первая цифра в скобках здесь и далее обозначает номер находки по чертежу.

⁴ По имеющимся черепам определены: женщина 50—60 лет; мужчина около 16 лет; ребенок 6—7 лет.

⁵ Одна раковина каури (рис. 5, 8), несомненно происходящая из этой могилы, была найдена поблизости от кургана на площади раскопа.

- ⁶ Все керамические сосуды были разбиты, фрагменты их располагались на разной высоте камеры (рис. 2, 4). Полностью собран лишь один сосуд, другой восстановлен. Кроме них имеются отдельные фрагменты еще одного горшка.
- ⁷ Сосуд красноглиняный светло-серого цвета с темными пятнами. Одна половина банки выше другой, край неровный.
- ⁸ Сосуд красноглиняный светло-коричневого цвета, местами переходящего в темный. Фрагменты, из которых он собран, расслоены.
- ⁹ Палеозоологические определения проведены младшим научным сотрудником ЛОИА АН СССР Н. М. Ермоловой.
- ¹⁰ Сосуд темно-коричневого цвета, слегка сдавлен с боков, со стороны ручек.
- ¹¹ Сосуд красноглиняный светло-коричневого цвета с темными пятнами. Поверхность местами выщерблена.
- ¹² После исследования наших памятников был обнаружен еще один такой же склеп, находящийся от них в 10—15 км, в могильнике Аймырлыг (Мандельштам А. М. Исследования могильника Аймырлыг. — АО 1971 г. М., 1972, с. 281). К сожалению, он сильно разграблен.
- ¹³ Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. — Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 6, 1958, с. 230—232; Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы. — Вестник МГУ, серия историческая, 1958, № 4, с. 75—89; Членова Н. Л. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии. — Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 9, 1961, с. 133—155; Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время. М., 1970.
- А. Д. Грач относит памятники V—III вв. до н. э. к особой саглынской культуре, резко отличающейся, по его мнению, от предшествующей культуры раннескифского периода (VII—VI вв. до н. э.), названной им алдыбельской (Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы. — Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 15, 1971, с. 96—98).
- ¹⁴ Особое мнение относительно погребений в каменных ящиках высказал недавно А. Д. Грач. Датируя ранее памятники данного типа V—III вв. до н. э. (Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. — Труды ТКЭАН, I. М.—Л., 1960, с. 82—86, 145), он сейчас выделяет их в самостоятельную улуг-хемскую культуру, хронологически следующую «непосредственно за скифским временем» (Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы, с. 99—100).
- ¹⁵ Об особенностях погребального обряда склепов мы можем судить пока только по одному неграбленному склепу кургана 17.
- ¹⁶ Вайнштейн С. И. Памятники казылганской культуры. — Труды ТКЭАН, II. М.—Л., 1966, с. 173.
- ¹⁷ Вайнштейн С. И. Памятники скифского времени в Западной Туве. — Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 3, 1955, с. 81, рис. 2, 8; он же. Памятники казылганской культуры, табл. II, 11; III 11; IV, 9.
- ¹⁸ Неопубликованные материалы могильника Саглы-Бажи IV, раскопанного Саяно-Тувинской экспедицией в 1968 г. (Грач А. Д. Исследования в Туве. — АО 1968 г. М., 1969, с. 187).
- ¹⁹ Мандельштам А. М. Могильник Аймырлыг. — Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 15, 1971, с. 265.
- ²⁰ Вайнштейн С. И. Памятники казылганской культуры, табл. III, 10.
- ²¹ Раскопки А. М. Мандельштама 1968—1972 гг. Материал не опубликован.
- ²² Например, «плоскодонный горшок без выраженного венчика» в урбюском ящике (Савинов Д. Г. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве. — КСИА, 119, 1970, с. 104—108) очень близок одному из наших сосудов (рис. 5, 2). Кроме того, см.: Вайнштейн С. И. Памятники скифского времени в Западной Туве, с. 88, рис. 6, 12.
- ²³ Грифонов Ю. И. Исследования в Центральной Туве. — АО 1969 г. М., 1970, с. 184—185; он же. Альбом к отчету о полевых исследованиях 5-го отряда Саяно-Тувинской экспедиции, проведенных в 1969 г. Архив ЛОИА, КП 1676/33, рис. 188.
- ²⁴ Совершенно очевидно, что наклепные ручки выполняли функциональную роль, являясь, очевидно, приспособлениями для поддержания или подвешивания сосудов.
- ²⁵ Завитухина М. П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска. — АСГЭ, 3, 1961, с. 95—96, рис. 2, 6—9.
- ²⁶ Вайнштейн С. И. Памятники казылганской культуры, табл. II, 11.
- ²⁷ Вайнштейн С. И. Памятники казылганской культуры, табл. I, 9; II, 10; IV, 7.
- ²⁸ Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге, с. 86, рис. 18.
- ²⁹ См., например: Вайнштейн С. И. Памятники казылганской культуры, табл. I, 8; IV, 1 (ножи); III, 5; IX, 2, 3 (бронзовая и золотые серьги); он же. Памятники скифского времени в Западной Туве, рис. 6, 10, 11 (серьга, нож); Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге, с. 86, рис. 18 (раковина каури и железный стержень); Мандельштам А. М. Могильник Аймырлыг, с. 266—267 (ножи, стержни, булавки, серьги, раковины каури).
- ³⁰ Завитухина М. П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае. — АСГЭ, 8, 1966, с. 73.
- ³¹ Там же, с. 68, рис. 7, 18, 19; Грязнов М. П. История древних племен

- Верхней Оби.—МИА, № 48, 1956, с. 96, 97, табл. XXVI, 12, 13.
- ³² Давыдова А. В. К вопросу о хуннских художественных бронзах.—СА, 1971, № 1, с. 102, рис. 8, 32; Davydova A. V. The Ivolga Gorodishche.—ААН, 20, 1968, р. 235, fig. 16, 12—17.
- ³³ Давыдова А. В. К вопросу..., рис. 5, 17; 6, 31 (е); она же. Иволгинское городище.—СА, XXV, 1956, с. 287, рис. 18, 4; Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.—Л., 1962, с. 46, рис. 41, ж.
- ³⁴ Пшеницына М. Н. Новый тип памятников III—II вв. до н. э. на Енисее.—КСИА, 102, 1964, с. 130, рис. 48, 3, 6, 7.
- ³⁵ Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Шестаковские курганы. Кемерово, 1971, с. 152—154, рис. 66, 67.
- ³⁶ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, табл. IV.
- ³⁷ Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кожэль конца I тысячелетия до нашей эры—первых веков нашей эры.—Труды ТКЭАН, II. М.—Л., 1966, с. 229, рис. 54; с. 254.
- ³⁸ Завитухина М. П. Курганы у села Быстриянского..., с. 74.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа.—АСГЭ, 5, 1962, с. 102, рис. 3, 50, 51.
- ⁴¹ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, табл. LIX, LXI.
- ⁴² Davydova A. V. The Ivolga Gorodishche, fig. 13, 10—14.
- ⁴³ Трифонов Ю. И. Исследования в Центральной Туве, с. 184—185; он же. Альбом к отчету..., рис. 53, 1; 54; 85, 2; 101, 7; 150, 1, 4; 184.
- ⁴⁴ Кроме могильника Аргалыкты I, большое количество каменных ящиков исследовано в последние годы в могильнике Аймырлыг. Инвентарь их, «видимо, относится... к позднему периоду» скифского времени (Мандельштам А. М. Исследования могильника Аймырлыг и городища Бажин-Алак.—АО 1968 г. М., 1969, с. 190).
- ⁴⁵ Савинов Д. Г. Погребение с бронзовой бляхой..., с. 104—105.
- ⁴⁶ Савинов Д. Г. Погребение с бронзовой бляхой..., с. 108.
- ⁴⁷ Например, в Быстриянских курганах Алтая (III—I вв. до н. э.) «людей хоронили как в грунтовых ямах, так и в каменных ящиках» (Завитухина М. П. Курганы у села Быстриянского..., с. 68, рис. 4).
- ⁴⁸ Трифонов Ю. И. Дальнейшие исследования могильников Аргалыкты I и Кара-Тал IV..., с. 193.

М. А. ДЭВЛЕТ, И. В. БОГДАНОВА-БЕРЕЗОВСКАЯ, Н. Н. ТЕРЕХОВА

ЧУГУННЫЙ СОСУД ИЗ ТУВЫ

В 1969 г. во время работ Тоджинской археологической экспедиции ИА АН СССР (начальник экспедиции М. А. Дэвлет) в Тоджинском районе Тувинской АССР случайно был найден чугунный сосуд¹. Находка обнаружена у восточного берега оз. Азас, недалеко от группы разновременных памятников, начиная от неолитических и кончая позднесредневековыми. Сосуд в целом хорошей сохранности, поверхность его мало коррозирована, хотя на отдельных участках наблюдаются небольшие, но глубокие (почти сквозные) коррозионные раковины, развившиеся, видимо, в местах с литейными дефектами. Это кувшин на низком полом поддоне с полусферическим туловом и уступом, переходящим в высокое горло. Ребро плечевого уступа обрамляет линия «жемчужника». Под верхним обрезом края горла — два валика. Ниже — часть ручки в виде небольшого отростка; по-видимому, ее не сумели отлить (рис. 1).

Вдоль сосуда с трех сторон четко прослеживаются незачищенные «литейные швы» — заливы металла в местах стыка литейной формы. На дне в центре — утолщение в виде плоской лепешки диаметром 4 см. Это утолщение придает сосуду неустойчивость.

Вес сосуда 4,8 кг, высота 26 см, диаметр горла 12 см, диаметр дна 11 см, диаметр самой широкой части тулова 20,5 см, высота тулова 12,5 см, высота поддона 1,5 см, толщина стенок около 3 мм.

Сосуд был подвергнут химико-технологическому изучению². Образцы для химико-технологического исследования взяты из венчика и горла сосуда. Металл очень хрупкий, имеет белый мелкокристаллический излом, со множеством газовых раковин. Изучение микроструктуры нетравленного шлифа, изготовленного на поперечном сечении стенки сосуда, обнаружило большое количество мелких и крупных газовых пор и неметаллических включений, в основном сульфидов. Судя по характерной желтовато-коричневатой окраске, это сульфиды железа (в отличие от голубовато-серых включений сернистого марганца) (рис. 2, 1). Включения сульфидов имеют неопределенную, редко — сферическую форму. Присутствие большого количества сульфидов свидетельствует о значительной загрязненности чугуна такой вредной примесью, как сера. Микроскопическое исследование травленных (2%-ным раствором азотной кислоты в спирте) шлифов выявило структуру металлической основы, характерную для малоуглеродистого белого чугуна, состоящую из сорбитообразного перлита с мартенситовой ориентировкой (рис. 2, 2) и цементита, расположенного в виде разорванной сетки по границам перлитных зерен (рис. 2, 3). Химический состав чугуна подтверждает данные металлографического анализа:

Химический анализ		Спектральный анализ			
C	S	Cr	Mn	Si	Ni
1,96%	0,48%	0,1%	0,1%	0,5%	0,1%

Характерная особенность рассматриваемого чугуна — очень низкое содержание углерода (1,96%), близкое к условной границе между сталью и чугуном. По существу, данный железоуглеродистый сплав приближа-

ется к высокоуглеродистым сталям. Другая не менее существенная особенность тоджинского чугуна — высокое содержание серы (0,48) и низкое содержание кремния (0,5%).

Полученная химико-металлографическая характеристика полностью совпадает с данными аналитического исследования древнемонгольских чугунов³, известных по раскопкам города Каракорума — первой столицы Монгольского государства, крупного торгово-ремесленного центра⁴. На основании изучения каракорумских изделий выявлен ряд характерных особенностей, которые четко выделяют продукцию Каракорума среди известных в настоящее время находок древнего чугуна⁵. Это прежде всего высокая засоренность чугуна серой (0,50—1,27%), отмеченная и для тоджинского сосуда и не встречающаяся в других древних чугунных изделиях. Особенность эта, как показано на примере чугуна из Каракорума, связана с использованием в процессе металлургической плавки чугуна минерального топлива — каменного угля⁶, а не древесного, повсеместно применяемого в сыродутном процессе и в металлургии чугуна вплоть до XVIII в.⁷

Другой характерной особенностью как каракорумского, так и тоджинского чугуна является очень низкое содержание углерода (1,86—1,96%), близкое к условной границе между сталью и чугуном.

В сочетании с низким содержанием кремния отмеченные показатели характеризуют весьма своеобразный способ получения чугуна, возможно, осуществлявшийся по двухступенчатой схеме по аналогии с известными этнографическими примерами⁸. Технология отливки тоджинского сосуда, судя по внешним признакам и микроструктуре, также абсолютно совпадает с древнемонгольской. Как и каракорумские котлы, сосуд отлит в разъемной трехчастной литейной форме с внутренним стержнем. Положение сосудов при отливке было вниз устьем, металл подавали со стороны дна.

Чугун указанного состава (высокое содержание серы, низкое содержание кремния) обладал плохими литейными свойствами, он был слишком густоплавким, вязким. В современной литейной практике, особенно при отливке достаточно тонкостенных сосудов, используется, как известно, исключительно серый чугун, а не белый, как в данном случае. При этом стараются избежать факторов, которые могли бы способствовать его отбеливанию, в частности быструю скорость охлаждения.

Древнемонгольским литейщикам, не умевшим еще регулировать качество самого металла, приходилось, видимо, в борьбе с недостаточной его жидкотекучестью, увеличивать отверстие литникового канала, о чем свидетельствуют утолщения — лепешки диаметром 4 см (тоджинский сосуд; рис. 3) или 5—6 см (каракорумские котлы).

Изготовление формы, скорее всего глиняной, для отливки тоджинского сосуда с центральным стержнем (внутренняя форма) при соблюдении равномерного зазора (3 мм), обеспечивавшего достаточно постоянную толщину стенок, требовало мастерства, имеющего в основе развитое керамическое производство.

Таким образом, полное совпадение химико-технологической характеристики сосуда из Тоджи и каракорумских чугунных изделий позволяет

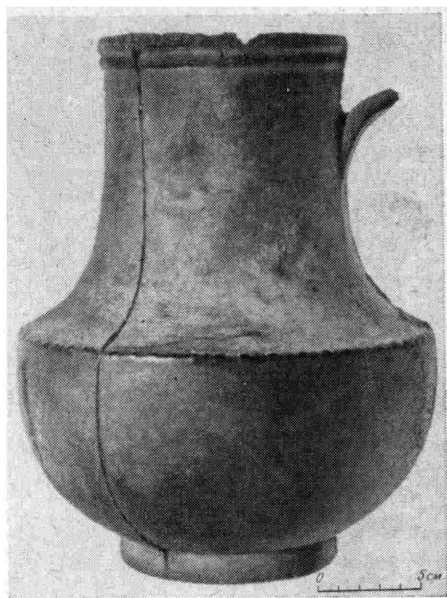

Рис. 1. Чугунный сосуд из Тоджи

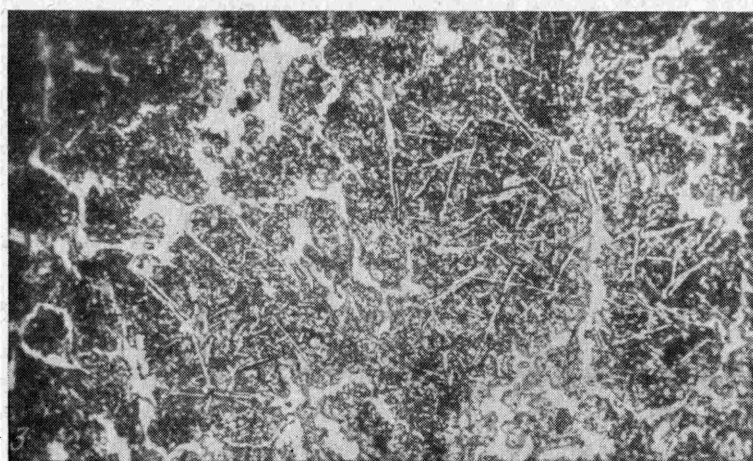
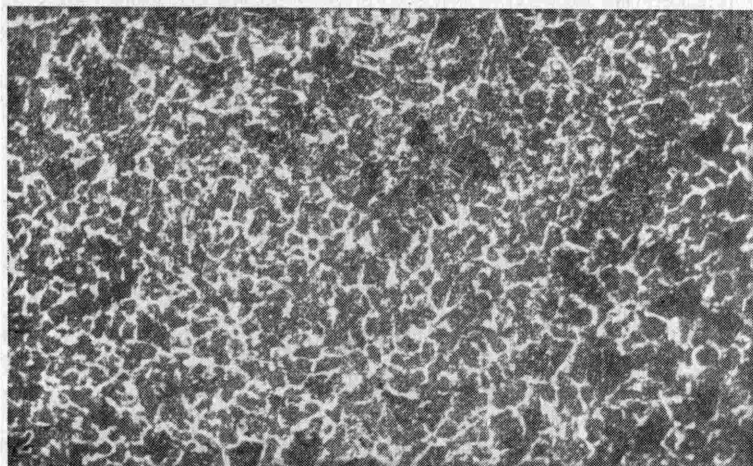
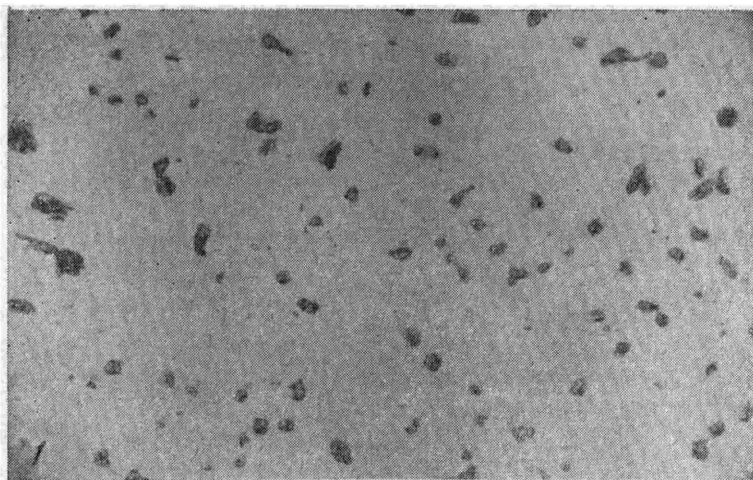

Рис. 2. Образцы микроструктур чугуна из Тоджи
1 — включения сульфидов (нетравл. ув. 100); 2 — низкоуглеродистый белый чугун (травл. ув. 100);
3 — низкоуглеродистый белый чугун (травл. ув. 400)

относить исследованный сосуд к древнемонгольскому времени, определяя его дату XIII—XIV вв.

Известно, что в XIII в. область Ханьхэна, т. е. современная Тоджа (Северо-Восточная Тува), входила в состав монгольской империи. На территории Тувы в настоящее время открыто шесть древнемонгольских городищ XIII—XIV вв.⁹ Самое раннее из них — Ден Терек, относящееся к первой половине XIII в. и синхронное ранним слоям города Каракорума, — было административным центром Тувы в то время¹⁰. При раскопках Ден Терек обнаружено большое количество шлаков, кокса, несгоревшего каменного угля, найдены и обломки чугунных изделий¹¹.

Однако отсутствие следов чугунолитейного производства и немногочисленность самих чугунных находок не позволяют с уверенностью связать отливку тодзинского сосуда непосредственно с данным центром. Следует особенно подчеркнуть традиционно местную форму сосуда, распространенную на территории Хакасии и Тувы и восходящую к гораздо более раннему времени. Так, металлические (серебряные и золотые) сосуды-кувшины подобной формы известны у енисейских кыргызов¹², аналогичный сосуд более приземистых пропорций из серебристого сплава происходит из древнетюркского погребения в Туве¹³. Кроме того, изображения подобных сосудов можно видеть на каменных изваяниях в центральномонгольских степях¹⁴. Таким образом, рассмотренный сосуд из Тоджи представляет собой воплощение древней, исторически традиционной формы в новом металле — чугуне, впервые появившемся здесь в это время.

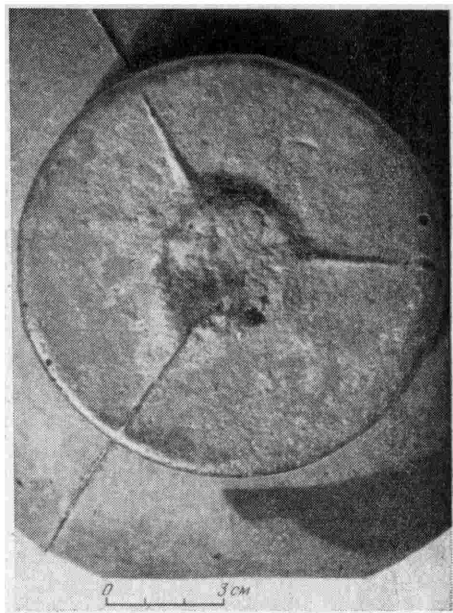

Рис. 3. Утолщение на дне сосуда — место подвода металла при отливке

¹ Дэвлет М. А. Археологические исследования в Тодже в 1969 г. — Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 14, 1970, с. 246—248.

² Определение химического состава металла проведено в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР (И. В. Богданова-Березовская), металлографическое исследование выполнено в лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР (Н. Н. Терехова).

³ Терехова Н. Н. Технология чугунолитейного производства у древних монголов. — СА, 1974, № 1, с. 69—78.

⁴ Сб.: Древнемонгольские города. М., 1965.

⁵ Терехова Н. Н. Технология чугунолитейного производства... с. 73—74.

⁶ Там же, с. 74.

⁷ Красавцев Н. И., Серовский И. А. Очерки по истории металлургии чугуна. М., 1947, с. 182—186.

⁸ Терехова Н. Н. Технология чугунолитейного производства... с. 75—76.

⁹ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 140.

¹⁰ Кызласов Л. Р. Городище Ден-Терек. — Сб.: Древнемонгольские города. М., 1965, с. 62.

¹¹ Там же, с. 70, 81—82, рис. 45, 4.

¹² Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. V.

¹³ Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. — Труды ТКАЭЭ, I. М.—Л., 1960, рис. 88.

¹⁴ Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. — МИА, № 24, 1952, с. 73—107; Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.

ХРОНИКА

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

РАБОТА СЕКТОРА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА В 1969—1973 ГГ.

В 1969—1973 гг. сектор работал над проблемами, связанными со следующими направлениями исследований: 1) изучение культуры первобытного общества, 2) генезис и формы раннеклассовых отношений, 3) развитие материальной и духовной культуры от энеолита и до раннего средневековья племен и народностей Средней Азии, Сибири, Кавказа и евразийской степи.

За 1969—1970 гг. сотрудники сектора завершили разработку ряда крупных тем: В. М. Массон окончил тему «Энеолит южных областей Средней Азии». А. М. Беленицкий разделами «Шах-наме Фердоуси и стенные росписи древнего Пенджикента» и «Четырехрукая богиня Пенджикента» закончил работу «Культура древнего Пенджикента». Г. А. Максименков написал монографию «Окуневская культура».

В 1970 г. вышла в свет книга сотрудника сектора К. Х. Кушнareвой в соавторстве с Т. Н. Чубинишвили «Древнеземледельческие культуры Южного Кавказа в V—III тысячелетиях до н. э.», в которой приводится исчерпывающая сводка памятников этого периода, открытых за последнее десятилетие, описывается древнейшая культура Закавказья в ее взаимоотношениях с синхронными культурами Передней и Малой Азии, а также дается очерк общественных отношений и духовной культуры. В 1969 г. был опубликован выпуск САИ, посвященный памятникам Южной Туркмении (автор И. Н. Хлопин). Изданы два выпуска сборника «Каракумские древности» под редакцией В. М. Массона. Продолжалось издание «Эпиграфики Востока» (вып. XIX).

Сектор продолжал исследования по плановым темам. В. П. Шилов разрабатывал обширную тему по истории Нижнего Поволжья, связанную с рядом проблемных моментов социальной истории и хронологии племенной и полтавкинской культур. М. П. Грязнов работал над темой «Афанасьевская культура» (по новейшим раскопкам Красноярской экспедиции вновь открытых могильников на Среднем Енисее). С. С. Черников продолжил исследование проблем ранних кочевников Восточного Казахстана (рассмотрены Чаганобинский и Челектинский могильники). Тема А. Д. Грача — «Центральная Азия и скифская проблема». Ю. А. Заднепровский и И. Н. Хлопин продолжали разработку тем «Древние скотоводы предгорий Ферганы» и «Идеология древних земледельцев Южного Туркменистана». А. Н. Щетенко занят монографией «Индия и Пакистан в III—II тысячелетиях до н. э.». Я. А. Шер занимался наскальными росписями на Среднем Енисее (вопросы методики изучения, процедура каль-

кирования). К. Х. Кушнарера была занята описанием научного архива А. А. Иессена. Р. М. Джанполадян разрабатывала крупную тему «Торговля армянских городов с городами Кавказа, Передней Азии и Восточной Европы в IX—XIII вв.»

Среди вызвавших интерес сообщений, сделанных сотрудниками на заседаниях сектора, можно назвать доклады М. П. Грязнова «Раскопки у горы Тепсей», В. П. Шилова «Происхождение прохоровской культуры», А. Я. Щетенко «К изучению экономического базиса древнеиндийской цивилизации эпохи бронзы», И. Н. Хлопина «К происхождению андроновского субстрата сибирских народностей», а также Р. М. Джанполадян «Сабля с армянской надписью, найденная на Приполярном Урале» (совместно с А. Н. Кирпичниковым) и А. Н. Мелентьева «К вопросу о происхождении древнеямной культуры». Сектором было также проведено научное заседание, посвященное памяти выдающегося исследователя древнего Кавказа А. А. Иессена.

На систематически проводимом в ЛОИА теоретическом семинаре сотрудники сектора выступили с докладами: «Неолитическая революция» (В. М. Массон) и «Классификация, тип, культура» (М. П. Грязнов).

В рамках теоретического семинара был сделан доклад Ю. А. Заднепровского «Основные направления в теоретической мысли археологии Италии». По теме, посвященной археологическим аспектам в концепции Ф. Энгельса о первобытности, выступил В. М. Массон. В археологическом лектории сотрудники сектора выступили с целым рядом докладов (В. М. Массон «Истоки цивилизации», С. С. Черников «Современное общество и археология», М. П. Грязнов «Раскопки царского кургана в Туве» и др.).

Значительное внимание было уделено и пропаганде научных знаний: в лектории общества «Знание» были сделаны доклады В. М. Массоном «Древнейшие цивилизации Средней Азии», М. П. Грязновым «Богатыри древнего Алтая (героический эпос скифского времени в Сибири)», В. П. Шиловым «Ранние кочевники Восточной Европы» и другие.

В 1971 г. ЛОИА начало работу по выполнению нового пятилетнего плана Института (1971—1975 гг.). Научным направлением работы Отделения в соответствии с этим планом является исследование исторических форм и особенностей развития и смены общественно-экономических формаций. В 1971—1973 гг. сектор Средней Азии и Кавказа продолжал работать над проблемами истории и культуры первобытного, рабовладельческого и феодального обществ. За эти годы сотрудники сектора завершили несколько крупных плановых тем и приступили к исследованию новых. Так, по теме «Изучение экономики общества методами археологии» В. М. Массоном были написаны разделы «Социологические исследования в археологии» и «Палеоэкономический анализ», а по теме «Раннегородская цивилизация эпохи бронзы на юге Средней Азии» — раздел «Типы поселений эпохи бронзы Южной Туркмении». А. М. Мандельштам продолжил работу над разделами к «Истории древнего Востока». В. П. Шилов подготовил к печати монографию «Новые данные по археологии Нижнего Поволжья», в которой рассмотрены проблемы происхождения скотоводства, происхождение полтавкинской культуры, связи племен эпохи бронзы. А. М. Беленицкий изучает тему «Искусство и культура Средней Азии IV—VI вв.», по которой написан раздел «Проблема культуры оседлых районов Средней Азии в эпоху великого переселения народов». И. Б. Бентович окончила тему «Ткани и одежда раннесредневекового Согда VI—VIII вв. по данным стенных росписей» и работает над «Очерками бытовой жизни раннесредневекового Согда по данным росписей Пенджикента». Ю. А. Заднепровский начал писать работу «Чустская культура Ферганы (итоги изучения за 20 лет)», в которой найдут отражение многолетние исследования автора. А. Я. Щетенко начал тему «Обмен и торговля Индии и Пакистана в III—II тысячелетиях до н. э.» И. Н. Хлопин окончил разработки по теме «Идеология древних земле-

дельцев Южного Туркменистана». Ряд дискуссионных положений автора был отмечен при обсуждении работы на заседаниях сектора. М. П. Грязнов начал работу над темой «Памятники у горы Тепсей», основывающейся на раскопках богатого археологического комплекса на Среднем Енисее. Г. А. Максименков продолжил разработку тематики по крупным культурно-хронологическим этапам истории Южной Сибири. Он начал большую тему «Тагарская культура». Э. Б. Вадецкая продолжала работу по составлению археологической карты Среднего Енисея. С. С. Черников продолжал исследования по культуре ранних кочевников Восточного Казахстана. К. Х. Кушнарева работала над материалами из раскопок древнейших слоев Двина. Р. М. Джанполадян начала писать обширный труд «Социально-экономическая структура армянского города V—XIII вв.»

Среди вызвавших интерес сообщений, сделанных сотрудниками на заседаниях сектора за 1971—1973 гг., можно назвать доклады В. М. Массона «Первые земледельцы Месопотамии» и «Культурно-хозяйственные зоны Азии», М. П. Грязнова «Раскопки кургана Аржан в Туве» (о выдающемся памятнике архаической скифской культуры), А. М. Беленицкого «Искусство эфталитского времени», И. Н. Хлопина «Храмы огня», М. Н. Пшеницыной «Глиняная голова — предшественник таштыкской глиняной маски».

Несколько сотрудников сектора успешно защитили диссертации. В 1971 г. С. С. Черников защитил докторскую диссертацию «Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы». В 1972 г. А. М. Мандельштам защитил докторскую диссертацию «История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии». В. И. Распопова окончила многолетнюю тему «Металлообрабатывающее ремесло раннесредневекового Согда» и в 1972 г. защитила кандидатскую диссертацию. Э. С. Шарафутдинова завершила разработку тематики по культуре поздней бронзы Подонья и в этом же году защитила кандидатскую диссертацию «Кобяковская культура эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону», основанную на собственных полевых работах. Ряд сотрудников (В. С. Бочкарев, М. Н. Пшеницына, Ю. И. Трифонов) разрабатывают темы кандидатских диссертаций.

В 1972 г. к званию заслуженного деятеля науки РСФСР был представлен М. П. Грязнов, старейший сотрудник сектора, в связи с чем сектором было подготовлен сборник «Первобытная археология Сибири».

В течение рассматриваемого периода сотрудники сектора опубликовали ряд монографических работ и статей в тематических сборниках. Вышла в свет монография В. М. Массона «Поселение Джейтун» (МИА, № 180, 1971), в которой рассмотрен обширный круг теоретических вопросов, касающихся проблем перехода к формам производящей экономики. Сотрудниками сектора А. М. Беленицким и И. Б. Бентович написаны разделы в книге «Средневековый город Средней Азии» (коллектив авторов), которая является первым опытом всесторонней монографической характеристики раннесредневекового среднеазиатского города. Под редакцией заведующего сектора В. М. Массона опубликованы два тематических сборника в рамках серии «Успехи среднеазиатской археологии» (вып. 1, 2), посвященные соответственно проблемам раннеземледельческих культур и культурам каменного века на территории Средней Азии. Помимо научных разделов это издание привлекает своими разделами, посвященными информационным вопросам и хронике полевых работ и научной жизни. Продолжали выходить также очередные номера журнала «Эпиграфика Востока», курируемого сектором (вып. XX, XXI).

По инициативе заведующего сектором В. М. Массона и при активном участии сотрудников сектора прошли три симпозиума теоретического семинара и сектора Средней Азии и Кавказа, посвященные некоторым узловым вопросам истории и культуры первобытного общества. В 1971 г. работала в рамках пленума ЛОИА секция-семинар «Проблемы реконструкции общественных отношений в древности по данным погребений и мо-

гильников», на которой сотрудники сектора выступили с докладами (В. М. Массон «Погребальный обряд и вопросы социальных реконструкций», В. П. Шилов «Обряд погребения и проблемы экономики степной полосы», М. П. Грязнов «Реконструкция погребального обряда и социальной жизни древних племен на примере афанасьевских могильников» и другие). В 1972 г. прошел симпозиум «Обмен и торговля в древних обществах», а в 1973 г. — «Реконструкция древних общественных отношений по данным жилищ и поселений». По двум последним симпозиумам были опубликованы тезисы докладов.

В 1969—1973 гг. сотрудники сектора продолжали работу в экспедициях, связанную с разработкой плановой тематики. Работали экспедиции Каракумская (начальник В. М. Массон), Красноярская и Аржанская (М. П. Грязнов), Никопольская и Волго-Донская (В. П. Шилов), Саяно-Тувинская (А. Д. Грач), Астраханская (А. Н. Мелентьев) и Нижне-Гниловская (Э. С. Шарафутдинова) и отряды Пенджикентский Таджикской экспедиции (А. М. Беленицкий) и Дальверзинский (Ю. А. Заднепровский). Результаты работ получили отражение в кратких информационных статьях известного периодического издания «Археологические открытия» за соответствующие годы. Члены кавказской группы сектора Р. М. Джанполадян и К. Х. Кушнарева принимали участие в раскопках Двина.

Несколько сотрудников сектора совершили зарубежные поездки с научной целью. А. Я. Щетенко находился в творческой командировке в Пакистане, где посетил музеи Карачи, Лахора, Пешавара, Мохенджо-даро, Хараппы и других городов, побывал на раскопках, а также выступил с докладами. В. П. Шилов находился в научной командировке в Венгрии с целью изучения материалов по проблеме сарматской культуры на территории Паннонии. Р. М. Джанполадян участвовала в работах X Конгресса по классической археологии, происходившего в Турции, где посетила ряд античных памятников.

Ли́дия Алексе́вна ЕВТЮХОВА

31 июля 1974 г. на 71 году жизни скончалась Ли́дия Алексе́вна Евтюхова — известный советский археолог, заведующая Отделом полевых исследований Института археологии АН СССР.

Л. А. Евтюхова родилась 31 августа 1903 г. в Петербурге в семье инженера. Детство она провела в Ростове-Ярославском, где по окончании школы поступила в Ростовское отделение Археологического института, с которого в 1922 г. перевелась на отделение факультета общественных наук Московского университета. Археологическую практику она прошла под руководством профессора В. А. Городцова. Первые самостоятельные раскопки (славянских курганов) были проведены ею близ с. Иславское под Звенигородом. В 20-х годах под ее руководством раскапывались городища и курганы в Московской области и в Поволжье. В 1925 г. после окончания университета Л. А. Евтюхова была принята на работу в Государственный исторический музей. В 1930-х годах она совместно с С. В. Киселевым и самостоятельно провела ряд экспедиций в Южной Сибири и на Алтае. В этот период у нее окончательно определились научные интересы, связанные с изучением древней истории народов Сибири. Наиболее выдающиеся научные открытия были сделаны в результате раскопок Копёнского чаатаса, кыргызского поселения у с. Малые Копёны и двора гуннского наместника около колхоза «Сила» близ Абакана.

Во время Великой Отечественной войны в 1942 г. Л. А. Евтюхова была руководителем комиссии по обследованию и составлению актов о разрушениях, причиненных фашистами в г. Истре и в Ново-Иерусалимском монастыре, принимала активное участие в работах комиссии по учету разрушений в городах Дмитрове, Яхроме, Звенигороде. Она была награждена медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а в 1953 г. — орденом Трудового Красного Знамени.

В 1946 г. Л. А. Евтюхова успешно защитила кандидатскую диссертацию «Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)». В 1946 г. эта работа вышла в свет отдельной книгой. В 1946 г. Л. А. Евтюхова была зачислена старшим научным сотрудником сектора первобытной археологии ИИМК АН СССР (ныне Институт археологии). До 1950 г. основную работу в институте она совмещала с работой в ГИМ. В 1952 г. вышла из печати работа Л. А. Евтюховой «Каменные изваяния Южной Сибири», в которой применен оригинальный метод исследования подобного рода памятников, заимствованный впоследствии другими археологами. В течение ряда лет с 1948 г. Л. А. Евтюхова работала в составе Монгольской археологической экспедиции, проводившей под руководством С. В. Киселева исследования древнемонгольских городов на территории МНР и Забайкалья. Результаты работ этой экспедиции опубликованы в книге «Древнемонгольские города», вышедшей из печати в 1965 г. Л. А. Евтюховой написаны следующие разделы этой коллективной монографии: «Фрески Каракорума», «Монеты Каракорума», «Керамика Каракорума», «Изделия различных ремесел Каракорума». Всего перу Л. А. Евтюховой принадлежит более 50 научных работ.

Огромный и разносторонний опыт личного исследования всех видов памятников, великолепная наблюдательность и точность фиксации в поле выдвинули Л. А. Евтюхову в ряды ведущих специалистов в области методики полевых исследований. Более 20 лет ее жизни связаны с Отделом полевых исследований. С 1951 по 1953 гг. она старший научный сотрудник Отдела, с 1953 по 1966 гг. — ученый секретарь, с 1966 г. и до конца жизни — заведующая Отделом. Своими высококвалифицированными консультациями и рекомендациями она способствовала повышению уровня полевой методики многих исследователей.

Начиная с 1951 г. Лидия Алексеевна возглавляла выставочную комиссию института. Под ее руководством организовывались выставки к ежегодным отчетным Пленумам Института археологии, юбилейные выставки достижений археологии в 1957 и в 1967 гг., разделы археологии на международных выставках в Нью-Йорке, Лондоне и Париже, выставка «Археология в СССР», с большим успехом демонстрировавшаяся в Голландии, Италии, Швейцарии и ФРГ, выставка достижений археологии на ВДНХ. С 1964 г. Л. А. Евтюхова была членом Научного совета по выставкам АН СССР и Союзных республик при Президиуме АН СССР.

Большое место в деятельности Л. А. Евтюховой занимала редакторская работа — с 1956 по 1964 гг. она была членом редколлегии журнала «Советская археология», с 1957 по 1971 гг. — руководила в журнале одним из ведущих разделов — «Публикации».

Большое внимание уделяла Л. А. Евтюхова делу охраны памятников — она была деятельным и активным членом секции исторических и археологических памятников и членом художественного совета Центрального совета Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры.

Лидия Алексеевна была одаренным и разносторонним исследователем.

В памяти всех близко знавших Лидию Алексеевну она навсегда останется человеком сдержанно-спокойным, доброжелательным, душевно щедрым, олицетворяющим самообладание, мужество и скромность.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БарнПИ	— Барнаульский педагогический институт
БМ	— Бийский музей
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВГК	— Вестник Геологического комитета
ВДИ	— Вестник древней истории
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ЭСОРГО	— Записки Сибирского отдела Русского географического общества
ИА	— Институт археологии
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
МАЕСВ	— Материалы по археологии европейского Северо-Востока
МАР	— Материалы по археологии России
МВСАЭСА	— Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИМК	— Музей истории материальной культуры Томского государственного университета
ТГУ	
МИТТ	— Материалы по истории Туркмении и туркмен
НГПИ	— Новосибирский педагогический институт
ОИПК ГЭ	— Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ОНУ	— Общественные науки Узбекистана
ПВ	— Проблемы востоковедения
ПС	— Палестинский сборник
РГО	— Российское географическое общество
СА	— Советская археология
САГУ	— Среднеазиатский государственный университет
САИ	— Свод археологических источников
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ	— Советская этнография
ТКАЭЭ	— Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТКЭАН	— Тувинская комплексная экспедиция Академии наук СССР
ТНИИЯЛИ	— Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЭВ	— Томский областной краеведческий музей
ТОКМ	— Эпиграфика Востока
ААН	— Acta Archaeologica Hungarica
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua
SPA	— Survey of Persian Art

СОДЕРЖАНИЕ

Средняя Азия

Ю. А. Заднепровский. Укрепление чустских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии	3
Л. И. Хлопина, И. Н. Хлопин. Раскопки могильника Сумбар I в 1972—1973 гг.	14
А. М. Мандельштам. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия	21
Е. Е. Кузьмина. Греческий курор в Бактрии	27
А. В. Пайкова, Б. И. Маршак. Сирийская надпись из Пенджикента	34
В. И. Расопова. Отливка монет в мастерских Пенджикента рубежа VII—VIII вв.	39
А. Анарбаев. К вопросу о водоснабжении и озеленении городов Средней Азии в предарабское время (по материалам Пенджикента)	49
И. Б. Бентович. Музыкальные инструменты древнего Согда (по данным росписей Пенджикента)	55

Сибирь

Л. П. Хлобыстин, С. В. Студзицкая. Древние памятники на западе плато Путорана	62
М. Ф. Косарев, В. Ф. Зайберг. Поселение Ипкуль VIII	68
Н. Л. Членова. Андроновские и ирменские погребения могильника Эмеевка (Северный Алтай)	76
В. И. Мошинская. К вопросу о каменных плитках с рельефными головами баранов	84
В. А. Могильников, Б. Б. Овчинникова. Исследование Оськинского городища	89
Т. М. Потемкина. Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол	97
Ю. С. Гришин. О некоторых орудиях древнейшего горного дела из Забайкалья	107
Ю. И. Трифионов. Новый тип памятников раннего железного века в Туве	109
М. А. Дэвлет, И. В. Богданова-Березовская, Н. Н. Терехова. Чугунный сосуд из Тувы	122

Хровика

М. Д. Хлобыстина. Работа сектора Средней Азии и Кавказа в 1969—1973 гг.	126
<u>Ли́дия Алексе́евна Евтю́хова</u>	130
Список сокращений	132

Археология Средней Азии и Сибири
КСИА, вып. 147

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства *Н. И. Сергиевская*
Технические редакторы *Н. Н. Плохова, И. Н. Жмуркина*
Корректор *М. М. Баранова*

Сдано в набор 12/VII 1976 г. Подписано к печати 5/X 1976 г. Формат
70×108^{1/16}. Бумага № 2. Усл. печ. л. 11,9. Уч.-изд. л. 11,6.
Тираж 2150 экз. Т-16545. Тип. вак. 1386. Цена 70 коп.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12